

Для всех поклонников «Джекаби» Уильяма Риттера
и «Охоты на Джека-потрошителя»
Керри Манискалко

Охотники

Она видит правду...
но убийца,
терроризирующий Париж,
видит ее.

ДЖОДИ ЛИНН ЗДРОК

Annotation

Лондон, 1887 год. В прогрессивном женском обществе «Клуб любопытных» юная искательница приключений Вероника Спидвелл знакомится с таинственной леди Сандридж. Высокородная дама просит Веронику о невыполнимой услуге – спасти известного мецената Майлза Рамсфорта, приговоренного к повешению за кровавое убийство своей возлюбленной – художницы Артемизии. На то, чтобы разыскать настоящего убийцу, у Вероники есть всего неделя, по истечении которой Рамсфорт будет казнен. Погружаясь в тайны аристократов и представителей лондонской богемы, Вероника и ее напарник Стокер быстро понимают, что угодили в поистине опасное предприятие...

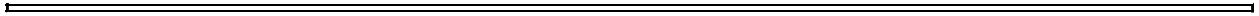

- [Джоди Линн Здрок](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

Джоди Линн Здрок

Спектакль

- © Deanna Raybourn
- © A CURIOUS BEGINNING
- © All rights reserved including the right
- © of reproduction in whole or in part in any form.
- © Д. Алюкова, перевод на русский язык, 2019
- © ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Париж, 29 июня 1887 г.

Глава 1

Натали считала, что если нужно написать о смерти, то требуется два слова, не более.

«Она умерла».

Или «он умер».

Что еще скажешь? Этого довольно. Зачем приукрашивать смерть? Вот закончилась история чьей-то жизни, и мысли этого человека, все его мольбы и чувства сошлись в одну финальную точку. Все мы знали, что это значит или должно значить, если задуматься.

Прошедшие две недели показали ей, что большинство людей вообще об этом не думало. Не так. «Она умерла» – это был не конец истории. Иногда это было только начало.

Такие мысли проносились в голове Натали, пока она осматривала ряд соломенных шляпок, курительных трубок и тростей, тянувшийся за ней. Было маловероятно, что кто-то из этих людей здесь окажется. Сюда их привела смерть, дразня любопытство, чтобы показать, что с ними станется. Но не сейчас. Сегодня была чья-то еще очередь умереть.

Ворона уселась на табличку с надписью «Свобода, равенство, братство», которая возлежала на основе из каменных колонн. Эти слова были будто выжжены на веках Натали, оставаясь с ней, даже когда она отворачивалась и моргала.

Еще восемь человек – и потом она сможет войти внутрь.

Она предполагала, что ждать придется дольше обычного, учитывая стремительное распространение новостей этим утром, но не думала, что *настолько*. Даже наблюдение за людьми, ее вечное развлечение, уже надоело. Мать развлекает своего ребенка сказкой о Красавице и Чудовище (малышка радостно завизжала, когда Чудовище снова стало человеком), пожилой господин с сиплым кашлем (она подумала, что он наверняка следующим и умрет). Американская пара обсуждала какую-то «Флориду» – этого слова она на уроках английского не слышала. Тучный мужчина в белых перчатках (в такую-то жару!), женщина, которая все вертела свой зонтик, что-то напевая под нос. Британский пьянчуга в потрепанном цилиндре, который забрел сюда, попеременно ругая цены на абсент и королеву Викторию; его прогнал смотритель. Ну, есть предел любопытству, которое можно проявить к людям в очереди по прошествии целого часа. Даже бродяги потеряли интерес.

Солнце, которое не показывалось уже несколько дней, выглянуло как раз к приходу Натали. Жара нарастала, люди в очереди начали потеть, и вскоре вонь Парижа достигла ее ноздрей.

Она вчера воспользовалась мочалкой, а окружающие, судя по доносившейся смеси духов и вони, пренебрегали ею который день. Правда, она только выздоравливала от простуды и ее обоняние и вкус еще были притуплены. Но и заложенным носом она чувствовала резкие нотки этого отчетливого запаха.

Натали вытянула из сумки блокнот и набросала пару заметок об этом солнце, этом поте и этой вороне. Месье Патинод сказал ей обращать внимание на детали независимо от того, важными они ей казались или нет, потому что второстепенные ремарки в статье иногда «как кофе для усталой истории».

Кто-то коснулся ее руки. «Цветы, мадемуазель?» Это была старушка, сновавшая по тротуару с букетами на продажу, одна из многих торговцев, которые стремились прельстить своими товарами вечно стоящую здесь толпу. Наверное, она родилась еще при Наполеоне, подумала Натали. Ее кожа состарилась от времени и воспоминаний, а глаза выдавали отчаяние или скуку. А может, и то и другое сразу.

Женщина подняла желтые цветочки, чтобы Натали могла их рассмотреть.

Яркие. Полные жизни. Воплощение лета.

«Моей матери понравился бы этот букет», – подумала Натали. Папа всегда приносил маме цветы в день своего возвращения. К сожалению, до этого еще много месяцев: он был в море с апреля и вернется только в сентябре. Матери яркое пятно сейчас будет очень кстати. Ее выздоровление было унылым и болезненным – каким угодно, только не солнечно-желтым.

Натали засунула блокнот и карандаш обратно в сумку. Она пошарила в карманах платья, пока не нашла пару сантимов. На монетах также была надпись «Свобода, равенство, братство», девиз Французской Республики, которым государство неистово помечало все, что только могло.

– Этого хватит?

Старушка взяла несколько монет из ладони Натали, не все.

– Столько, – сказала она хрипло. – Держи.

Она передала Натали цветы и ускользнула. Натали сосчитала оставшиеся монеты перед тем, как вернуть их в карман. Хорошо. У нее еще хватит на кафе.

– Красивые цветочки, – произнес детский голос позади нее.

Натали обернулась. Она не понимала, зачем сюда приводят детей, хотя

видела их здесь постоянно. Кареглазая девочка, трехлетняя копия своей миниатюрной матери, ухмылялась из-под шляпы с красной лентой.

– В таком случае, – сказала Натали, вытягивая цветок из букета, – один – тебе.

Девчушка засияла, взяв его у Натали.

– Гляди! – Она поднесла цветок к матери, на фоне голубого платья которой он казался еще ярче. – Это мне!

Натали улыбнулась и снова повернулась вперед. Всего четыре человека отделяют ее от входа. Девочка говорила с цветком как с новым другом. Ее голос сливался с фоновым шумом по мере нарастания нетерпения Натали.

Родители не разрешали ей сюда ходить до пятнадцати лет, и она почти всегда повиновалась, кроме одного раза, когда ей было тринадцать. Человек повесился и был обнаружен только через неделю; газеты пестрели такими дразнящими подробностями, что они вместе с Симоной, авантюрной союзницей на год старше и с менее строгими родителями, в один день не смогли устоять и отправились сюда после школы. Лицо человека, или то, что было его лицом, напоминало подтаявший воск. Симона доложила, что на целый день потеряла аппетит, а Натали неделю снилось, что его тело лежит у нее в кровати.

И все же, как и многих людей, это переживание манило ее с такой же силой, как и отталкивало.

Старик впереди нее сплюнул кровью перед тем, как зайти внутрь. Обходя пенящийся плевок, Натали последовала за ним.

– Минуту. – Смотритель поднял руку.

Она посмотрела через его плечо. Обзор закрывало деревянное ограждение. Через минуту (а показалось, будто через двадцать) смотритель жестом показал Натали войти в городской морг.

На виду была дюжина тел, но только одно приковывало внимание толпы. Так обычно и бывает с жертвами убийства. Морг был – по крайней мере, формально – способом идентифицировать найденные в общественных местах тела. Парижане шли сюда потому, что это было зрелище, как великий собор Парижской Богоматери, стоящий перед ним. Ходили слухи, что бродяги хотели быть частью «шоу» и иногда просились провести ночь на здешних плитах, чтобы не спать на улице.

Зайти в морг – это как ткнуть в ребра саму старуху с косой, сказав ей, что она завораживает. Потому что если она завораживает, то она не страшна. Смерть – это то, что бывает с другими.

Несколько лет назад был один убийца, который разрубил женщину

пополам. Он отправил ее плыть по Сене, разложив по паре коробок, и так ее в морге и демонстрировали. Папа сказал, что это привлекло самые большие толпы, которые он только видел.

Натали все еще не могла разглядеть тела. Люди столпились на левой стороне секции осмотра, обозначая заветное место на карте макабрических сокровищ. Симпатичный молодой работник морга стоял, как и почти каждый день, у темно-зеленой занавеси по другую сторону стекла. С внимательным, пристальным выражением лица смотрел он на толпу. Она всегда на него заглядывалась, но отворачивалась, как только чувствовала, что он может поймать ее взгляд. И сегодня – тоже.

Несколько человек наконец освободили место, и она встала за группой людей. Несмотря на свой немаленький рост, она все еще ничего не могла увидеть, кроме спутанных песочных кудрей бедной жертвы да заляпанного кровью розового платья, которое висело за ней. Натали стала рассматривать остальные одиннадцать тел, похожих на восковые фигуры, разложенные по плитам. Со вчера добавился один новенький – загорелый и неприметный мужчина, с ним получалось всего девять мужчин и две женщины. В былые дни постоянный поток воды стекал сверху для охлаждения плит, непрерывно крестя эту неприглядность. Теперь же тела часами находились в холодильнике, а затем демонстрировались охлажденными, напоминая поезд для перевозки мяса.

Позади тел висела одежда, в которой они были найдены, так же как за жертвой было повешено ее платье. Мертвые лежали там обнаженными, только тряпочка прикрывала интимные места. Большинство из них здесь находились по несколько дней, пока демонстрационная комната не могла их больше сохранять. Затем фотографию тела помещали на деревянное ограждение еще на какое-то время. Если только кто-то не опознавал его – то есть знал человека по имени, а не просто как тело на плите – то его забирали и хоронили с другими неизвестными.

Группа задвигалась, когда несколько зрителей покинуло комнату. И когда она увидела, действительно увидела, воздух из легких Натали покинул комнату тоже.

Красные порезы зияли на плоти молодой девушки, насмехаясь над ее вечным молчанием. Скорее девочка, чем женщина, с полными губками и пухлыми щечками. Одна сторона ее лица была сплошным синяком, ужасающей палитрой фиолетовых, голубых и красных оттенков.

Другая же – рассечена, как свиное брюхо на бойне. Глубокие ножевые раны спускались от правого уголка ее рта до середины шеи и к ключице.

Натали вдруг осознала, что крепко сжимает ворот своего платья, и

разжала пальцы. Она стала переминаясь с ноги на ногу, не в силах отвести взгляд от жертвы. Никогда еще ей не доводилось видеть труп, истерзанный так люто.

Кто бы это ни сделал, его ждет гильотина. Натали хотела бы это увидеть, так же как желала присутствовать на казни того ужасного убийцы Пранзини. Любой убивший двух женщин и девочку – в их собственных постелях! – заслуживает этого, думала она, как и тот монстр, который убил эту девушку.

Пожилой мужчина за ней хрипло вздохнул. Тихо и нежно он прошептал: “Requiem Aeternam dona eis, Domine. Et lux perpetua luceat ei”.

Натали узнала эту похоронную молитву. «Боже, даруй ей вечный покой. Да воссияет над ней вечный свет». Воистину.

Она наклонилась к стеклу, сглатывая комок в горле. Анонимность добавляла делу жестокости. Девушка в залитом кровью платье, жертва; вот все, чем она сейчас являлась для людей.

Девушке было не больше семнадцати-восемнадцати лет. Ее веснушчатая кожа пожелтела и раздулась еще сильнее, чем на других телах, несомненно, потому, что ее вытащили из Сены. При жизни она наверняка была хорошенькой.

«Как тебя зовут, несчастная душа?»

Маленькая девочка, затихшая при входе, теперь хныкала позади нее.

– Тут слишком темно, – сказала она. – Мне здесь не нравится.

Натали никогда не боялась темноты, даже в детстве.

Ей, скорее, было интересно, что скрывается в потемках.

Она слышала стоны девочки, затем шепот и шелест материи. Натали глянула назад. Ребенок спрятался в юбках матери.

Натали держала букет в левой руке и теперь поднесла его поближе к себе. Цветы на пути к разложению с того самого момента, как их срезали, но они все еще благоухали скорее жизнью, чем смертью. Она склонила голову к стеклу, чуть не касаясь его.

– Домой, мама. Домой. – Тихий, приглушенный голосок девочки перешел в плач.

– МАМА! – Детский вопль отразился эхом десятикратно. Натали подскочила, как пугливый жеребенок, задев стекло.

В ту же секунду она оказалась в другом месте, будто поезд подхватил ее из морга и сбросил на следующей станции. Она стояла на коленях в комнате. Кабинет, похоже, или гостиная.

Рядом с ней была та убитая из морга.

Мертвые глаза девушки были открыты, и кровь стремилась в обратном

направлении, втягиваясь в раны. Все происходило наоборот: раны затягивались, истерзанная плоть становилась гладкой, пока нож взлетал над ее лицом и шеей, исправляя нанесенные повреждения. Ее веки закрылись, как ставни. Жизнь влилась в лицо жертвы; она перекатывалась с боку на бок, разевая рот, но не издавая ни звука. Бедняжка была так близко к Натали, что до нее можно было дотронуться.

Но она не стала дотрагиваться, не могла, потому что снова оказалась в морге. Ахнув, она отдернула дрожащую руку от стекла.

Ее взгляд все был на жертве. Натали приходилось наблюдать уличные мужские драки. Однажды она видела, как мужчина грубо схватил женщину за руку, и это не давало ей покоя потом всю ночь. Она никогда, никогда не видела, чтобы мужчина ударил женщину. Не говоря уже... о таком.

«Что это вообще такое было?»

Она подняла дрожащую руку и снова дотронулась до стекла. Ничего.

Работник морга за стеклом взялся за темно-зеленую занавесь, готовый задернуть ее, как они всегда делали, когда перекладывали тела. Он обменялся взглядом со зрителем.

Натали чувствовала себя так, будто только проснулась от дремы, уже в сознании, но еще далеко. Как будто увиденный ею кошмар был одновременно и реальным, и нереальным. И, конечно, только один вариант мог быть правдой.

Она опустила взгляд на свою руку. «Почему я держу цветы?»

Пока она рассматривала букет, к ней приблизился зритель.

– Мадемуазель, – прошептал он, – не пройдет ли вы в ту дверь слева?

Он показал на деревянную дверь сбоку от витрины. Был ли у нее выбор, кроме как подчиниться? Неохотно кивнув, Натали переместилась к двери и стала ждать. Задумалась, не превратит ли ее в камень уродливая Медуза с волосами-змеями, вырезанная в центре двери.

– Вы поняли, что она сказала? – шелестел шепот, озабоченный, тревожный, с едва сдерживаемым страхом.

– Нет, я был недостаточно близко, – произнес кто-то приглушенно. – Никогда не видел ничего настолько... жуткого. Как будто со спиритического сеанса.

Натали, уже понемногу приходя в себя, обернулась и увидела, что почти все в комнате смотрят на нее. Толпа была очень плотная, а комната – слишком темна, чтобы рассмотреть лица в задних рядах. Но у нее не было сомнений, что смотрели и они.

«Что я сделала? Что они видели?» Вопрос увял у нее на языке, когда она заметила, что все отводят глаза. Мать с ребенком, стоявшие за ней в

очереди, исчезли. Она оглядела комнату. Заметила растоптанный желтый цветок у двери, такой же, как у нее в загадочном букете.

Натали смотрела на раздавленный цветок на полу и вспоминала последнюю пару минут. Она помнила, как входила в морг, как вскрикнула маленькая девочка; помнила, что испугалась от неожиданности и прикоснулась к стеклу. И, конечно, помнила галлюцинацию, осознанный кошмар, или как его еще назвать.

Все это она помнила хорошо, достаточно хорошо.

Снова повернувшись лицом к двери, она погладила лепестки цветов трясущимся пальцем. «Так почему я тогда не могу вспомнить, откуда у меня эти цветы?»

Глава 2

Натали уставилась на дверь, на точку чуть повыше клубка змей Медузы.

А затем одна из них зашипела на нее.

Она подпрыгнула. «Это невозможно».

Невозможно ли? Гляди, что случилось с витриной. Или не случилось. Она не знала, чему верить. Натали протянула руку, чтобы провести по змее, но быстро отдернула. Что если прикосновение к двери опять забросит ее в это... это место?

Она сглотнула и отошла на шаг, и в этот миг кто-то распахнул дверь.

– Я вас испугал? Боюсь, эта дверь заедает в жару. – Молодой работник морга жестом пригласил ее войти. Вблизи она увидела, что ему слегка за двадцать лет, ростом он на пару сантиметров ниже ее и у него самый идеальный на свете нос, а также немного кривой верхний клык, очаровательный своим несовершенством.

– Вижу, вы купили цветы у мадам Валуа?

Она переступила через порог, вздрогнув, когда проходила мимо Медузы.

– Я... не знаю...

Он закрыл дверь.

– У той старой женщины, которая продает цветы у морга.

– Видимо, так, – сказала Натали. Она засунула руку в карман и поняла, что монет стало меньше. Наверное, так и было. – То есть да.

– Извините, – сказал он и улыбнулся. – Откуда вам знать ее имя? Я забыл, что не все тут проводят дни и ночи.

– Не считая мертвецов, – сказала Натали, наконец не забыв улыбнуться.

Он вскинул красивую бровь:

– Остроумно. И, кстати, об именах – вы мадемуазель?..

– Боден. Натали Боден.

– Очень приятно, – сказал он, протягивая руку. От него пахло чем-то ароматным – что-то такое древесное с лемонграссом? – Я Кристофер Ганьон, представитель префектуры полиции в морге, и хотел бы задать вам пару вопросов. Следуйте за мной, *s'il vous plaît*^[1]. – Он становился серьезнее с каждым словом.

Она пожала его руку, молча извиняясь за свою вспотевшую ладонь.

– Месье Ганьон, я... я здесь просто для того, чтобы посмотреть, как и все остальные. Что вы хотите знать?

Вместо ответа он повел ее по извивающемуся коридору.

Она вдохнула, с облегчением отметив, что в воздухе не пахнет тухлым мясом. Запах был резкий, но терпимый: смесь едва заметного разложения и химикатов.

Они прошли мимо открытой двери. Она заметила парня, обмывавшего костлявое мужское тело, и ахнула; тот посмотрел на нее и быстро захлопнул дверь. Завернув за угол, она увидела открытый выход. Двое мужчин несли носилки. «Нашли его в гостиничном номере», – сказал один из них, когда они пронесли мимо пухлое тело, накрытое простыней, и вошли в комнату с табличкой «Аутопсия».

Натали показалось, что ее желудок выдернули наружу, а потом запихнули обратно.

– Мадемуазель...

Она перевела взгляд с месье Ганьона на комнату аутопсии и обратно на месье Ганьона.

– Ничего. Я в порядке.

Он кивнул и зашел в тусклую комнату без окон, но со столом и двумя стульями, неудобными на вид, и набитым доверху книжным шкафом со всякой всячиной, от путеводителей по Парижу до потрепанных романов. На верхней полке виднелись большие серые обложки с пометкой «Фотографии», упорядоченные по годам, начиная с 1877-го.

– Так... жертва убийства. Вы ее тоже сфотографируете? Или только если ее никто не опознает? – Натали показала на книги.

– Мы всех фотографируем, – сказал он сухо, подходя к столу. Как будто это не было захватывающим делом – каталогизировать трупы. Как будто у каждого трупа, проходящего через морг, не было своей истории.

Напротив книжного шкафа было единственное украшение на стене – грубая репродукция картины, изображающей аутопсию. Группа мужчин стояла вокруг тела, пока один готовился сделать надрез, а другой скручивал сигарету.

Месье Ганьон пригласил ее присесть и, если пожелает, положить цветы на краешек стола. Она так и поступила. Он устроился за столом напротив нее, собирая какие-то бумаги и перекладывая их, возможно, усерднее, чем требовалось. В нем проглядывало стеснение, которое он тщательно прятал; он старался, как она догадалась, выглядеть старше. Его большие голубые глаза обладали такой остротой, будто замечали все сразу, как птицы.

– Аутопсия на картине? – кивнула она на нее.

– Отвратительно, не правда ли? – сказал месье Ганьон, поглаживая подбородок. – Подарок одного уличного художника, который продает картины тут, поблизости. Это репродукция другой картины, думаю. Как бы то ни было, мы здесь с вами не для того, чтобы обсуждать искусство, мадемуазель Боден.

А, он один из *этих* мужчин, что любят напускать на себя «официальный вид», как Натали это называла. Такой же, как тот напыщенный, раздражительный работник магазина на втором этаже Le Bon Marché, прогнавший ее из пустого читального зала «только для мужчин».

– Так *что* мы будем обсуждать? – Натали откинулась на спинку стула.

– Мы будем обсуждать жертву убийства. – Он придвинул к себе чернильницу. – Моя обязанность – задокументировать свидетельства опознания.

Она сглотнула, хотя во рту у нее было сухо.

– Я не могу ее опознать.

– Но вы выглядели так, будто узнали ее, – сказал он, сцепляя руки в замок на столе.

Дыхание Натали сбилось. Она чувствовала себя почти обнаженной, будто сидела в задранным до колен платье.

Разумеется, она не могла рассказать ему, что произошло, и, пока сама не разобралась с этим, лучшим выходом было притвориться, что ничего необычного не произошло. Ей нужно отсюда убраться, пока он не засыпал ее вопросами.

– Я незнакома с ней и сегодня впервые в жизни ее увидела. Могу я идти? Мне нужно работать.

Натали знала, что он подумает, будто она имеет в виду работу по дому вроде стирки, или что там еще делают другие девушки ее возраста. Не «писать колонку для самой популярной газеты Парижа». Ему ни за что не придет в голову, что уже две недели шестнадцатилетняя девчонка пишет ежедневные репортажи из морга. Никогда еще женщина, любого возраста, не писала для *Le Petit Journal*. Месье Патинод, главный редактор и давний друг папы, дал ей работу, потому что мама не могла трудиться после пожара и еще долго не сможет. Если вообще когда-нибудь будет способна.

Он достал перо из чернильницы и начал писать.

– Мне тоже нужно работать. Вообще-то, именно этим я сейчас и занимаюсь. Приступим?

– Да, простите. Мне нужно кое-что закончить к определенному времени, и у меня... – «у меня сейчас больше вопросов, чем ответов». –

Продолжим.

– Ваша реакция была... странной. – Он поглядел на картину на стене, потом снова на нее. – Выражение вашего лица с простого наблюдения сменилось отрешенным, но при этом пораженным. Как будто несчастная девушка встала с плиты и направилась к вам.

– Ничего такого она не делала, – сказала Натали, с трудом удерживая голос от дрожи. – Иначе вы бы это тоже увидели.

Месье Ганьон стиснул зубы. Он смотрел на нее взглядом, которым награждали ее учителя, когда она говорила без спросу.

– Это было неучтиво. Прошу меня извинить. – Она заерзала на стуле. – Я сегодня сама не своя, и я спешу.

Убраться отсюда. Подумать. Успокоиться после того, что случилось здесь, чем бы оно ни было.

– Мы почти закончили, – сказал он, постукивая кончиком пера по подбородку. – Вы также кое-что сказали. Я не расслышал из-за стекла, но услышали стоявшие рядом с вами люди, судя по их реакции.

Видение с событиями наоборот снова пронеслось в ее голове. Беззвучные крики, борьба жертвы, втекающая в раны кровь.

Как она могла объяснить то, чего не понимала сама?

Она заметила, что руки ее дрожат, и зажала их между стулом и ногами. Месье Ганьон ждал, перо парило над бумагой. Она должна была дать ему хоть какой-то ответ.

– Мне показалось, что я узнала ее. – Пот щекотал ее брови. – Я... я поняла теперь, что обозналась.

Месье Ганьон что-то записал, и это было длиннее того, что она только сейчас сказала. Он поднял на нее взгляд, поскреб подбородок пером:

– Вы уверены?

– Да, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. «Давай правильные ответы, чтобы можно было уйти». – Я просто разволновалась. Она... она была такого же возраста, как и я. Уверена, что я среагировала на это.

Черты лица месье Ганьона смягчились.

– Понимаю, – сказал он.

– Но при этом все же мне не верите. – Натали склонила голову. – Или верите?

Мягкость рассеялась как утренний туман. Месье Ганьон уронил перо. Откинувшись назад и сложив руки на груди, он, казалось, набрал полные легкие воздуха, а потом выпустил его весь через нос, все это время неотрывно сверля ее глазами.

Натали выпрямилась на стуле и встретила его взгляд. Если она его не убедила, что тогда? Она может застрять тут на долгие часы. Только этого не хватало – не успеть сдать статью в срок. Как будто она и так уже не сомневалась, что сможет сосредоточиться на написании, и...

– Вы не очень-то умеете лгать, мадемуазель. Что-то вы от меня утаиваете.

У Натали не было на это ответа, потому что будь она на его месте, то испытывала бы такое же недоверие.

– Я спрошу последний раз, – сказал он. Его голос был осторожным, контролируемым, но не звучал недобро. – Вы можете опознать жертву?

Как он умудрялся одновременно быть таким красавчиком и таким надоедой?

– Нет, и не имеет значения, как вы сформулируете вопрос или сколько раз его зададите. Я сегодня увидела ее впервые в жизни.

Он склонил голову с озадаченным выражением лица:

– Мадемуазель Боден, должен сказать... вы очень...

Громкий стук в дверь прервал его. Он извинился и пересек комнату. Не успел он открыть дверь, как в нее постучали повторно. Затем раздался мужской голос:

– Кристоф!

Он открыл дверь и вышел в коридор, оставив дверь приоткрытой, ровно настолько, чтобы Натали смогла уловить беспокойность в их шепоте.

– О боже, Лоран, – голос месье Ганьона стал выше. – Уже?

Вскоре он заглянул обратно в комнату:

– Благодарю за уделенное время, мадемуазель Боден. – Он распахнул дверь, пожав плечами. – Мне жаль так рано обрывать нашу встречу. Дело чрезвычайной важности требует моего внимания.

– Конечно, – сказала она, вставая, взяла сумку и букет. Приблизившись к месье Ганьону, она не могла не отметить его одеколон с ароматом лемонграсса, который посреди всей этой смерти был полон жизни и свежести.

– А, да, можете выйти через задний ход, – сказал он, указывая на дверь, через которую мужчины вносили тело. Когда они дошли до нее, он открыл дверь для Натали. Она торопливо поправила ремень сумки и уронила букет.

– Ой, – сказала она, нагибаясь, чтобы собрать цветы. – Я такая неуклюжая. Извините.

Он опустил на колени, чтобы помочь ей.

– Мы начали разговор с цветов мадам Валуа, ими же и закончили, – сказал он, подавая ей букет. Возможно, он улыбался, но она была слишком смущена, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Так и есть, – подтвердила она, выпрямляясь одновременно с ним. Она посмотрела на бутоны, все еще не помня момента их покупки. Может, вспомнит потом.

Натали вышла на улицу и проскользнула мимо торговца, продававшего «паштет из морга», который был всего-навсего мазью с броским названием.

Месье Ганьон крикнул ей вслед:

– Будьте осторожны, мадемуазель Боден. – Тон его теперь был менее формальным, с вплетенной ноткой беспокойства. – Париж сейчас не место для прогулок молодой женщины в одиночку.

Глава 3

Натали опять смахнула карандашом крошки со стола. Она делала так постоянно, независимо от того, были они там или нет, после каждой написанной пары слов в статье про морг. Слова плавали по ее блокноту, как заблудившиеся рыбки.

Ей казалось, что она видит кровь.

Но это были лишь чернила.

Снова и снова.

Наконец она закончила писать, закрыла блокнот, решив дать статье время отлежаться перед тем, как прочитать ее еще раз.

Хотя она уже давно доела свою булочку с шоколадом, ее никто не гнал. Жан, ее любимый официант, видел, что она работает, поэтому не беспокоил.

Воробей прыгнул к крошкам, поклевал, пока не съел их все, и склонил головку.

«Кажется, тебе сегодня досталось больше от булочки, чем мне. Зря перевела свою любимую сладость». Эти круассаны, наполненные шоколадом, манили ее, сладкоежку, каждый раз, когда она приходила в Café Maxime. Ее подруга Агнес их тоже обожала.

Это ей кое о чем напомнило. Ей нужно было написать в ответ Агнес, которая уже успела прислать ей и открытку, и письмо. Может, завтра. Сегодня она была не в том состоянии.

Она взяла блокнот и положила его в сумку. Будто по сигналу из него выпала открытка, полученная четыре дня назад. Она перечитала ее.

Привет из Байе!

Водяное колесо вживую гораздо красивее. Сама увидишь – надеюсь, уже в следующем году!

Погода все еще великолепная. Бабушка по-прежнему печет каждый день. Роже такой же надоеда.

А я продолжаю мечтать, чтобы ты приехала.

Bisous^[2],

Агнес

Натали перевернула открытку и провела пальцем по нарисованному водяному колесу. В следующем году. Возможно.

Она потеряла виски и на мгновение закрыла глаза. Кровь. Нож. Беззвучные крики. Порезы.

Воробей чирикнул у лодыжки, резко выдернув ее обратно в настоящее. «Не надо туда. Оставайся в настоящем. Посмотри вокруг».

Натали смахнула последние крошки на землю и огляделась. Она так глубоко задумалась, что до сих пор не замечала людей вокруг.

Кафе, из которого открывался великолепный вид на собор Парижской Богоматери, было набито битком, несмотря на жару. До Натали долетали обрывки разговоров поблизости. Двух девушек она узнала, они учились на год старше, сейчас они обсуждали, как пойдут за покупками после обеда. Группа элегантных пожилых мужчин позади нее дымила сигаретами, вспоминая Париж своей юности. Один все говорил и говорил о том, как Осман, увлеченный реновацией префект департамента Сена, «разрушил город» в 1850–60-х, чтобы проложить бульвары. А это, фыркнул мужчина, «всего лишь превратило Париж в один сплошной передвижной цирк». Другой жаловался на закладываемый фундамент для «железного уродства», которое спроектировал Эйфель. Некоторые люди устроили вокруг постройки шумиху, говоря, что это будет бельмо на глазу, но Натали считала, что проект башни выглядел очень увлекательно. Пока что там были только сваи и куча металла.

Натали вложила открытку от Агнес в блокнот и уже собиралась позвать Жана, как ощутила укол вины. Агнес была одной из ее ближайших подруг, и Натали уже отставала в летней переписке. Она представила, как та ждет почту, каждый день разочаровываясь.

Натали сунула руку в сумку и достала открытку с рекой Сенной. На ней уже стоял штамп, поставленный ею два дня назад в знак лучших намерений. Она смотрела на него, казалось, целый час, но не мог же он действительно пройти?! Время сегодня было таким текучим и ускользающим от нее.

Тронув карандашом открытку, она выплеснула все мысли, которые только приходили в голову, не останавливаясь ни на мгновение.

Привет из нашего любимого кафе!

Я только доела сама знаешь что, и собираюсь писать свою статью. Жан передает привет.

Мой день, как я помню его, настолько странный, насколько только можно представить. Мне нужно тебе кое-что рассказать, и

я это сделаю в письме. Меня все еще трясет, так что извини за почерк.

Скоро напишу больше,

Ната

Едва закончив писать, она встала из-за стола, проскользнула между парой горшков с разросшимися растениями и бросила открытку в почтовый ящик.

Сев на место, она уже пожалела о написанном. Чересчур загадочно и туманно. Но не могла же она *рассказать* о произошедшем на этом клочке бумаги. Равно как и не могла притвориться, что сегодня был самый обычный парижский летний день.

«А притвориться, пожалуй, стоило. Агнес подумает, что я с ума сошла».

Натали изучила почтовый ящик, пытаясь понять, можно ли просунуть туда свою длинную руку, как вдруг услышала слово «морг» из-за соседнего столика. Она покосилась на хорошо одетую молодую пару слева и чуть подвинулась, чтобы лучше их слышать.

– Наверное, проститутка уличная, – сказала женщина.

– Необязательно. – Мужчина ослабил шейный платок. – Может, она иностранка.

– А может, убийца – иностранец.

Он задумался:

– Манера убийства выглядит вполне немецкой.

– Или русской, – сказала она, потягивая вино. – Они вообще дикари.

– Эти порезы были точными, а не дикарскими. Он мог быть хирургом или вроде того.

Тут к ним подошел Жан, и они спросили, что он думает по поводу того, кто жертва и кто убийца. Любовная ссора, предположил он. Это перешло в пересказ того, что Жан сегодня подслушал в кафе, и трое сплетничали так долго, что другой официант демонстративно покашлял, чтобы напомнить, что другой столик заказал еще вина.

Людям хочется понять, что к чему, объяснял ей месье Патинод, когда нанял. А чего они не знают – додумывают.

Что бы мне такое додумать? Я могу сказать, что это просто мое воображение.

Что-то типа видения? Нет, галлюцинация от жары. Наверняка этим оно и являлось. Незнание терзала ее. Снова.

И снова.

И снова.

Ее взгляд упал на желтые цветы, увядающие на глазах. Сколько раз она ни прокручивала в голове события этого утра, но не могла вспомнить, как покупала их.

– Чего-нибудь изволите, мадемуазель Боден? – Жан возник у нее за плечом с улыбкой.

Да, принесите, пожалуйста, мою память. А, да, и я видела сцену убийства в действии, в обратном порядке. Позвольте, расскажу вам.

Звучало как то, что могла бы сказать тетя Бриджит.

– Только чек, Жан. Спасибо.

Тетя Бриджит, которая была в психиатрической лечебнице.

Натали неслась по набережной Сан-Мишель, запыхавшись после того, как чуть не столкнулась с конной повозкой, и пересекла мост, который вел на остров Сите. Она пробежала мимо собора Парижской Богородицы, стоящего прямо перед моргом, и восхитилась его великолепием на фоне безоблачного синего неба. Она видела средневековый собор уже сотни раз, но ее по-прежнему поражали его гигантские башни-близнецы. Ребенком она дала имена некоторым горгульям на самом его верху и до сих пор приветствовала их, проходя мимо. Она привычно посмотрела вверх на Абиляра, Тристана и Бруно. Абиляр склонялся вперед, будто неодобрительно покачивая головой в ее адрес.

«Нет. Это нереально. Тебе все еще мерещится».

Она сосредоточилась на своей статье, проверяя ее на ходу, и остановилась у бронзовой конной статуи Карла Великого.

Ей пришлось с усилием выдергивать себя из этого сна, из видения, или что это вообще такое было, чтобы писать свою статью с ясной головой. Обычно слова срывались в танце с кончика ее карандаша, но сегодня они спускались на бумагу на цыпочках.

«Заканчивай каждую статью на высокой ноте, – посоветовал месье Патинод в первый день ее работы. – Настолько высокой, чтобы они с нетерпением ждали завтрашнего дня, когда можно будет купить газету с твоей следующей колонкой».

Перечислив тела, которые оставались с предыдущего дня, и добавив загорелого мужчину, Натали остановилась. У нее не было привычки расписывать отвратительные детали, но она знала, что месье Патинод потребует подробного описания.

Самым интересным трупом из всех была молодая женщина, выловленная из Сены, жертва убийства. Ее юные черты, искаженные кошмарными порезами, не выдавали ни тени ужаса, испытанного перед безвременной кончиной от рук, несомненно, холодной, нездоровой души.

Вот так. Два содержательных предложения. Так много недосказанности. Написано так, будто она каким-то образом была свидетелем убийства. Докладывает о нем бесстрастным тоном, словно оно не потрясло ее до глубины души и эту колонку написала не она.

По крайней мере, ощущения были именно такие. Все ее ощущения были такими с той самой минуты, когда она прикоснулась к тому стеклу. В своем теле, но при этом будто и не в нем. В своей голове, но будто не в ней.

Она перечитала последнее предложение и снова зашагала.

– Внимательнее!

Глаза Натали метнулись с блокнота на бродягу, прислонившегося к постаменту статуи; она не заметила его и чуть не наступила ему на ногу.

– Извините.

– Не волнуйся, девочка, – голос его был куда ласковее, чем предполагало выражение лица.

Девочка? Никто ее так не называл уже много лет.

Странно.

Натали вежливо кивнула мужчине и пошла дальше.

– Девочка! – позвал он ее. Голос его теперь звучал ниже и имел механические нотки. – С мертвыми цветами в руках и некрасивыми костлявыми ногами. Я их вижу через твоё платье.

Натали остановилась, но не обернулась. Ее оранжевое платье было из льна, многослойное, длиной до лодыжек, совершенно непрозрачное.

Холодок пробежал по ее шее.

– Я все вижу. Как будто на тебе ничего не надето.

«Он сумасшедший».

– Посмотри на меня, я святой Франциск Ассизский! Я без одежды!

«Не смотри».

Мужчина загоготал.

Полдюжины голубей сорвалось с земли позади, испугав ее. Она продолжила свой путь под бормотание мужчины. Пройдя несколько шагов, она услышала его крик – как тот детский вопль, который напугал ее в морге. Натали глянула через плечо и увидела, что он раздевается, снимая один предмет одежды за другим.

Было похоже на ее первый визит в психиатрическую лечебницу Св. Матурина.

Ее родители пошли навестить тетю Бриджит и сказали Натали оставаться дома, как и в прежние годы. Психбольница – не место для маленькой девочки, говорили они, когда она спрашивала (много раз), можно ли ей тоже поехать. Они так говорили уже давно. Тот факт, что всего за день до этого кузен Люк назвал ее малявкой (ей было одиннадцать, так что это прозвучало весьма оскорбительно), усилил ее негодование по поводу того, что она «слишком мала» для чего-то. Так что Натали заявила, что проведет день с Симоной, как она часто и делала, когда родители уезжали в больницу Св. Матурина. Но в тот день она последовала за своими родителями, оставаясь на таком расстоянии, которое позволяло ей следить за их поворотами.

Над входом была рельефная надпись серыми каменными буквами с контуром из черной сажи: «Психиатрическая лечебница имени Св. Матурина». Она проходила мимо нее и раньше, но никогда не ступала под эти страшные слова. Пугающие сводчатые двери вели в подземную темницу (по крайней мере, так ей это представлялось).

Ее тут же стала расспрашивать медсестра со стойки регистрации. Натали, запинаясь, сказала, что она здесь с родителями, пришла к Бриджит Боден, но потеряла их. Пришлось ее умолять, но медсестра все-таки сказала ей, на каком этаже ее тетя. Она побежала по грандиозной лестнице вверх, перепрыгивая через две ступеньки сразу.

Стоны, прерываемые воплями будто из потустороннего мира, сопровождали ее на пути к лестничной площадке. Дверь в палату, уменьшенная копия входной арки, скрипнула и приоткрылась на пару сантиметров, будто ее и ждала. Запах, напоминающий кислое молоко, просочился наружу. Натали заглянула в щелку и увидела бледную женщину, стоящую на коленях в коридоре, в котором с трудом разошлись бы два человека. Высокое прямоугольное окно частично освещало лицо женщины. Казалось, что она в трансе, руки болтались по сторонам, глаза закатились.

Женщина вскочила и схватила свой больничный халат. Натали глазела на бесформенное, обвисшее тело перед собой. Она никогда раньше не видела другую женщину голой, даже маму. «Солнце! Я горю!» – завопила женщина и впилась ногтями в свою тестообразную кожу, царапая шею и грудь, пока не показалась кровь.

Натали закричала. Женщина посмотрела в сторону двери и поймала ее взгляд. «Спаси меня», – беззвучно пошевелила она губами.

Тело Натали будто подбросило. Она шагнула назад, чуть не споткнувшись при повороте, рванула вниз по ступеням и вон из здания, добравшись до дома задолго до возвращения родителей.

Папа *знал*. У нее не было доказательств, и она никогда не спрашивала напрямую, но что-то в его тоне, когда он спросил о проведенном с Симоной дне, уверило в этом.

Тот случай в лечебнице стоял у нее перед глазами до сих пор, будто это случилось вчера, а не пять лет назад.

Натали прибавила шаг к трамвайной остановке, а потом сорвалась на бег. Как только она оказалась на остановке, подошел паровой трамвай. Она вместе с группой молодых ребят втолкнулась в него, переполняя и до того уже переполненный трамвай.

Трамвай поехал, и почти сразу ее взгляд упал на заднюю дверь морга, у которой она тогда рассталась с месье Ганьоном.

Он стоял там, держа дверь открытой и покачивая головой. Двое мужчин открыли заднюю дверь кареты и вытягивали оттуда накрытое простыней тело на носилках.

Трамвай завернул за угол, и здание постепенно скрывало из вида эту картину у морга.

Ее сердце стучало так сильно, что она боялась: это почувствует прижатый трамвайной толпой к ее спине парень.

«О боже, Лоран. Уже?»

Затем месье Ганьон оборвал их встречу.

«Дело чрезвычайной важности».

Обеспокоенность в его голосе, когда она выходила.

«Будьте осторожны».

Теперь она поняла. Никаких сомнений.

Еще одна жертва.

Глава 4

Все время, что она ехала в трамвае, она получала тычки локтями от парней в бриджах, стоявших вокруг, и сжимала в руках свой талисман для успокоения нервов и удачи: стеклянный флакон, наполненный землей из катакомб, подземного парижского кладбища.

По сути, это был запрещенный сувенир, потому что оттуда нельзя ничего выносить. Но она вынесла – в тот раз, когда папа привел ее в катакомбы, когда ей было восемь. Она взяла горстку земли потому, что это было запрещено, и потому, что сочла: в ней будет хоть какая-то частичка мертвеца (и тогда носить ее – все равно что носить привидение). Позже она похвасталась этим своим одноклассникам, которые завидовали ее смелости. Но даже когда все уже успели об этом позабыть, она держала флакон у себя. Станным образом он был ей дорог, и она не могла толком объяснить, почему.

Сойдя на остановке на площади Республики, чуть не споткнувшись в спешке о рельсы, она положила флакон обратно в сумку. До сдачи статьи оставалось чуть больше часа. Сдав ее, она сразу отправится обратно в морг, посмотреть на вторую жертву.

Идя домой, Натали размышляла, что сказать маме и стоит ли вообще что-то говорить. Ее мать умела слушать и советовала от всего сердца. Но это было как раз одной из причин, по которым она не хотела ей рассказывать о происшествии в морге. У мамы была манера принимать слишком близко к сердцу чужие переживания, и ее настроение было особенно переменчивым после пожара. Не говоря уже о том, что мама считала городской морг отвратительным и редко там появлялась. Нет, нельзя матери об этом рассказывать.

Дом Натали находился на тихой улице с серыми многоквартирными зданиями по обеим сторонам. Она шла еще более стремительной походкой, чем обычно. Соседский черно-белый кот напугал ее, запрыгнув на стену. Смутившись от собственной пугливости, она осмотрелась. Сама улица была пуста, но сотня стеклянных прямоугольников смотрела на нее из-за покрытых копотью балкончиков и декоративных кованых решеток.

Подходя к ступенькам своего дома, она заметила спускавшуюся по лестнице знакомую блондинку с накрашенными розовым губами, в светло-зеленом плиссированном платье.

Вот к кому лучше всего обратиться, чтобы поднять себе настроение и

выговориться.

– Тебя-то я и хотела увидеть! – произнесла Натали, пытаясь вложить в слова скорее радость, чем отчаяние. Она думала начать разговор как ни в чем не бывало, потому что даже не знала, как его вообще повести.

– Excusez-moi?^[3] Разве ты не всегда хочешь меня видеть?

Натали сложила руки на груди и сделала вид, что задумалась.

– Ну, иногда.

– Поаккуратнее с этим твоим чувством юмора. А то я украду у тебя эти цветочки, – сказала Симона, грозя ей пальцем. – Я только что к тебе заходила. Твоя мать сказала, что ты еще не заходила домой переодеться.

– Поверь, я тебе расскажу, почему. Но на это потребуется время. – Она поскакала вверх по ступеням и расцеловала Симону в обе щеки. От Симоны, как всегда, пахло розовой водой. – Но сначала – о тебе и о том, почему ты тут.

– Ты уверена?

– Да, уверена, – ответила Натали. – Дай-ка угадаю: ты переезжаешь обратно к родителям, потому что так сильно скучаешь по мне.

– Я тебя обожаю, дорогая, – сказала Симона, беря ее за руки. – Но не настолько, чтобы бросить Le Chat Noir. Уж больно там весело и много парней. – Она демонстративно встала в позу «руки в боки» и захихикала.

Родители Симоны были более покладистыми, чем у Натали, но и для них выступления в кабаре были чем-то уж слишком. Прошло почти четыре месяца с тех пор, как месье и мадам Маршан поставили Симону перед выбором: либо уходи из Le Chat Noir и занимайся семейным делом, либо живи где хочешь. В течение недели она переехала в квартирку около клуба в нескольких остановках на трамвае отсюда.

– И, кстати, – добавила Симона, – я знаю, что ты любишь приходить ко мне в гости.

– Только потому, что у тебя есть виноград, – поддразнила Натали. Так как во всем многоквартирном доме они были единственными детьми, то все детство играли вместе. С воображением Натали и смелостью Симоны им никогда не бывало скучно – ни в детских приключениях, ни в обсуждениях мечтаний, беспокойств и всего прочего, что подбрасывала им жизнь. Приходить в гости к Симоне на другой конец города, мягко говоря, было совсем иначе, чем спускаться к ней по лестнице в доме.

– Так если ты не переезжаешь обратно из-за меня, то что тебя сегодня привело сюда?

– Селесте опять нездоровится, – сказала Симона, нахмурившись. Ее семилетняя сестра болела все лето. – Я пришла присмотреть за ней, чтобы

мать могла поработать пару часов в магазине.

– Сочувствую, Симона. Рада тебя видеть, но жаль это слышать.

Симона поблагодарила ее.

– Ну, хватит обо мне. Что ты там мне хотела объяснить?

Этот вопрос, такой простой и прямой, сразу наполнил голову Натали тысячей мыслей. Столь многим надо поделиться и так много нужно рассказать. Она прикусила губу, так как множество вариантов начала истории боролись за ее голос.

– Ты слышала о жертве убийства?

– Слышала и видела. Я зашла в морг по дороге сюда. – Симона погладила шею. – Ужасно.

– Да, ужасно. И... кое-что случилось со мной в смотровой комнате сегодня утром. Это прозвучит более странно, чем все, что ты когда-либо слышала. Пообещай, что поверишь мне, – сказала Натали, присаживаясь на ступеньку. Она уложила цветы себе на колени.

Симона села рядом.

– Поверю тебе? С чего бы мне тебе не верить?

Натали вздохнула, не зная, как начать, едва в силах охватить невероятность того, о чем собиралась говорить. И затем она рассказала Симоне все, что могла, и то, чего не могла, вспоминая начало нынешнего дня.

Симона засыпала ее вопросами, хотя у Натали было не так много ответов.

– Без звука и обратным ходом. – Симона заправила за ухо локон. – Это все очень необычно. И ты уверена, что это произошло *из-за того*, что ты прикоснулась к стеклу?

– Либо так, либо это какое-то совпадение.

– Интересно, – сказала Симона, – есть ли у тебя... ну, не знаю... какая-то связь с убийцей?

Натали переплела пальцы.

– Я об этом не задумывалась, но, опять же, кто из моих знакомых мог бы быть способен на нечто подобное?

– А кто говорит, что ты с ним *знакома*? Может, ты просто была последним человеком, кто прошел мимо него по тротуару, прежде чем он выбрал жертву.

– Звучит как сюжетец из бульварного чтива. – Натали поборолла дрожь.

– Может, это была иллюзия. От жары, как лихорадочный бред. – Она произнесла это в надежде, что Симона согласится с ней.

– Может, и да. А может, и нет. Это могло быть видение... и дар.

Возможно, тебе суждено что-то сделать, как-то помочь.

– Не знаю, можно ли считать то, что я увидела, *реальным*. И сказать что-то непонятное и устроить небольшую сцену не кажется мне проявлением такого уж дара, – сказала Натали. Под ложечкой появилось чувство, будто там заворочался спящий пес, когда ей пришла в голову еще одна мысль. – А вдруг это, наоборот, что-то вроде... проклятия?

Она покопалась в памяти, пытаясь вспомнить, не обидела ли кого настолько, чтобы заслужить проклятие. Вроде бы нет, но иногда люди сердились на нее, когда она спешила занять место в паровом трамвае. И еще пару недель назад была женщина на рынке, которая на нее зыркнула и пробормотала что-то на иностранном языке. Без особой причины, кроме разногласия по поводу того, кто первый в очереди.

– Non, – Симона решительно помотала головой, – не проклятие. Вокруг тебя не витают злые духи. Я бы их почувствовала.

Симона считала себя причастной миру духов. Ну, она верила в это с тех самых пор, как влюбилась в Луи, «светского и участливого» поэта, частого гостя Le Chat Noir. Натали еще предстояло познакомиться с Луи, но вряд ли у них за последний месяц был с Симоной разговор, в котором она не упомянула его. Он верил в карты Таро, гипноз и призраков. Около недели назад он привел ее на спиритический сеанс, и она заявила, что там вошла в контакт с духом своего деда. (Хотя Натали считала спиритические сеансы полной чушью, она все же завидовала, что Симона на таком была.)

Натали покрутила пуговку на своем корсаже.

– Что бы это ни было, я хотела бы, даже если это звучит безумно, чтобы оно произошло снова.

Симона кивнула:

– Я – тоже.

– Это точно была еще одна жертва убийства, которую они вносили в морг, – сказала Натали. – Я спрошу у месье Патинода. Он все знает.

– Спорим, он не знает, как гадать на картах Таро, в отличие от твоей доброй подруги Симоны. Когда придешь в гости, я тебе погадаю.

Натали улыбнулась, водя пальцем по стеблям цветов.

– Они мне расскажут об этом загадочном букете?

– А, для этого карты вовсе не требуются. Мне кажется, твой рассудок затуманился из-за этого видения, – сказала Симона, поднимаясь на ноги. – Ты их купила, как и сказал полицейский связной. Спорим, ты и сама вспомнишь, как только немного успокоишься.

– Наверное, – произнесла Натали, вставая. Ей вовсе не казалось, что воспоминание о цветах когда-нибудь к ней вернется. Она и так уже столько

раз пыталась его вытянуть из памяти. – Как бы то ни было, мне пора переодеться и спешить со своей статьей к месье Патиноду. А у тебя, наверное, скоро репетиция?

Симона кивнула и, перед тем как развернуться и уйти, послала ей воздушный поцелуй.

– До завтрашнего вечера, Натаниэль.

С игриво-раздраженным взглядом через плечо Натали вошла в дом. Симона взяла привычку звать ее «Натаниэль» из-за одежды, которую ей приходилось надевать в *Le Petit Journal*.

Учитывая, что женщины никогда еще не писали для газеты, месье Патинод придумал кое-что, на что она неохотно согласилась. Он подумал, что лучше ее коллегам-журналистам не знать, что анонимные репортажи из морга пишет девушка. Репортер, который этим занимался до нее, Морис Кируак, получил повышение; частью договора было, чтобы он притворялся, будто до сих пор пишет их. Что касается Натали, месье Патинод попросил писать свои статьи от руки и сдавать их его секретарю, Арианне.

Также он предложил ей являться в редакцию в мужской одежде и притворяться мальчишкой-посыльным.

Мальчишкой.

Сначала эта идея была ей ненавистна. Она хотела быть Натали и никем другим. Кроме того, в штанах было жарко и неудобно, кто вообще захочет так заворачивать свои ноги в материю? Ей даже панталоны не нравилось носить.

Симона сказала Натали представить, что она на сцене, играет роль, потому что, по сути, это она и делала. Женщины, надевающие брюки по работе, должны были обращаться за «официальным разрешением», и месье Патинод его получил в письменном виде от префекта полиции.

Так что Натали подогнала старую папину одежду под внимательным руководством мамы, и получилось недурно. Носить брюки было непривычно, она чувствовала себя обнаженной из-за того, что штанины облевали ее тощие ноги. Пуговицы были крупные и громоздкие. Но стоило ей заколоть свои локоны, надеть кепку и влезть в тяжелые кожаные ботинки, как маскировка получалась почти натуральной.

Почти.

Но приходилось это делать все равно. Упускать возможность провести лето в Нормандии с Агнес. Работать в газете на год раньше, чем планировалось, и на более важной позиции, чем ожидалось. Носить мальчишескую одежду. Это уж точно было лето непредсказуемых

компромиссов и новообретенных обязанностей.

Натали взбежала по винтовой лестнице на третий этаж. После разговора с Симоной ей стало легче, но она знала, что это временный эффект. Видение никуда не делось, как тень, ждущая за дверью, чтобы постучать в нужный момент.

А пока она приняла улучшение настроения. Оно пригодится ей, чтобы выглядеть смелой перед мамой.

Замешкавшись, чтобы расправить цветы, она открыла дверь в квартиру и поприветствовала своего белого кота Стэнли, названного так за свое чисто британское поведение (ей имя Стэнли казалось очень британским, и Симона и Агнес соглашались, что оно ему весьма идет.)

Звякнула тарелка. Стэнли повел ее в кухню, будто она не знала, откуда раздался звук. Мама убирала после обеда.

– Не надо, мама, пожалуйста. Я уберу.

Натали взяла тарелку из маминых рук и вместо нее дала ей цветы, сжимая свои пальцы поверх маминых, покрытых шрамами.

– Красивые цветы для моей красивой мамы, – сказала она. – Солнце для них слишком жаркое, как видишь.

– Вода их освежит. Они чудесные! Спасибо. – Мама вдохнула их аромат, улыбаясь. Она потянулась через стопку тарелок за вазой. – Откуда они?

– Там... женщина продавала их около морга. – Натали ощутила вину за то, что выдала логическое предположение за определенность, как будто соврала.

Мама налила воды из кувшина в вазу и поставила цветы на стол.

– И поешь, пожалуйста. Вот салат из чечевицы и немного овощей. Ты слишком худенькая, ma bichette^[4].

Хотя Натали была уже заметно выше матери, она оставалась и всегда будет маминым «олenenком». Она расцеловала маму в красные щеки.

– Только если ты дашь мне самой убрать со стола.

Натали поела и, несмотря на мамины протесты, убралась потом на кухне. Почти любое домашнее дело было для мамы слишком сложным с майского пожара. Ожоги хорошо заживали, но ей все еще нужно было привыкать к этому новому, замедленному ритму. Она сейчас была неутомима, не зная, чем себя занять, особенно свои руки, которые не привыкли к покою. Мама в возрасте Натали была стажеркой в Доме высокой моды Уорта и с тех пор стала швеей. Она работала в ателье, создавая вещи от повседневных платьев до великолепных костюмов для

«Опера-Комик». Натали гордилась ее талантом и радовалась, как ей повезло иметь столько юбок и платьев. Мама покупала ткани со значительной скидкой у поставщика ателье, и Натали зачастую была одета в шелк, хлопок, муслин и бархат, которые иначе ее семья не могла бы себе позволить.

Мама была за кулисами «Опера-Комик», помогая с костюмами, когда это случилось. Часть зала «Фавар» загорелась от газовой вспышки во время представления, и жизнь мамы изменилась навсегда. Десятки людей погибли, многие пострадали от ожогов; некоторые говорили маме, что ей повезло выбежать, получив только ожоги рук. Мама всегда их вежливо благодарила, будто не слышала это уже в сотый раз. А Натали знала, что мама была безутешна из-за того, как ее руки, когда-то такие ловкие, были покрыты ужасными болезненными шрамами.

Хотя мама и заявляла, что могла шить и сейчас, нынешняя неловкость ее злила, и она была еще явно не готова вернуться на работу в ателье. Даже закрепить свой шиньон цвета мускатного ореха, всегда такой аккуратный, в некоторые дни было для нее сложной задачей. Она отказывалась верить словам врача, что, вероятно, никогда не обретет былой подвижности рук и пальцев, и старалась работать руками как можно больше.

Так что недоделанные платья – из роскошных тканей и практичного хлопка, вышитые бусинами и с благообразными пуговками – были развешаны по всей квартире. Призраки в виде платьев, напоминавшие маме о ее потере и счастливом прошлом. Натали не раз предлагала убрать их, но мама не соглашалась.

Натали вырвала листок со своей статьей из блокнота и положила на стол, пока мама говорила о своих утренних хлопотах на рынке, рассказывая историю о женщине, пытавшейся украсть грибы, спрятав их у себя в декольте.

– Можно прочитать твою статью? Эта даже у меня вызывает любопытство. Весь рынок только о ней и говорил.

– Да, пожалуйста. Ее было... особенно трудно написать, – сказала Натали, радуясь поводу ускользнуть в свою комнату.

Она поставила флакон с землей из катакомб на полочку, где хранила свои необычные вещицы. Кукла в одежде, сшитой мамой, нефритовый дракон, привезенный папой из Китая. Часть птичьего скелета (это дело Стэнли; останки бедной птички были на краю крыши, и, когда ветер сдул их под ее окно, она сохранила часть). Сильван, ее детский игрушечный кролик, затертый от постоянных объятий. Траурная брошь с заплетенным в косичку локоном волос ее бабушки. Пара молочных зубов Натали и

сброшенные Стэнли когти, вместе лежащие в фарфоровой чашечке, которую она в детстве получила в подарок от тети Бриджит для игры в чаепитие. Сувениры из глав книги ее жизни до сего момента.

Натали сняла платье и надела рубашку и чулки. Она натягивала брюки, когда мама позвала из кухни:

– Ma bichette. Эта жертва, такой ужас. Но скажи же, что ты на самом деле видела?

Глава 5

Видела.

Откуда мама могла знать?

Натали оступилась, одна нога в штанине, другая – нет, и села на кровать, чтобы восстановить равновесие. Она оделась полностью, положила флакон из катакомб обратно в карман и вышла из спальни.

– Что я *видела*?

– Порезы, синяки. Ты преувеличила? – Мама подняла ласковые карие глаза от блокнота. Она редко бывала в морге после того, как несколько лет назад увидела там изуродованное тело человека, которого задавил поезд. Но все же она жадно прочитывала репортажи из морга каждый день.

Натали выдохнула. Ну конечно, это она имела в виду под своим «видела».

Может, стоит рассказать все маме? О том, как выглядела жертва в смотровой комнате, о сцене убийства в ее лихорадочном бреде и видении, или как его назвать. О разговоре с месье Ганьоном, неосмотрительных словах, написанных Агнес, и вероятной второй жертве.

– Совсем нет. То, что я *видела*... – Она не знала, как закончить предложение. Можно было рассказать маме? – Гораздо хуже.

– Мне это не нравится, – сказала мама, покачивая головой. – То, что ты на такое смотришь каждый день. Я не уверена, что хорошая идея – писать эту колонку. Писать в газету – да. Писать репортажи из морга – нет. – Она закрыла глаза, затем открыла. – Месье Патинод очень благородно поступил, дав тебе эту работу, и я не хочу выглядеть неблагодарной или еще хуже, требуя чего-то, но...

– Ты хотела бы, чтобы он поручил мне другую колонку.

– Честно говоря, да.

Это решило вопрос. Она не могла рассказать маме, что произошло. Ее изначальное предчувствие было верным, но почему-то это ее не очень успокаивает.

Мир в представлении ее мамы был очень прост; ей нужно было только шить да заниматься домом и сопутствующими делами. У нее не было сильного желания познать мир, даже Париж, если уж на то пошло, кроме тех случаев, когда дело касалось моды. И Натали предполагала, что мать предпочла бы, чтобы она писала о бальных платьях, а не о трупах.

Она не ожидала, что мама поймет привлекательность этого занятия.

– Знаю, что тебе это не нравится, мама, но мне это кажется... захватывающим. Я не хочу, чтобы он давал мне другое задание. Хочу делать все возможное, чтобы стать хорошим журналистом. Правда, надеюсь, что когда-нибудь мне не придется для этого вот так одеваться, – сказала она, демонстрируя свой наряд. – Я хотела бы ходить в твоих платьях.

Мама встала, расправляя юбку своего платья из великолепной разноцветной шелковой парчи, которое она сшила из остатков ткани в ателье. Она часто выглядела слишком нарядной для бытовых занятий и знала это, но это был ее источник гордости.

– Хотя я это и понимаю, – сказала она, старательно пряча улыбку, – но все равно буду беспокоиться. Ты же знаешь.

– Знаю. Иначе ты была бы не мама, – поддразнила Натали, подбирая статью со стола и складывая листок. – Не беспокойся: такие вещи меня не пугают.

Правда ли это, не пугают даже после сегодняшнего? Этот вопрос проник в ее голову, будто втиснулся туда силой.

Мама поправила бархатную подушку на диване.

– Ты иногда смелее, чем нужно.

– Кто бы говорил? – Натали поцеловала маму в щеку, кладя статью в сумку. – Пришло время месье Патиноду нацеплять очки на кончик носа и одобрительно кивать.

Натали поехала на двухэтажном омнибусе, полном потеющих людей и запряженном потеющими лошадьми. Ей больше нравился паровой трамвай, более современный, плавный и быстрый. Но омнибус был дешевле и, поскольку был медленнее, лучше подходил для наблюдения за людьми. Чаще всего она выбирала то, что было ближе и доступнее, потому что Натали не нравилось ждать транспорт, да и вообще ждать что-либо.

Она сошла с омнибуса на углу улиц Лафайетт и Каде. Здание, где располагалась редакция *Le Petit Journal*, было грандиозным строением, смотрящим на Париж огромным изображением монеты на фасаде.

Хотя она тут пробыла всего две недели, Натали успела привыкнуть к суматошному ритму редакции. Печатные машинки стучали, мужчины шуршали листами и метались от стола к столу, а запах бумаги и чернил наполнял каждую комнату на всех этажах. Жужжание этой бурной деятельности ее пьянило. Как бы ей ни хотелось стать журналистом, сначала она негодовала, что придется променять лето на севере Франции с Агнес на работу здесь. План ее был попробовать заполучить работу в *Le*

Petit Journal следующим летом, а потом еще после того, как она закончит учебу через два года. Несчастный случай с мамой все поменял, и, хотя она мечтала быть сейчас с Агнес, Натали также обожала работу репортера. Следующие два года учебы были необязательными, и, учитывая, что задача школы – научить девочек быть хорошими и правильными женами (вместо того чтобы обучать их латыни и греческому, как мальчишек), она подумывала не возвращаться туда вовсе. Это будет зависеть от ее опыта в газете, в сердце передачи информации, которая пульсировала по Парижу.

Кабинет месье Патинода был на верхнем этаже. Она приветствовала короткими кивками всех проходящих мимо, испытывая облегчение, что большинство людей, казалось, ее не замечали и трюк с переодеванием работал. Как-никак все были слишком заняты, чтобы рассматривать мальчишку, бегавшего по поручениям главного редактора.

Она постучала в стеклянную дверь месье Патинода, касаясь костяшками первой буквы «Р» в надписи «Главный редактор».

– Это... ваш посыльный.

– Входи.

Она открыла дверь и увидела месье Патинода, который читал, сидя за столом, с пишущим пером в руках. Недокуренная сигарета лежала в пепельнице, соседствующей с чернильницей. Натали ненавидела курение, тогда как весь остальной Париж, казалось, это обожал, вплоть до того, что сборщики окурков бродили по бульварам, подбирая выброшенные сигареты. Учитывая, что весь кабинет месье Патинода был завален бумагами, удивительно, что все еще ничего не вспыхнуло.

Месье Патинод подозвал ее кивком, не поднимая глаз и продолжая чтение. Он был неугомонным человеком, чьи очки, казалось, в некоторые дни толще, чем обычно, в зависимости от того, где именно они сидели на его носу. А еще у него была самая быстрая речь, что ей только доводилось слышать, будто слова гнались наперегонки, кто первый выскочит из его рта.

Она ждала, пока он делал заметки, блуждая взглядом по его кабинету. Его диплом Университета Франции висел на стене, рядом с газетными вырезками о начале франко-прусской войны, каких-то экспериментах Энара, смерти Виктора Гюго и поимке убийцы Пранзини.

Он затянулся сигаретой и наконец поднял глаза, вежливо улыбаясь:

– Ну, что нам сегодня расскажут трупы? Эта жертва убийства шепнула бы нам что-нибудь на ухо, если бы могла.

Знал бы он. Натали смущенно усмехнулась и передала ему черновик. Пока его глаза стремительно скользили по строчкам, она наблюдала за его реакцией. Его нарочитая неподвижность ничего не выдавала.

– Это хорошо, – сказал месье Патинод, снова затягиваясь дымом. Его пальцы были все в пятнах от табака и чернил, – кроме одной вещи. Садись. – Он разложил статью на столе и разглядел ее.

– Да? – Она заняла место напротив него, сев себе на ладони. Она сделала ошибку? Что-то плохо написала? Она была в шоке, когда это писала, и потому вполне возможно, что...

– Ты упоминаешь ужас, который она испытала, – сказал он, прерывая ее размышления. Голос его звучал ровно. – «Ее юные черты, искаженные кошмарными порезами, не выдавали и тени ужаса, испытанного перед безвременной кончиной».

– Да.

– Ты этого не знаешь наверняка, – сказал он. Он сделал быструю затяжку и затушил сигарету, смятая окурок несколько дольше, чем было нужно. – Или знаешь?

– Я... – Натали запнулась. Она *знала* это наверняка, если то, что она видела, было реальным. Крики девушки все еще отдавались в ее памяти. – Я предположила, что она его испытывала.

– Несомненно, – произнес он, пристально глядя как бы сквозь нее.

На ее руку села муха. Она смахнула ее и встала, обрывая зрительный контакт.

– Какое отношение это имеет к статье?

Месье Патинод поднялся со стула, все еще не сводя с нее глаз.

– Несомненно, испытанного. – Он моргнул, будто только проснулся, и дружелюбно ей подмигнул. – Добавь это слово в статью. Если ты не присутствовала на аутопсии или не совершила убийства сама, то не можешь знать, испытывала ли она ужас. Может, он ее отравил, усыпил, а потом порезал.

– Объяснить мое предположение – это все? – сказала Натали раздраженно. Газета славилась своими преувеличениями, а он ее заставляет зря нервничать из-за пары слов.

– Это все. – Он вернул ей статью. – Сделай пометку и отдай это Арианне.

Арианна, секретарь месье Патинода, была единственной работающей в газете женщиной. Она набирала на машинке некоторые статьи для передачи редакторам и, зная, кто Натали на самом деле, относилась к ней благожелательно.

– Merci. – Она выпрямилась. Быть репортером из морга – это настоящая привилегия. Перед тем как Натали начала работать, мама предупредила, чтобы она не загордилась. Несмотря ни на что, было

сложно не чувствовать себя, ну, особенной и гордой.

– Я слышал, очередь была невероятно длинной... Эй, Кируак! – Месье Патинод смотрел поверх ее плеча в редакционную комнату. – Ты уже четверть часа болтаешь с Терьо. Как думаешь, твой стул еще тебя помнит? – Он повернулся обратно к Натали. – Клянусь, с тех пор как я его повысил, он стал общительнее в десять раз. В общем, эта жертва убийства привлечет много внимания, как и та, другая, которую выловили из реки сегодня. – Он понизил голос. – Мы точно не знаем, но похоже, что это вторая жертва.

– Я так и знала!

– Что?

– Ну, то есть я... У меня было такое ощущение. – Она вспыхнула, уже жалея, что заговорила. Не могла же она ему рассказать о допросе с месье Ганьоном. – Всего час назад я видела активное движение около двери, куда они заносят тела, и... Не знаю, что-то заставило меня подумать, что это могла быть еще одна жертва.

Он подвинул очки на переносицу.

– Отличный журналистский инстинкт! Я знал, что твое любопытство даром не пропадет, когда нанимал тебя.

Она поблагодарила его и любезно улыбнулась.

– Учитывая время, требующееся на аутопсию и необходимое охлаждение, я уверен, что труп не выставят на обозрение раньше чем завтра. Ты знала, что они держат убитых на виду дольше, чем другие трупы? Иногда они даже откладывают объявление личности убитого, если толпы велики. – Он поправил очки. – Чем живописнее труп, тем больше внимания он привлекает и тем дольше они держат его на виду.

– А разве они не начинают?.. – Она закончила предложение мысленно. – Слава богу, что вонь не проникает через стекло в смотровую комнату, как в старом морге. Видеть трупы – уже и так достаточно.

Ухмылка растянула губы месье Патинода. Он замешкался, будто глубоко задумался.

– Нигде в Европе не получают столько удовольствия от морга, как в Париже. Бесплатный публичный театр, и каждый день новое представление.

Что-то дрогнуло на границе сознания Натали: смутное, непонятное беспокойство. Две недели она видела месье Патинода. А сегодня все было по-другому. Он был другим.

Она поблагодарила его, извинилась и ушла. Спускаясь по ступеням, Натали размышляла об их разговоре и поняла, чем он ее встревожил.

Этот пристальный взгляд, когда они обсуждали ужас девушки.
И ухмылку, когда они говорили о морге.

Несмотря на то что сказал месье Патинод, ей пришлось вернуться в морг. Не могла же она пойти домой, не проверив. Может, он ошибся и тело уже выложили на обозрение. Возможно, они его покажут публике сейчас, а на ночь унесут охлаждаться.

Если тело уже в смотровой комнате, станет ли она дотрагиваться до стекла снова?

Она еще не решила.

Хотя толпа у морга была куда меньше, чем несколькими часами ранее, ждать пришлось дольше. На этом настаивала нервная энергия, наполнявшая тело Натали, если только она не обманывала. А это не исключено, потому что чему в себе она сейчас могла верить? И так уже все случившееся этим утром казалось далеким и ненастоящим, скорее сном, чем действительностью. Натали засунула руки в карманы брюк и сжала свой флакончик с землей из катакомб.

Когда она приблизилась ко входу, то заметила пожилую женщину, торгующую цветами. Как там ее назвал месье Ганьон? Валлет? Валлери? Валуа? Мадам Валуа. Натали видела ее вчера и позавчера. Но не сегодня. Несмотря на историю, которую рассказывали недостающие в кармане монеты и поникшие цветы дома.

Старушка держала по букету в каждой руке: один – из мелких белых цветочков, другой – из темно-розовых. Пока никто в очереди не обращал на нее никакого внимания. Натали рассматривала женщину, пока приближалась.

Нет, не видела ее сегодня.

Натали была уверена.

Когда та приблизилась, ее взгляд был как укол. Она глянула на брюки, потом снова на лицо Натали:

– Желаете еще цветов, мадемуазель?

«Еще» – доказательство, что женщина ее узнала и что продала ей те цветы сегодня утром.

Натали поймала ее немигающий взгляд и покачала головой. Мадам Валуа осмотрела ее коричневые брюки, сузила глаза и снова подняла взор на Натали, прежде чем пойти дальше вдоль очереди.

Ей казалось, что она вздохнет с облегчением, хотя бы чуть-чуть, если вопрос с цветами разрешится окончательно. Должна бы.

Но нет.

Спустя несколько минут она вошла в морг. Мужчину, стоявшего сегодня на страже смотровой комнаты, что отправил ее говорить с месье Ганьоном в кабинет, сменил другой.

Месье Патинод оказался прав. Нового трупа нет. Ничего не изменилось с утра.

У Натали засосало под ложечкой, когда взгляд упал на нее. Безымянная девушка с залитым кровью платьем. Неважно, что Натали уже видела убитую пару часов назад. Ужас и жалость никуда не делись.

Не так давно жертва была девушкой. Наверное, любила Париж так же сильно, как Натали. У нее были семья, может, братья и сестры, подруги вроде Симоны и Агнес, любимые книги, платья, блюда, и она засыпала на подушке, укрывшись одеялом. Она смеялась, и мечтала, и хранила воспоминания, которые растворились навсегда с ее последним вдохом, полным боли.

И тут Натали поняла.

Она должна еще раз прикоснуться к витрине.

Вдруг она увидит что-нибудь, что может помочь этой бедняжке? Или узнает ее имя?

Натали посмотрела на дверь с Медузой, дурным знамением сегодняшнего утра. Это просто дверь с декоративной резьбой. Она чувствовала себя глупо, что так ее испугалась и подумала, будто одна из змей шипела.

Что бы это ни было тогда, она готова испытать это снова.

Не привлекая внимания.

Месье Ганьон стоял в смотровой комнате, там же, у зеленой занавеси слева. Натали была у крайнего правого края, толпа людей ее удачно закрывала. Она не хотела, чтобы ее опять вызвали в комнату для допроса, случись что.

Он прошел в сторону Натали, наклонился что-то поднять с пола; она спряталась в тень, прежде чем он успел подняться. А поднявшись, он между делом оглядел зрителей.

Натали отвернулась в сторону, надеясь, что он не заметил ее. Выждав, она глянула; месье Ганьон вернулся на свое место.

Она встала ближе к внешней стене. Чем лучше она спрячется, тем больше шансов не выдать себя. Если это случится снова.

Если, если, если.

Она ощутила трепет, как прикосновение ветерка к нагретой солнцем коже. Медленно вдохнув, она протянула руку и прижала кончики пальцев к стеклу.

И ничего.

Она шагнула ближе к стеклу и попробовала снова.

Ничего.

Затем кое-что пришло ей в голову. Пальцы задрожали на стекле от этой мысли.

Симона предположила, что Натали знакома с убийцей. Это объяснило бы, почему она не может воспроизвести то, что произошло.

Возможно, видение было не видением вовсе, не моментом бреда и не воображением.

До сего момента ей не приходило в голову, что это могло быть воспоминанием.

Глава 6

Сон, ветреный и немилосердный, в эту ночь покинул Натали.

Она лежала в темноте, поглаживая Стэнли, чтобы напомнить себе, где она находится сейчас. Ее воображение, демонстрируя свою подлость и изобретательность, всячески пыталось убедить ее в обратном. Она представила убийцу – безликого, скрытого, скорее духа, чем человека, – шепчущего ей в ухо, говорящего, что она безумна, дразня по поводу того, что она видела, спрашивая, понравилось ли ей смотреть на убийство.

Натали больше не могла это терпеть; ей нужно было встать, подвигаться, заняться чем-то другим. Отбрасывая влажные от пота простыни, она зажгла керосиновую лампу, выскользнула из постели, схватила со стола блокнот, карандаш и маленькую коробочку. Стэнли спрыгнул с кровати, загнув хвост, готовый следовать за ней.

– Только если пообещаешь не шуметь, – сказала она, – и не хватать лапой мой карандаш, пока я пишу.

Она обулась и взяла в руки керосиновую лампу. Осторожными шагами подошла ко входной двери и выскользнула в коридор, аккуратно закрыв за собой дверь, выпуская Стэнли. Прошла по дубовому полу коридора, поднялась на три пролета винтовой лестницы. Перед ней возвышалась дверь, гордая и грозная, она практически могла представить эту дверь со сложенными крест-накрест руками. Слава богу, что она была высокой, иначе ключа ей было бы не достать. Симоне не хватало роста до него дотянуться, но настал наконец счастливый день, когда это смогла сделать Натали. С тех самых пор «салон на крыше», как они его называли, стал их любимым убежищем.

Она толкнула тяжелую дверь. Стэнли прыгнул вперед, на залитую лунным светом крышу, и вскочил на бортик. Натали легко ступала по периметру: прямо под ней была квартира, где жили люди, – и села, упершись в стену. Голоса из таверны «У Жозефины», что на соседней улице, вились в летнем воздухе.

Она открыла коробочку и вынула письмо от Агнес, которое получила за несколько дней до открытки.

Дорогая Ната,

мы провели здесь пять дней, и в четыре из них бабушка что-нибудь пекла: хлеб, круассаны, пирог, снова хлеб. «У нас, в семье

Жальбер, печка используется как следует» – так она любит приговаривать. С завтрашнего дня я начну у нее учиться. Если приеду домой в августе, приобретя форму воздушного шара, ты будешь знать, в чем причина.

Роже сводит меня с ума. Он постоянно болтает, и конечно же, не говорит при этом ничего особо интересного. Еще он проказливый (вчера засунул мне в туфлю лягушку) и неуклюжий (разлил сегодня утром чай на мой блокнот). На следующей неделе будем отмечать его десятый день рождения, и я всерьез подумываю подарить ему листья, булыжники или что-нибудь подобное – забавы ради. Моим настоящим подарком ему будет пирог, если мое обучение пойдет гладко.

Кстати, блокнот все же выжил после чая. К сожалению, страница с моим новым рассказом – нет. Думаю, оно и к лучшему, потому что он был не очень хороший.

И что касается творчества: расскажи мне о своем. Я хочу знать все о газете, репортажах из морга и каково это – ходить в брюках. Не считая последнего пункта, я завидую твоей великолепной возможности.

Пора идти. Папа зовет меня помочь маме пропалывать сад. Он думает, что это отличное «познание земли». Скрючиваться под жарким солнцем и измазываться в грязи – это познание земли, но я бы его не назвала отличным. Пару дней назад попалась змея, и я закричала. С тех пор я находила отговорки, чтобы не работать в саду, но, к сожалению, моя удача уже ускользнула, как та ужасная змея.

Скоро пришлю тебе открытку. Пиши мне, моя подруга.

Bisous,

Агнес

Если Симона была розой: яркой, женственной и привлекательной, то Агнес – лилией: нежной, элегантной и чистой. Симону Натали знала всю свою жизнь, а Агнес – только с начала прошлого школьного года, когда она сменила школу; они друг другу сразу понравились. Проехав по всей Франции, даже побывав в Англии и Германии, Агнес обладала исследовательским духом, всегда была стремящейся к чему-то новому, особенному или иному, даже в повседневной жизни. Симона и Агнес не

часто пересекались, но, когда это случалось, неплохо ладили. Натали нравилось, как каждая из них смотрела на мир.

Она положила письмо обратно в конверт и вытащила из коробочки чистые письменные принадлежности. Отклонившись назад, она позволила взгляду блуждать по мерцающему ночному небу. Что она могла теперь сказать Агнес? Та открытка, написанная в кафе, была ошибкой. Она не хотела рассказывать Агнес о произошедшем в морге, пока сама не поймет, в чем дело. А может, вообще никогда. Агнес все-таки была на каникулах, а это видение в письме не опишешь. Но нужно было объяснить то, что она уже написала.

Стэнли спрыгнул с бортика и подошел к ней, замахнувшись лапой на ее карандаш.

– Это побуждение к действию или предупреждение, что ты нарушишь обещание не цапать карандаш?

Она почесала ему подбородок, взяла карандаш и начала писать.

Дорогая Агнес,

я всегда хотела покататься на воздушном шаре, они красивые, так что бывают сравнения и похуже. Буду искать тебя глазами в небе, когда вернешься.

Выпечка... Ну что ж, ты должна научить меня всему, что умеешь. Если продемонстрируешь мне, как испечь пирог, то покажу тебе пару вещей, которые я научилась шить, даже брюки, если тебе будет любопытно. Может, как раз сошьешь пару в подарок на следующий день рождения неугомонному Роже, чьи выходки заставляют меня радоваться, что у меня нет младшего брата.

У вас там так же жарко, как в Париже летом? Ты уже ходила на пляж? Хочу узнать все об океане. И мечтаю его когда-нибудь увидеть, ощутить его запах и услышать его (на вкус можно не пробовать). Мне кажется, стоять в волнах и чувствовать мощь движения воды – просто завораживающе.

Писать для газеты – настоящее приключение, с обязанностью выдавать колонку ежедневно, непрерывной суетой работы в редакции и, конечно, моим желанием впечатлить месье Патинода. Я уже привыкла ходить в брюках, хотя не могу сказать, что мне это нравится.

Полагаю, до севера Франции докатились слухи о жертве убийства, да? Очередь на вход в морг была длинной, и Агнес,

боже мой, ты и представить не можешь, какая она растерзанная, эта бедняжка, почти нашего возраста. Что я там увидела, до конца своих дней не забуду. Я отправила тебе открытку сразу после того, как вышла оттуда, потому я была так потрясена.

Каково это – гулять по улицам Байе? Расскажи мне во всех подробностях, моя милая подруга, чтобы мне показалось, что я там, с тобой.

Bisous,

Nata

Пока она надписывала конверт, доносившиеся из таверны голоса стали громче и резче, вырывая ее из задумчивости. Двое мужчин начали кричать друг на друга, и послышались звуки потасовки. Натали вложила письмо в конверт и подползла к краю крыши. В просвет между зданиями виднелся один из мужчин, когда кулак ударил его, и он упал. Ударивший оказался тоже, но его тут же схватил бармен. Первый мужчина с трудом поднялся на ноги, поглаживая челюсть, что-то пьяно прокричал и неторопливо пошел прочь. Интересно, вспомнит ли он хоть что-то из этого наутро.

Тут ее озарило.

Она снова вернулась к мысли, что происшествие в морге – возможно, из памяти. Само собой, она не помнила, чтобы на ее глазах кто-то зарезал девушку. Но она не помнила и того, как покупала цветы. Кто знает, что сознание вытесняет, а что – нет? Мама как-то рассказывала ей о портном, который сходил к гипнотизеру и на сеансе вспомнил давно забытые детали того дня, когда утонул его друг детства. И еще Натали читала историю о женщине, которая в лихорадке вдруг вспомнила, как в возрасте трех лет вытолкнула в окно своего маленького брата.

Если прикосновение к стеклу в морге и правда развязало в ее памяти какой-то узел, то должно быть легко выяснить, правдиво ли это воспоминание.

Натали поползла обратно к своему месту и взяла в руки дневник. Она начала писать настолько быстро, насколько могла рука, будто выплескивание недавних воспоминаний могло помочь добраться до репрессированного.

Но не помогло.

Не считая провала в памяти с покупкой цветов, она могла мысленно воссоздать каждый час каждого дня прошедшей недели.

У нее не было ни одной причины считать то происшествие воспоминанием. Эту теорию можно отбросить.

И остаться вообще ни с чем.

Может, как она предположила в разговоре с Симоной, это было что-то вроде температурного бреда из-за перегрева: жар иногда творит с людьми странные вещи. Или, как считала Симона, это было видение.

А возможно, она сходит с ума и скоро будет не навещать тетю Бриджит, а жить с ней в одной палате.

Натали собрала вещи и вместе со Стэнли направилась обратно в квартиру, чувствуя себя не лучше (а то и хуже), чем до выхода оттуда.

Глава 7

Следующим утром Натали стояла у морга еще до его открытия. Даже уличные торговцы еще не пришли, и ни одного попрошайки было не видеть. Перед ней стояло всего несколько человек: кучка фабричных работяг в комбинезонах, жаловавшихся друг другу на начальника, двое братьев-американцев, которые нашли какой-то повод посмеяться, и пожилая пара с маленькой собачкой и мальчишкой на пару лет младше самой Натали.

Двери отворились, и она сразу посмотрела туда, где обычно стоял меье Ганьон, но сегодня его место занимал какой-то понурый мужчина постарше. Она все же направилась к левой стороне витрины.

“Mon Dieu”^[5].

Натали услышала эти слова, но не сразу осознала, что сама их произнесла.

Неважно, что она уже видела убитую дважды за вчерашний день и всю ночь прокручивала это воспоминание в памяти. Неважно, что она знала о второй жертве и пыталась ее представить.

Ничто не могло подготовить ее к этому зрелищу в реальности: двум трупам рядом.

Она моргнула, пытаясь избавиться от этой картинки, будто это могло заставить исчезнуть два одинаковых, окровавленных женских трупа.

Новая жертва была бледна, с розоватой кожей и постарше первой. У нее были очень длинные волосы цвета послеполуденного солнца, завязанные в узел, как морская веревка. Платье висело позади нее, зелено-голубое, влажное. Дождь на летнем пикнике.

Лицо молодой женщины было раскромсано; она была словно зеркальным отражением своей сестры по несчастью. Вдвоем они смотрелись как две угасающие свечи на сером каменном столе.

Случится ли это снова?

Натали должна знать.

«Будь отважной. Будь смелой. Будь смелее, чем нужно, как говорила мама».

Она отошла от остальных и вытянула руку вперед. Выпрямившись, Натали протянула кончики пальцев к стеклу.

Прикосновение умчало ее туда быстрее пули.

Три пореза обратным ходом. Лезвие вонзалось глубоко, ведомое

невидимой рукой; Натали находилась слишком близко к лицу девушки, чтобы видеть что-то кроме него. Нож рассек кожу от ключицы до горла, затем поднялся и проткнул горло у нижней челюсти. И снова нож был занесен, и снова погрузился – от челюсти девушки до уголка губ. Лезвие и плоть, плоть и лезвие.

Затем жертва встала, и пара рук отпустила ее. «Толкает». Натали оказалась дальше от девушки, будто ее оттолкнули. «Бежит». Девушка двигалась задом наперед, они обе бежали задом наперед по длинному коридору с сине-золотым ковром в середине. «Преследует».

Бег девушки замедлился до шага, и она развернулась, а выражение нестерпимого ужаса на ее лице смягчилось, уступив место легкой тревоге, которая сменилась кокетливой усмешкой.

И вдруг все закончилось.

Преследование. Бег. Толчок. Убийство. Осознание жертвы, что она умирает.

Кто-то рядом с Натали кашлянул. Она глянула в сторону и увидела, что и пара, и братья, и один из рабочих уставились на нее широко раскрытыми глазами.

Рабочий повернулся к своим, покосившись через плечо на Натали, протискиваясь между товарищами, будто пытаясь оказаться подальше от нее. Один из братьев шепнул что-то другому, и оба подавили смешок. Пара продолжала тарачиться на нее; затем мужчина приобнял жену и увел ее. Они снова смотрели на трупы или же притворялись, что смотрят.

Натали сделала шаг в их сторону:

– Извините, что... что я сказала?

Они сделали вид, что не слышали. Женщина показала пальцем на одно из тел и что-то шепнула, а мужчина ответил энергичным покачиванием головы. Затем они заговорили с рабочими и мальчишкой, обсуждая убитых.

Она прижала сумку к груди, впиваясь ногтями в кожу, чтобы пальцы перестали дрожать.

Смотритель. Заметил ли он? Натали бросила взгляд через плечо. Нет, он рассматривал костяшки своих пальцев, а заменяющий месье Ганьона зевал.

По крайней мере, повторный допрос ей не грозит. Как и вытесненное воспоминание, решила она, потому что увидеть и забыть два убийства – это маловероятно. Она и так вычеркнула эту версию и сейчас убедилась, что не зря.

И что теперь?

Хотя сегодняшнее утро не было жарким, она все еще могла галлюцинировать. Особенно если она сошла с ума, а эта версия сейчас ей казалась наиболее правдоподобной.

У нее не было ответов. Только вопросы.

Один из учителей как-то сказал, что ему никогда не попадался студент, который бы так же любил задавать вопросы, как Натали. «Исключительно любознательная» – так он ее называл. Это правда, по крайней мере, было правдой. Сейчас вопросы казались ей надоедливymi червяками, кишущими в ее голове.

Она не хотела больше видеть трупы, любые трупы. Но ей, конечно, необходимо было смотреть ради написания колонки, и не просто смотреть, а рассматривать.

Натали прошла вглубь комнаты, сжимая флакон из катакомб в кармане, и снова приблизилась к стеклу. Она стояла прямо и глядела на другие тела, избегая взглядом убитую. Другими новичками были полный мужчина – наверное, то второе тело, которое пронесли мимо нее вчера в коридоре, – и старуха. Их смерти были бесславными: кому охота умереть безымянным в общественном месте, – но обычными. В сравнении с двумя убитыми девушками остальные казались просто спящими.

Выйдя из морга, Натали направилась на почту, чтобы отослать письмо Агнес. Дважды по пути туда она ловила себя на том, что сжимает кулаки, сминая письмо.

Ей не хотелось сидеть в шумном паровом трамвае или влекомом лошаадьми омнибусе. И не хотелось быть зажатой в толпе незнакомцев. Идти домой пешком было не очень-то удобно, но предпочтительно. Реакция людей в морге сегодня и вчера заставила Натали почувствовать себя изгоем. Что еще хуже – она была с ними согласна.

По пути, около Сены, она остановилась у кромки воды и стала смотреть на реку. Реку, которая послужила похоронной процессией для двух девушек едва старше самой Натали. До того как стать «жертвой номер один» и «жертвой номер два», кем они были? Может, одна из них работала продавщицей, обожала нюхать новые духи, а другая была прилежной ученицей, говорила по-итальянски и только что познала радость первого поцелуя.

Как убийца избавился от трупов, не привлекая внимания?

Найти эти тела, наверное, было просто ужасно. Она не могла представить, как себя чувствовали те, кто невольно обнаруживал, что плавающий на поверхности воды предмет – это человеческое тело, притом тело молодой девушки, и девушка та мертва.

И эти убитые. Что за мысли пронеслись в их головах в мучительную секунду осознания, что они умирают? Она видела это на лице второй жертвы – момент осознания. Каково это было: ощутить краткий ужас на грани царства жизни и царства смерти?

За несколько кварталов от дома она прошла мимо разносчика газет, продававшего *Le Petit Journal*. Чернила кричали ей со стопки газет, призывая подойти ближе.

Подойдя, она была схвачена заголовком, будто вором в темном переулке.

УБИЙЦА ДЕВУШКИ ПРИСЛАЛ ПИСЬМО В ГАЗЕТУ

Пока мальчишка болтал с разговорчивым покупателем, Натали задержалась, чтобы прочесть дальше. Текст письма был приведен крупным шрифтом под заголовком:

Париж,

я хотел бы выразить тебе благодарность за то, что ты пришел посмотреть на выставку моих работ. Было лестно увидеть такое количество посетителей, особенно даму в голубом с маленькой девочкой, которая, должен упомянуть, держала в руках прекрасный желтый цветок. Крики малышки при виде моей Спящей Красавицы стали для меня приятным сюрпризом.

До следующей,

всегда ваш,

Я

И там, под фонарем, рядом с мальчишкой-газетчиком и разговорчивым покупателем, Натали стошило малиной и сыром, съеденными на завтрак.

Глава 8

На протяжении всего ужина мама не спускала с нее подозрительного взгляда. Натали выдало то, что она не притронулась к своему любимому летнему блюду – овощному супу писту. Она пыталась заставить себя съесть хоть немного, но боялась, что ее снова вырвет.

– Как тебе суп? – спросила мама, погружая в него ложку. – Ты что-то совсем не ешь. Слишком много базилика?

– Нет, он очень вкусный, – Натали макнула кусочек хлеба в него и съела, одобрительно кивая, – просто у меня... расстройство желудка.

– Это потому, что он пустой. Тем более нужно поесть. – Мамино недоверие было очевидным.

– Поем, когда вернусь от Симоны, – сказала Натали, глянув на часы. Я сказала ей, что буду в шесть.

Натали очистила и помыла тарелки. Жизнь ее была в эти дни расписана по часам. Прошлым летом она по несколько часов могла читать или писать в городском саду либо же наблюдать за прохожими, сидя вместе с Симоной в кафе, и ее главной проблемой было успеть сделать домашние дела до прихода мамы с работы.

А теперь ее проблема – это трупы. И необъяснимые видения. И убийца.

Она должна была быть на севере Франции вместе с Агнес, в маленьком городке, где время остановилось. Главной проблемой этого лета должно было быть решение, какого размера кусок пирога себе отрезать, или то, что в саду водятся змеи, или что Роже безобразничает.

Вздыхнув, она швырнула кухонное полотенце на стойку. Мама очередной раз спросила, что случилось.

– Ничего, – ответила Натали. Она подняла полотенце, аккуратно сложила его и положила на столешницу. – Надеюсь, что скоро мне станет лучше, вот и все.

Мама скрестила руки, поморщившись от усилия, которое для этого потребовалось. Натали взяла сумку и поцеловала маму в лоб, пообещав быть дома в восемь.

Натали сошла с парового трамвая на площади Пигаль, в квартале от Симоны, и купила газету в ближайшем табачном киоске. Танцевальные залы, похабные кан-кан-шоу, кафе-варьете тесно скопились в этой части

города, и Симона жила в самом их центре. Мама называла данный район «сплошным упадком», так что Натали «перенесла» адрес Симоны в здание в более приличном районе, в паре кварталов отсюда.

Из-за расписания в Le Chat Noir Симона жила в странном режиме – по «вампирам часам», как она это называла. В некоторые вечера выступала в шоу, и хотя у нее были небольшие роли в кордебалете, от выхода на сцену ее переполняла радость. В другие вечера она работала официанткой в клубе. Часто и выходные она проводила там же, слушая исполняемые со сцены стихи или новую музыку.

Порой и вспомнить было непросто, как Симона проводила время до Le Chat Noir. Неужели всего пару месяцев назад их вечера проходили в «салоне на крыше» за наблюдением за прохожими и сочинением историй о них?

Натали проскользнула мимо бродяги в дверном проеме дома Симоны, вошла в тускло освещенное фойе, и до ее слуха донесся шум. Кто-то непрерывно кричал, или играл на пианино, или что-то праздновал; а если нет, то все равно оставался фоновый гул голосов. Место так пропахло сигарами и алкоголем, что запахи эти, казалось, уже впитались в стены. Деревянные ступеньки, по которым прошло бесчисленное множество усталых ног, застонали, когда она стала подниматься по ним к квартире.

Симона была независима, но ее новая жизнь была далека от роскоши.

– Ты не поверишь. Прочитай только, – сказала Натали, стоило Симоне распахнуть дверь. Она вытащила *Le Petit Journal* из сумки и сунула в руки Симоне, переступая порог.

– Я проспала. Даже еще не сбрызнула лицо розовой водой. – Симона зевнула и закрыла дверь. – И моя голова еще не готова к чтению.

Натали забрала газету, закатив глаза.

– Придется мне самой тебе прочитать.

Они сели на диван, Симона растянулась, как Стэнли после сна, а Натали села, поджав под себя ноги, как тигр, готовый к прыжку.

Натали прочитала статью вслух, и к концу ее Симона уже не сидела на диване, а расхаживала кругами по комнате.

– Поверить не могу, что это чудовище было там в то же время, что и ты, – сказала Симона. Ее большие глаза, казалось, расширились еще больше. – Ужасно, что тебе пришлось пойти туда в одиночку.

Натали провела пальцами по волосам.

– Да. К сожалению, других вариантов нет.

Симона остановилась.

– Я знаю, но...

Ей можно было и не заканчивать фразу. Натали поняла. Ее желудок снова заурчал от одной мысли об этом. Видел ли убийца ее в момент первого видения? Заметил ли он, что ее отозвал Ганьон? Наверняка он там был, смотрел на нее, как и все остальные, потому что ее видение случилось в тот момент, когда крик маленькой девочки напугал ее. Когда он ушел? Последовал ли за ней, когда Ганьон отпустил ее с предостережением об опасности парижских улиц? Она обхватывала себя руками все крепче с каждым вопросом.

– Надеюсь, они его поймут, – сказала Симона, – потому что хочу присутствовать на его свидании с мадам Гильотиной.

– В первом ряду зрителей, – добавила Натали. Она представила, как наблюдает за падением лезвия на шею убийцы, а затем устремляется на эшафот. Она бы схватила его голову и дала пощечину, как тот мужчина – Шарлотт Корде, убийце, а потом...

Симона тронула ее за плечо:

– Ты слышала, что я сказала?

Натали помотала головой.

– Я сказала, – начала Симона раздраженно, – что письмо было отправлено, когда в морге лежала только одна жертва. Ко времени публикации там уже появилась вторая. «До следующей». Что за «следующая» – вторая жертва?

– Возможно. Думаю, он нарочно так туманно выразился. – Натали вздрогнула. – Наверное, сидит сейчас в кресле, смеется, потому что знает, что о нем сегодня говорит за ужином весь Париж.

Симона плюхнулась на диван, взметнув в воздух облачко пыли. Глаза ее наполнились азартом.

– Если он убьет в третий раз, может, ты сможешь помочь полиции.

– Но как? У меня нет никаких зацепок. Ничего такого.

Симона сжала локоть Натали.

– Просто расскажи им, что ты видела.

Натали подумала о месье Ганьоне, как он сидит прямо на своем стуле в кабинете, и что он сказал бы ей, приди она к нему. За несколько секунд перед ее глазами промелькнули картины: от того, как он потирает подбородок и делает заметки, до того, как вежливо, но неуклонно велит ей надеть смирительную рубашку, если ее не затруднит.

– Ты правда считаешь, что мне кто-то поверит? – спросила Натали.

Симона ослабила хватку.

– И что я такого вообще видела? – Плечи Натали опустились. – Сцену убийства в обратном порядке... Но мы же не знаем, реально ли это или

только произошло в моем сознании.

– Предположим, что реально. Почему бы и нет? Это реально для тебя.

– Ты сама говорила мне, еще с тех пор, как я заставила старую мадам Мерсье поверить, что Стэнли – живущий на лестнице кот-призрак, что у меня такое хорошее воображение. – Натали улыбнулась этому воспоминанию, хотя она и поступила нехорошо, потому что мадам Мерсье сама нехорошо поступала. А Стэнли, будучи белым котом, и правда был очень похож на кота-призрака.

– Случались и более странные вещи, – сказала Симона. – Помнишь эти рассказы о докторе-мошеннике – как там его звали? Энар? И переливания крови, которые якобы давали людям временные магические способности?

– Это просто было какое-то помешательство. И требовалась медицинская процедура.

Симона распростерла руки.

– Да, но хочу сказать... ты не первый человек со сверхъестественными способностями. Если он мог это сделать в лаборатории, то кто сказал, что ты не можешь просто сама по себе ими обладать? – Она покачала головой. – Может, перестанешь отрицать, что это реально, и примешь данную вероятность. Перестань с ней бороться.

– В полиции подумают, что я сумасшедшая. Разве нет?

Симона понизила голос до шепота.

– Им необязательно знать, что это ты.

– И как... – Натали осеклась, прервав собственный вопрос. Как это осуществить? Ну конечно. Последовать подсказке самого убийцы. – Письмо в газету.

– Или прямо в полицию.

Натали закусила губу. Насколько ей хочется в это ввязываться? Может, она слишком рано поддалась азарту. Писать фактические обзоры в *Le Petit Journal* – это одно дело; отсылать анонимные письма о том, что она видела, – совсем другое. Это переведет ее из роли закулисного посредника в актера, во второстепенную фигуру на сцене. Готова ли она стать частью представления?

Затем она спросила себя, готова ли просто стоять по другую сторону витрины, как рядовой посетитель морга, несмотря на то что видела намного больше.

«Много о чем надо подумать. Много неизвестного».

– Даже если то, что я видела, реально, еще не значит, что это правдиво, – сказала Натали, переплетая пальцы. – Что если мой ум вмешивается со своей кистью, приукрашивая сцену?

– А может, твой ум – это холст для истины. Об этом ты подумала? Видения. Не галлюцинации, не температурный бред. – Симона потянула себя за косу. – Полиция разберется. Наверняка им придется выслушивать много ерунды. Ты не можешь быть менее права, чем те, кто выдумывает истории нарочно.

– Верно, – ответила Натали. Жаль, что у нее не было никаких доказательств, да и деталей она могла рассказать не так уж много. Впрочем, вряд ли ситуация ухудшится, если она расскажет полиции, что видела. Да?

– А, да, чуть не забыла, – произнесла Симона. Она вскочила с дивана, подошла к прикроватной тумбочке и вернулась с улыбкой и колодой карт.

Карт Таро.

Плечи Натали поникли, в ответ на что Симона склонила голову, как щенок (она это хорошо умела делать).

– Уже почти половина восьмого. Я обещала маме вернуться к восьми.

– Луи придет занести книгу по астрологии с минуты на минуту, так что это много времени не займет, обещаю, – сказала она, усаживаясь рядом на диван. – Ты же знаешь, мне нужно практиковаться.

Да, Натали знала. Симона ознакомилась с предсказаниями по картам Таро, как и много с чем еще, в своей новой жизни в Le Chat Noir и от Луи. Одна из танцовщиц занималась этим на стороне для развлечения посетителей. Симона, получив однажды от нее предсказание, научилась у той девушки делать их сама, для своих «любимчиков» в клубе, как она их называла.

Натали, пряча нежелание, согласилась. Симона, хихикая, поблагодарила ее и тут же сделала серьезное лицо.

– Итак, конкретный вопрос или открытое предсказание?

Симона уже раньше объясняла ей, что это значит. До происшествий в морге Натали выбрала бы общее предсказание. Но не теперь.

– Вопрос. Что означают эти видения?

Перетасовав колоду несколько раз, Симона попросила Натали снять карты и выложила три рубашками наверх.

– Есть несколько способов, но я хотела бы начать с простого варианта, пока не наберусь опыта. Эта карта – прошлое, эта – настоящее, а эта представляет собой будущее. Готова?

После кивка Натали Симона перевернула карту прошлого.

В центре ее был изображен человек с двумя лошадьми по бокам.

– Это Колесница, – сказала она. Тон ее был задумчивым, сосредоточенным. – Это значит, что ты преодолела сложности и проявила настойчивость.

– Начали с комплиментов. Эти карты умеют польстить девушке, не так ли?

Симона посмотрела Натали в глаза с ухмылкой.

– Видишь? Тут все довольно толково. Это может быть о несчастном случае с твоей мамой и получении работы в газете.

– Может, – сказала Натали, улыбаясь в ответ. Она не хотела говорить это вслух, но, по ее мнению, эту карту можно истолковать как угодно. – Впрочем, не то чтобы это как-то связано с вопросом.

– Нет, связано! Твоя работа в газете – это причина, почему ты ходишь в морг каждый день, так что это то, что привело тебя к видениям.

Натали было сложно с этим поспорить.

– Открой свое сознание, – сказала Симона. Ее манера была такой очаровательной, что у Натали не возникало сомнений по поводу того, что «любимчики» будут впечатлены этой игрой. – Теперь следующая карта: настоящее.

Симона перевернула карту с изображением Луны.

– Луна означает... смятение.

Натали почувствовала на себе взгляд Симоны, но ее собственный не отрывался от карты.

– Если бы я не была в смятении, я бы не задавала вопрос, – сказала Натали, выпрямляясь. – Так что думаю, что это одинаково подходит любому, кто что-то спрашивает.

– Может, и так. Но Луна также означает сны.

Сны ночные или... наяву?

Очень странно.

От этой карты Натали уже было сложнее отмахнуться.

– Давай не будем смотреть третью.

– Поздно, – сказала она, переворачивая карту, описывающую будущее.

Карта изображала висящего вниз головой человека. Его ноги были скрещены, руки за спиной.

Симона поморщилась.

– Повешенный.

– Повешенный? – переспросила Натали. – Думаю, могло быть и хуже. Могла быть гильотина.

– Это не то, что ты подумала. Это означает самопожертвование, кажется, – она прикусила губу. – Да, так и есть. И это предполагает смену образа мыслей.

Натали откинулась на спинку дивана и выдохнула.

– В итоге получается, что я проявила настойчивость, нахожусь в

смятении и мне в какой-то момент придется чем-то пожертвовать. Или я уже это сделала, если считать упущенную возможность провести лето на побережье. Звучит как жизнь практически любого человека в тот или иной момент.

Голос ее дрожал куда сильнее, чем ей хотелось.

Симона поднялась и подошла к Натали, сжимая ее плечи.

– Это просто забава, – сказала она. Натали знала, что это просто попытка ее утешить.

Но это все же было приятно. Чмокнув Симону в щечку, она поскакала вниз по лестнице. Входная дверь распахнулась, когда она спустилась на лестничную площадку, и рыжеволосый парень в сюртуке в турецких огурцах вошел с книгой в руках.

Его зеленые глаза вспыхнули узнаванием при виде ее.

– Полагаю по красноречивому описанию Симоны, что вы мадемуазель Натали Боден, – произнес он с королевскими манерами. Он поднес ладонь к щеке, будто посвящая ее в тайну. – А если нет... то мои извинения.

Она рассмеялась.

– Да, это я.

Он протянул руку, и она подала свою в ответ.

– Enchanté^[6], – сказал он, поднося ее руку к губам для легкого поцелуя. – Луи Карр.

Натали вспыхнула. Никто так раньше не целовал ее руку, кроме мужчин папиного возраста, стремившихся излишне усердно соблюдать правила хорошего тона, и их можно не считать.

Луи повернул ее ладонь и стал рассматривать линии.

– А, «рука-воздух». Беспокойна, если разум не занят чем-то, так? У Симоны «рука-вода», полная жизненных страстей.

Натали вежливо кивнула, он выпустил ее ладонь.

– Моя мать помимо прочего умеет читать линии на ладони, – гордо поведал он. – Она научилась этому у своей матери и передала мне.

Она улыбнулась.

– А моя мать – швея, и она пыталась научить меня, но я не очень хорошая ученица. – Они усмехнулись.

– Не сочтите за грубость, но я ценитель моды – не она ли сшила юбку, что на вас сейчас? Великолепная работа.

Натали опустила взгляд на свою бело-бежевую юбку с изящной кружевной отделкой: старую, но сохранившуюся в отличном состоянии – один из ее любимых предметов гардероба.

– Да, вообще-то, она.

– Ваша мать умеет обращаться со швейной иглой. Я восхищен такой способностью.

Натали поблагодарила его. Такие комплименты были ей приятны, не от тщеславия, а от гордости за мамин талант, которому воспрепятствовали ужасные ожоги.

Луи распрощался с ней и пожелал быть осторожной.

– Интересно, что вы так сказали, – ответила она. – Вы не первый, кто мне это говорит за последнюю пару дней. Эти убийства всех нервируют.

– Знаете, что я думаю? – прошептал он снова с заговорщицким жестом. – Это дьяволопоклонники.

Ее желудок двинулся, как змея.

– Что?

– Симона рассказала мне, что вы с ней обсуждали возможные варианты. Вот я считаю, что за этими убийствами стоит сатанинский культ. Полиция так не думает, – он дотронулся пальцем до виска. – Нужно исследовать даже самые темные тропинки.

Натали никогда о таком даже не задумывалась. У Луи весьма оригинальное мышление. Как и положено поэтам, подумала она, – видеть вещи не такими, какими видят их остальные.

– Все возможно.

– Так ли это? – Луи поклонился. – Приятного вечера, мадемуазель Боден.

Она вышла на улицу, особо внимательно смотря по сторонам по пути к остановке парового трамвая. Трамвай не пришлось долго ждать, она села в него, а затем сошла на площади Республики, как обычно.

И почти в тот же момент ее охватило отчетливое ощущение, что кто-то преследует ее.

Глава 9

Натали сошла с парового трамвая, прошагала мимо мужчины на скамейке, читавшего *Le Petit Journal*, и остановилась завязать шнурок.

Мужчина в британском котелке встал, когда она склонилась к ботинку. Он положил руки в карманы и повернулся к ней спиной. Как только она снова двинулась в путь, то заметила – едва-едва, уголком глаза, – что он последовал за ней.

Он помедлил. Будто ждал, пока она закончит завязывать шнурок.

Она помотала головой. На тротуаре были другие прохожие. Хотя было неглупо быть настороже, она так себя с ума сведет, считая опасным каждого, чей путь совпадает с ее.

Но он сначала смотрел в другом направлении. Разве нет?

Она развернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. А его там не было. Мимо прошли двое других мужчин, и, кроме них, на тротуаре никого не было. Она посмотрела через дорогу и увидела котелок. Мужчина, жилистый, невысокий, прислонился к газовому фонарю. Одежда темная, неприметная. И снова она видела только его спину.

Натали положила руку в карман, сжала талисман из катакомб и пошла своей дорогой. На следующем перекрестке она свернула направо, потом огляделась по обеим сторонам улицы.

И тогда заметила его снова. Он повернулся, когда повернулась она, и перешел дорогу, когда перешла она, держась на расстоянии примерно в квартал.

Это не было случайной прогулкой. Никто не ходит этим путем, если не направляется в определенный блок многоквартирных домов.

А если направляется, то не переходит на другую сторону улицы, чтобы сначала постоять, прислонившись к фонарю.

«Зачем кому-то меня преследовать?»

Она постаралась выбросить из головы следующий вопрос, но он снова лез в ее сознание.

«Что если это убийца?»

По коже пробежали мурашки. «Побежать домой – значит показать ему, где живу. Направиться в общественное место – значит потерять его из виду».

Второй вариант выглядел более разумным: рядом был канал Сен-Мартен, освещенный газовыми фонарями и часто полный влюбленных

парочек и туристов.

Она перешла с шага на бег.

Сердцебиение гремело в ушах, в нем тонули все остальные звуки, даже ее собственные шаги. Она оглянулась через плечо. Мужчина все еще был в поле зрения, передвигаясь быстрыми, торопливыми шагами.

Спустя минуту она уже была на набережной Вальми, где люди прогуливались по обеим сторонам канала. Она замедлилась до шага, посматривая, следует ли мужчина за ней. И не могла разглядеть его в толпе. Он ушел? Или спрятался?

Она заметила экипаж на другой стороне моста. По всей видимости, к нему направлялась пара. Она поспешила, чтобы успеть туда первой, но осторожно, чтобы не напугать лошадь.

– Месье, – сказала она кучеру, – мне нужно добраться до дома. Скорее.

Кучер склонил голову, затем посмотрел мимо нее на приближавшуюся пару.

– Сэмюэль целый день трудился, – сказал он, похлопав лошадь. – Мой тариф вечером повышается.

Натали поморщилась. Слава богу, ей как раз сегодня заплатили. Она вытащила деньги из кармана платья и протянула ему.

– Хорошо.

Кучер выглядел удивленным, но протянул руку и помог ей сесть в экипаж. Он спросил, как она и предполагала, почему она бродит вдоль канала вечером.

– Я потерялась, – соврала она, ища взглядом в толпе того мужчину, пока они не поехали тихими боковыми улицами. Она нервно поддерживала беседу, чтобы кучер не задавал лишних вопросов, все время озираясь. Спросила о Сэмюэле, сером в яблоках, с черной гривой, и рассказала кучеру историю: когда ей было четыре, папа поднял ее, чтобы она погладила запряженную лошадь по носу. Животное на нее фыркнуло, шумно и мокро, и она потом боялась лошадей, но преодолела этот страх. Когда она закончила свою историю, экипаж как раз подъехал к ее дому.

Осмотрев улицу, она вышла. Заплатила, поблагодарила кучера, вошла в здание; перестанет ли хоть когда-то ее сердце бешено колотиться?

Натали задержалась на верхней лестничной площадке, постукивая пальцами по перилам. Как объяснить свое опоздание маме? Дверь квартиры открылась, не дав ей времени подумать.

– Я слышала экипаж. Это ты в нем была? Тратишь деньги на экипажи? – Мама зашла обратно в квартиру. Она поставила пустой

канделябр на столик, где лежало пять белых свечей.

– Пришлось, – ответила Натали, идя за ней. Она закрыла дверь и заперла, затем подергала, проверяя. – Я... я почувствовала, что идти пешком небезопасно.

Мама погладила свои шрамы. У нее была привычка переплетать пальцы, когда она волновалась, но теперь она не могла так делать. Новой привычкой стало трогать шрамы.

– Я не хочу, чтобы ты в одиночку ходила по темноте, – ее взволнованный тон зазвучал встревоженно, – пока со всем этим не разберутся.

– Мне кажется, в Париже невозможно остаться в одиночестве, – Натали напряженно усмехнулась. – Я... я пошла к каналу по пути домой.

Мама нахмурилась. Она ставила свечи в канделябр, одну за другой, каждая следующая давалась со все большим трудом.

– Почему?

Натали отчаянно пыталась придумать ответ и тут поняла, что вариантов всего два. Ее версия событий после трамвая могла быть верной. Или она все совсем неправильно поняла.

Может, мужчина не преследовал ее.

Может, дело в обостренном чувстве опасности, поспешных выводах.

Может, это был убийца.

Может, и нет.

В конце концов, он так и не приблизился к ней достаточно близко, чтобы можно было его рассмотреть. А дойдя до канала, она потеряла его из виду.

Натали прокашлялась.

– У тебя бывало такое, что тоненький голосок в голове говорит тебе: сделай так, а не этак?

– Много раз, – ответила мама, зажигая спичку.

– Мой тоненький голосок сказал сегодня сесть в экипаж, и канал был ближайшим местом, чтобы его найти.

Это не было правдой, но и ложью не было. Что-то посередине.

– Иногда тоненький голосок знает лучше всех, – сказала мама, зажигая свечи. – Даже если это означает трату денег на экипаж. А что вызвало его?

– Просто... ощущение. – Натали поцеловала маму в щеку. – Извини, что встревожила тебя, мама. Я обещаю отныне приходить домой до темноты.

– Спасибо, *ma bichette*.

Мама сняла одно из неоконченных платьев – из красного шифона с

бархатной отделкой – с манекена. При свете свечей она работала над ним – медленно, неловко, с болью – некоторое время перед тем, как пожелать Натали спокойной ночи. Когда мама вышла из комнаты, Натали подождала пару минут, а потом выглянула в окно, а также еще раз проверила, что входная дверь заперта. И еще раз.

Потом она устроилась на диване, со Стэнли под боком, чтобы сделать запись в дневнике. Так как лица жилистого мужчины она не видела: оно было в тени, скрыто шляпой, всегда чуть дальше, чем возможно разглядеть, – то записала в малейших деталях все происшествие, даже нарисовала схему улицы. Закончив, она пролистнула несколько страниц, чтобы прочитать несколько последних записей.

Наконец она дошла до той, что была сделана только вчера, судя по дате. Эту запись она прочитала трижды.

Почерк был ее. Ее стиль повествования, словечки. Описания, во всех деталях рассказывающие о лете, были точно ее.

Но она не помнила, чтобы писала хоть одно слово.

Натали захотелось запустить дневник через всю комнату. Нет, выбросить его в окно или поднести к канделябру и сжечь. Либо бросить его в Сену по дороге в морг завтра утром. Она может купить новый. И, пожалуй, стоит это сделать, потому что этот дневник ее предал, он сыграл жестокую шутку с ее памятью. После всех секретов, поведенных ему, дневник ее обманул.

Пока что, впрочем, она спрятала его под подушку за Стэнли.

Она прокрутила в мыслях весь вчерашний день, шаг за шагом, как ведешь ребенка через каменистый ручей, и наткнулась на провал.

Ночью она поднялась на крышу, чтобы сбежать из клетки своей темной, тихой комнаты. Она помнила, как увидела драку в таверне «У Жозефины», а потом...

Ничего – вплоть до сегодняшнего утра.

О боже, она же отправила письмо Агнес сегодня утром. Письмо, написание которого стерлось из ее памяти, как и запись в дневнике.

«Что я говорила?»

Мостик между завершением драки и пробуждением раскрошился.

Что касается причины... Ну, а по какой причине она не помнила покупку букета? Это первое происшествие в морге вчера, придумалось оно или приснилось, потрясло ее больше, чем она думала.

И, конечно, сегодня оно повторилось, и теперь она не знала, может ли вообще доверять своим мыслям. Действительно ли ее сегодня преследовали или ее мозг исказил и это?

Она откинулась на спинку дивана, закрыв глаза. Ей нужно каким-то образом зацепиться за правду, любую правду. Все снова замыкалось на морге. Либо ее видения отражали реальность, либо нет.

Снова и снова она вызывала воспоминания о том, что видела о каждой из жертв. Вскоре Натали погрузилась в странное состояние между мыслью и сном.

Вместо туманных мыслей она обнаружила ясность.

Она выпрямилась, испугавшись и сама, и спугнув Стэнли.

Серебряное кольцо. Мелкая деталь из второго видения в морге, нечто ускользавшее от ее внимания – до этого момента.

В видении у девушки было простое серебряное колечко на правом мизинце.

Когда обнаружили первую жертву, в газете было две заметки. Первая – колонка Натали о морге. Вторая – репортаж о смерти девушки, где ее нашли и когда, что на ней было надето, что лежало в карманах, как давно она была мертва. Завтрашний выпуск будет содержать такой же рассказ о второй жертве. Это была стандартная процедура для всех демонстрируемых трупов.

Если кольцо там будет упомянуто, значит, ее видения правдивы. Не потому, что так сказала Симона, и не потому, что Натали предпочла бы сверхъестественные способности сумасшествию. Не потому, что если об этом подумать, даже поразмыслить хорошенько, то в этом есть нечто могущественное, наполненное смыслом, особенное.

Это значило бы, что она нашла истину, загадочную, но все-таки истину.

Глава 10

Натали наутро проснулась позже обычного и стала торопливо одеваться. Она спешила в кухню, чтобы чем-нибудь позавтракать, когда на глаза попался заголовок – и она встала как вкопанная.

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ОПОЗНАНА

Мама сидела в потертом папином кресле, читая газету. Натали подошла сзади, положив руки на кожаную спинку. Она пахла папиным табаком, морем, вином и всем тем, что составляло папу. Она так ждала его возвращения.

– Эта девушка была няней из Живерни, – сказала мама, поправляя свой халат в турецких огурцах. – Приехала в Париж на выходные. Одна.

– Няня. Я об этом не подумала.

– Что?

Натали прикусила губу. Наверное, не стоит признаваться маме в том, что она пыталась представить, как выглядели жертвы, кем они были, каковы их истории. Это только еще больше встревожит маму относительно ее работы в морге.

– Люди в кафе говорили, что она, наверное, уличная проститутка. Как ее звали?

– Одетт, – сказала мама, показывая пальцем на имя в статье. – Одетт Ру.

Натали прошла в кухню и отрезала хлеба. Что-то было необычное в ее имени. Оно звучало... *знакомым*, что ли. При этом единственная знакомая ей Одетт была маленькой девочкой, живущей на их улице.

А может, просто был некий комфорт в том, чтобы слышать имя – любое имя, а не «девушка», «первая» или «жертва номер один». Она была Одетт, веснушчатой, в розовом платье, она укладывала малышек и пела им колыбельные. Одетт, которая играла в прятки, забегая в чулан и скрываясь за шкафом, пока дети ее искали. Одетт, которая осушала слезы маленького мальчика, который оцарапал коленку. Вот кем она была для Натали.

Мама сложила газету и зажала ее в подмышке, вставая. Она прошла к кухонному окну, глаза ее следили за птичкой, которая дрожала на подоконнике, прячась от дождя.

– Я пойду в морг с тобой. А потом я хотела бы, чтобы мы навестили

тетю Бриджит.

Сердце Натали упало, а потом будто подпрыгнуло как пробка.

– Почему?

Мама посмотрела на нее недоуменно.

– Если мы не будем навещать тетушку, то кто? Стыдно сказать, мы и так давно у нее не были.

Они однажды были в лечебнице после несчастного случая, но тетя Бриджит расстроилась, увидев мамины покалеченные руки в бинтах. Она плакала и плакала, потому что не хотела, чтобы маме было больно, так что мама решила не ходить больше, пока ожоги хотя бы слегка не заживут.

– Я имею в виду: почему хочешь пойти в морг? – Натали намазала хлеб черничным вареньем. – Ты же не очень это любишь.

Она хотела защитить маму, как та птичка на подоконнике защищала бы своих птенчиков. Ее маме не надо видеть убитых, не надо стоять в морге, где бывал сам убийца, наблюдая за тем, как толпа разглядывает его жертву.

Но это было не все. Ей также не хотелось раскрывать маме свой секрет. Идти вместе в морг – это было каким-то... вторжением.

Вторжением? Натали немедленно устыдилась этой мысли.

Мама передала ей газету.

– Я хочу посмотреть, на что все смотрят, на что смотришь ты.

«Если бы ты знала, мама».

Натали разложила газету на столе после маминого ухода. Она нашла боковую колонку и то предложение, которое для всего Парижа было непримечательным, а для нее меняло абсолютно все.

На убитой были желто-голубое платье в цветочек, нижнее белье, одна туфля и серебряное кольцо на правом мизинце.

Ее охватило радостное возбуждение. Может, она и не боится вовсе этой «силы» и ее можно исследовать как новый роман: каждое озарение – очередная страница? Она не понимала этого дара, но была готова его принять, учиться у него, сделать его частью себя и использовать на благо.

По крайней мере, она наконец начинала верить в его подлинность.

Когда Натали вошла в морг, взгляд ее сразу устремился туда, где раньше лежала Одетт.

То, что ее безжизненного тела там больше не было, повлияло на Натали неожиданным образом. Хотя она никогда не призналась бы никому, да и себе – вряд ли, Натали скучала по ней. Яркость видения и все, что оно

повлекло, сделали Одетт не просто трупом на плите, не просто жертвой убийцы. Она обрела душу среди бездушных. Натали чувствовала связь с ней, с ними обеими – через внезапную тесную связь свидетельства их смертей. Как тогда, когда впервые увидела, как ее бабушка снимает очки, или когда она сидела в первом ряду на концерте и видела, как пианиста полностью захватила музыка.

Так же, только с тьмой, ужасом, яростью и кровью.

Из-за дождя было не так людно, как обычно, – только мама, Натали и еще три человека в демонстрационной комнате: две женщины и мужчина, который переваливался как утка. Явно уж никто из них не убийца. Но все равно она думала, приходил ли он уже наблюдать за тем, как толпа осматривает его вторую жертву? Если так, то появлялся ли он больше одного раза?

Глянув на штору и увидев, что месье Ганьона не было, Натали перевела взгляд на мать. Она была неподвижна, глаза не моргая устремлены на труп.

– Интересно, как она там оказалась, – прошептала она, – в этой ситуации, что привело ее к тому, кто убил ее.

«Я видела, как она бежала от него, мама. Я все видела. И при этом задом наперед».

Натали склонилась к маме.

– В том-то и весь страх. Это мог быть кто угодно.

«Включая меня или Симону». Натали подошла ближе к стеклу, думая о серебряном колечке убитой. Может, это от ее кавалера, а может, наследство. Или же она купила его на свои заработки, или нашла на мосту через Сену. У кольца была история, как и у тысячи других вещей в короткой жизни этой бедняжки.

Что-то произошло в комнате: свет, тихий звук. Натали обернулась и увидела фигуру за собой, в тени, прямо рядом со входом, слева. Она не могла рассмотреть ничего, кроме высокого роста и зонга, но при этом присутствие было зловещим, угрожающим.

Она резко повернула голову обратно и схватила маму за локоть.

– Пойдем.

– Что такое? – Мама обернулась посмотреть, но на ее лице не отразилось ни любопытства, ни беспокойства. – Ролан, как я рада вас видеть.

Натали отпустила маму. Никогда она не радовалась темноте. Она скрывала вспыхнувший румянец.

«Не убийца. Слишком богатое воображение, Натали». Это просто

Ролан. Один из портных в ателье, где работала раньше мама. Натали поприветствовала его с улыбкой, которая отразилась от толстых линз его очков обратно к ней. Мама с ним заговорила, а Натали снова повернулась лицом к трупам. «Не будь душой».

– Почему ты так заспешила? – спросила мама, когда Ролан отошел.

– Голова закружилась, – соврала Натали. – Я подумала, что нужно выйти на воздух, но само прошло.

Они замолчали. Натали сконцентрировалась на второй убитой и подумала о вчерашнем видении. Спустя мгновение она закрыла глаза, припоминая детали: как жертва бежала, что было вокруг, каким образом были нанесены раны. Единственная деталь, которая была похожа на зацепку и не была еще известна полиции, – это сине-золотая ковровая дорожка в коридоре.

В сотнях, если не тысячах, коридоров в Париже могут лежать такие ковры. Посмотри она на пять дорожек подобных цветов – и сказать не сможет, какую именно заметила в своем видении: все происходило так быстро, она не *рассматривала* ковер.

Как это может помочь? Это покажет, что убийство случилось в помещении, по крайней мере, вроде бы в жилом. Было бы у нее что-то более основательное для рассказа... Но, может, и этой информацией есть смысл поделиться. Публике неизвестно, какие детали головоломки уже известны, а каких – не хватает; даже, казалось бы, незначительные мелочи могут оказаться стоящими.

Мама легонько подтолкнула ее, шепча, что готова уходить. Они вышли на улицу и обнаружили, что дождь перестал.

– Видела своими глазами, а все равно не верится, – сказала мама. – Сколько раз я ни была в морге...

– Мадемуазель Боден, как поживаете? – Это был месье Ганьон, голос его раздался со ступенек позади них. Живот Натали отвердел, будто та Медуза на двери внутри морга обратила его в камень своим взглядом.

– Неплохо, спасибо, а вы? – «Пожалуйста, не упоминай допрос».

– Тела да тела. – Он невесело усмехнулся.

Мама подняла изящную бровь. Месье Ганьон поспешно назвал себя представителем полиции в морге.

Натали невольно обратила внимание на то, какая привлекательная у него усмешка и как один неидеальный зуб чуть выпирает, самую чуточку.

Он был гораздо... любезнее, чем тогда. Что-то в его внимании, в том, что он ее заметил, смутило Натали. Но и понравилось ей.

Месье Ганьон, несомненно, тоже привлек ее внимание.

– Наслаждайтесь прогулкой, пока дождь не пошел снова, – сказал он, приподняв шляпу, и пошел в противоположном направлении.

– Откуда ты его знаешь? – спросила мама. Она поправила булавку в шиньоне и ждала ответа.

– Он... однажды поздоровался со мной, – сказала Натали, переминаясь с ноги на ногу. – Он часто бывает в демонстрационной комнате, когда я прихожу.

Мама склонила голову.

– Зачем ему с тобой знакомиться, если он стоит по другую сторону стекла? Смотрители с тобой тоже здороваются?

– Нет. Только он, – сказала Натали. – Месье Ганьон, э-э-э, настоящий джентльмен. Он сказал мне быть осторожной, только и всего.

Мама не ответила, но ее это вроде бы удовлетворило, хотя по ней никогда точно не поймешь. Иногда она может неделю ждать, а потом задать вопрос вдогонку.

Натали, уходя, обернулась через плечо. Месье Ганьон прислонился к фонарю, будто в глубокой задумчивости. Глаза его были опущены, а потом, будто он почувствовал на расстоянии ее взгляд, поднялись на нее. Она отвернулась, смущенная.

И заинтригованная.

По пути в лечебницу она размышляла о нем. Она не знала, что и думать о его сегодняшнем дружелюбии, но оно ей было приятно. Очень.

Психиатрическая лечебница Св. Матурина всегда была и будет кошмарным местом.

Люк, кузен Натали, однажды ей поведал, что ходят слухи о привидениях, потайных коридорах, ведущих к комнатам самоубийств, и секретных палатах, где маньяки-психопаты предоставлены сами себе, а персонал больницы только доставляет еду и воду, а также выносит трупы, если заключенные друг друга убивают.

Натали считала это все пустой болтовней – по крайней мере, сейчас, когда подросла, а в детстве такие истории стоили ей немало количества бессонных ночей.

Место, где поселили тетю Бриджит, пугало по другой причине. Все женщины лечебницы находились на этом этаже; степень их безумия варьировалась настолько, что безмолвные и печальные бродили по тем же коридорам, что и трясущиеся и визжащие. Женщина, которую Натали видела во время своей запретной вылазки несколько лет назад, как она потом уже поняла, была далеко не единственной, склонной к истерикам.

Стены и полы были из холодного камня; воздух – едкий от запахов пота и нечистот. Звук – пугающее многоголосие из воя и беспрерывной безумной болтовни. Натали представить себе не могла, что здесь можно жить. Ни одну ночь. Дом мадам Плуфф, где тетушка занимала комнату до лечебницы, был мирным и уютным. А Св. Матурин был котлом, где бурлили безумие и ужас.

И все же Натали была готова приходить сюда, по крайней мере, сейчас она привыкла к этому месту. Пациенты вызывали у нее интерес, учитывая, что она испытывала скорее сочувствие, чем страх, а у тети Бриджит за сумасшествием скрывалась детская доброта.

Они с мамой шли по коридору, пройдя мимо гипсовой статуи святого Матурина за стеклом. Пара кровавых отпечатков ладоней – согласно легенде, их оставила пациентка, избравшая самоубийство как метод побега, – шла от середины стены до пола. Мама всегда отворачивалась, проходя мимо этого места, а Натали каждый раз рассматривала его, пытаясь представить, что произошло в тот день.

Они прошли палату с пациентами. Хрупкая старушка вышла оттуда и увязалась за ними.

– Где ключ? Можете выпустить меня отсюда? Отец сказал, что мне можно выйти, если вы мне дадите ключ, – она спрашивала снова и снова, тихо и почти напевно, дотрагиваясь до руки Натали. Они не обращали на нее внимания; медсестры предупреждали их никогда не заговаривать с пациентами.

Внезапно она схватила Натали за локоть с неожиданной силой.

– ГДЕ КЛЮЧ? – закричала она. В голосе – яд, во взгляде – презрение. Натали попыталась высвободиться, и женщина вцепилась в нее еще крепче. Мама оттолкнула женщину, а медсестра поспешила к ним.

– Эстель, не трогай никого! – медсестра извинилась, отдирая женщину от Натали. Она закричала еще громче, требуя ключ; медсестра повела ее обратно в комнату, и женщина опала, будто нижняя часть ее тела перестала работать, и извернулась. Вторая медсестра прибежала на помощь, а женщина размахивала руками и вопила.

Натали была готова приходить сюда, большей частью.

– Посмотри только на это, – сказала мама, показывая на локоть Натали. Красный отпечаток хватки старухи остался на коже. – У тебя синяк останется.

– Я в порядке. Мне не больно, – сказала Натали. Мама покачала головой, и они вошли в палату, которую тетушка делила с тремя другими женщинами.

Одна соседка с остриженными волосами храпела на своей кровати. Других двух не было в комнате. Тетя Бриджит, сестра папы, старше его лет на десять, свернулась калачиком, как ребенок. Ее каштановые волосы были длинными, спутанными и с вкраплениями седины. Кожа испещрена мелкими морщинами, похожими на сеть трещин на фарфоровой чашке. Она смотрела на окно, но казалось, что скорее на раму, чем на вид за стеклом. Губы ее шевелились: она говорила сама с собой.

Они поздоровались, и тетушка перевернулась на спину. Она уставилась на них, мгновение ее лицо ничего не выражало, а потом она ухмыльнулась:

– Каролин! Натали! Спасибо, спасибо, что пришли меня навестить. Спасибо.

Тетушка всегда горячо благодарила их за визит. Натали раньше думала, что это смешно, но потом поняла, что нет, совсем нет. Это душераздирающе. Тетя Бриджит жила взаперти, в ужасном месте, без человеческого общения, не считая медсестер, докторов и других пациентов. Помимо внутреннего дворика, куда пациентам разрешалось выходить на часовую прогулку в хорошую погоду, мир тетушки был блеклым, пустым и лишенным всякого смысла.

– Мне вчера приснился кошмар, – сказала тетя Бриджит тихо, будто не хотела, чтобы услышали соседки. – Я была коброй в корзине, и меня оттуда вытянула монашка. Я вонзила клыки в ее руку.

Натали сглотнула ком в горле. Тетушкины сны всегда приводили на ум пугающие, яркие образы.

Тетя Бриджит ухмыльнулась, а потом продолжила:

– Когда я укусила ее, она обратилась в голубку.

Мама и Натали обменялись взглядами, и мама кашлянула.

– Это пугающе, тетушка.

Тетя Бриджит замолчала, абсолютно, и замерла, как статуя, только губы ее шевелились.

Такое часто случалось. Тетушка уходила... куда-то. Натали всегда гадала, куда именно: в прошлое, в будущее, в глубины собственного воображения? Через пару секунд она обычно возвращалась в настоящий момент.

Мама нарушила молчание:

– Натали теперь работает в газете.

Тетя Бриджит не ответила, будто не услышала, помолчав еще несколько секунд. Потом посмотрела Натали в глаза с мрачным видом и дотронулась до ее щеки. Тетушка проговорила тонким голосом:

– Никому не доверяй.

Натали вздрогнула.

Почему она так сказала?

Ее мать, уже отлично научившаяся не обращать внимания на тетины странности, стала дальше рассказывать, как хорошо Натали пишет, а потом упомянула папу. Мама прочитала его последнее письмо тете Бриджит, а Натали все размышляла, почему тете на ум пришла фраза «никому не доверяй».

– Я скучаю по Августину, – сказала тетя Бриджит, голос ее сорвался. – Он хороший брат. Я хотела бы... хотела бы... – Губы тетушки задрожали, и лицо сморщилось в плаче.

Мама обняла ее, а плач перешел в рыдания. Тетушка спрятала лицо в маминых руках, как ребенок. Она говорила что-то, повторяла снова и снова, и Натали никак не могла разобрать слова.

– Что она говорит?

– Я хотела бы, чтобы он помог мне поправиться, – сказала мама.

Натали покачала головой, жалея, что не может помочь тетушке. Папа и правда всегда умел помочь, по крайней мере, пытался, и она понимала, почему тетя Бриджит зовет его.

Мама утешала тетушку, пока та не успокоилась. И тут же она сказала, что хочет спать.

Безумие, странное, страшное и непредсказуемое.

Они вскоре ушли и на выходе обнаружили, что их ждал ливень. Спеша на трамвайную остановку, они прижимались друг к другу, соединив свои зонтики, чтобы создать большой щит от дождя.

– Тетушка мне что-то странное сказала. Ты ее слышала? «Никому не доверяй».

Мама вздохнула.

– Почти все слова тетушки странные.

Натали стряхнула капли с зонта.

– Я знаю, но это казалось очень... конкретным. Тебе не кажется?

– Не знаю.

Вот так всегда с мамой. Если она о чем-то не хочет говорить, то это как вести диалог с горгульей с собора Парижской Богоматери.

Мамино бескомпромиссное молчание только придало Натали смелости.

– Вы с папой никогда мне не рассказывали, – начала она, – как тетушка оказалась в лечебнице Св. Матурина.

– Это сложно, ma bichette, – мама посмотрела ей в глаза. – Она считает,

что у нее видения. И она пыталась утопить человека из-за них.

Глава 11

Рука Натали ослабла, и она чуть не выронила зонт.

– Видения? Какие... какие видения у нее были?

Мама посмотрела на людей на остановке: молодой мужчина в очках читает Маркса, влюбленная парочка увлечена друг другом, мать держит за руки двоих детей – мальчика и девочку, весело поющих на другом языке – польском, кажется.

– Это произошло, когда она жила в доме мадам Плуфф, – сказала она, понижая голос. – Однажды ночью она пропала, и нашли ее, когда она пыталась утопить в Сене мужчину. К счастью, рядом оказался полицейский, успевший вмешаться.

Натали попыталась представить эту картину, но не могла. Это казалось невозможным. Ее тетя была костлявой и хрупкой и была такой, сколько она ее помнила.

– Как у тетушки хватило сил на то, чтобы утопить человека?

– Она прыгнула на него со спины, когда он склонился над перилами моста, – мама изобразила, как наклоняются через перила, чтобы посмотреть вниз. – Завязалась борьба, и каким-то образом они оба оказались в реке. Он не умел плавать, а она пыталась удержать его голову под водой.

Это Натали *могла* представить, потому что даже в психиатрической лечебнице тетя проявляла жестокость, во всяком случае, следы жестокости. Глаза тети Бриджит вспыхивали диким огнем каждый раз, когда она заговаривала о своих снах.

– Тетя Бриджит была непоколебима, – добавила мама тихо и мрачно. – Она утверждала, что видела, как мужчина бросил в реку младенца.

– И?

– Они искали три дня. Никакого младенца не нашли ни в Сене, ни в округе. И никто не заявлял о пропаже младенца. И мужчина не был преступником.

Натали вбирала в себя слова, как губка, впитывающая пятно крови.

– Какая жуть. Бедный!

Она размышляла, что с ним стало и смотрел ли он когда-то после этого случая с моста, не проверив сначала, кто стоит поблизости.

– И тетю Бриджит заперли навсегда из-за одной ошибки, хоть и ужасной? В конце концов, она же не убила его, а просто сильно напугала...

Она осеклась, отвлекшись на рой вопросов в голове: «Тетя Бриджит оказалась в лечебнице Св. Матурина потому, что пыталась кого-то убить, или потому, что верила в реальность своего видения?».

Женщина смотрела, как дети прыгали по луже.

– Твой отец решил, что так лучше всего. Мадам Плурфф была душкой, но она... не могла предоставить тетушке необходимого ухода. И мы не могли. Ты понимаешь это, да?

Не успела Натали ответить, как подошел трамвай, обрызгав грязной водой из лужи мамино платье, оранжевое с узором из серых завитушек. Мама нагнулась, чтобы посмотреть на пятно, и уронила сумку в лужу. Дверь трамвая распахнулась, и мама сокрушалась об испачканных платье и сумке, всходя на ступеньку. Натали вздохнула. У нее еще было столько вопросов, но она знала, что мама ни на один не ответит в общественном транспорте, где могут услышать другие люди. Мама была чопорной, когда дело касалось обсуждения семейных дел, даже если подслушать ее могли только незнакомцы.

Натали закрыла зонтик и последовала в трамвай за мамой, жалея, что тетя не сказала больше – или меньше – чем «никому не доверяй».

Два дня после Натали пыталась заговорить с мамой о том, как тетушку отправили в психиатрическую лечебницу. Мама последовательно и изобретательно меняла тему. (Натали однажды прокомментировала умение матери уклоняться от любопытства, на что мама ответила: «С тобой у меня было много возможностей попрактиковаться в этом за прошедшие годы».) Ее уклончивость только разжигала интерес Натали.

– Почему это такая тайна? – спросила Натали после третьей попытки поговорить об этом.

– Потому что твой отец так хочет, – в мамином тоне, обычно ровном, как драгоценный камень, зазвучали железные нотки. Этот разговор окончен. Не в данную минуту, а вообще.

Слова ранили ее, как маленькие стрелы сочувствия тете Бриджит. Было ли безумие тетушки истинным или неверно истолкованным – либо и тем и другим?

– Готова поспорить, мать жалеет, что рассказала мне, – сказала Натали Симоне. Они сидели на диване у Симоны и ели виноград. Соседка ее продавала виноград с уличной тележки, и Симона могла купить у нее за полцены тот, что не продан за пару дней на прилавке. Когда Натали была у Симоны в прошлый раз, она предложила той как-нибудь купить побольше

винограда, чтобы они могли толочь его ногами, как на винодельне. Симона сказала, что это запачкает всю квартиру, но она с радостью потопчет с ней виноград, если они поедут на виноградник в Бордо.

– Скорее всего, – ответила Симона, выковыривая виноградную косточку из зубов. – Но шила в мешке не утаишь. Она когда-нибудь объяснит.

– Кстати, об объяснениях, – сказала Натали, указывая на первую полосу *Le Petit Journal*, – вот это не объясняет ничего. Я даже не знаю, зачем месье Патинод это напечатал.

В газете было опубликовано второе письмо убийцы. Она склонилась над ней, перечитывая.

Париж,

благодарю, что пришел к моему второму экспонату. Было великолепно наблюдать мои произведения рядом друг с другом, хоть и недолго. Очереди были весьма впечатляющие. Не желаю разочаровывать, обещаю предоставить что-нибудь новое для осмотра в ближайшее время.

До следующей,

всегда ваш

Я

– Эти девушки для него не люди, – сказала Симона. – Они шахматные фигуры.

– Или произведения искусства.

Симона подняла брови и откинулась на спинку.

– Отвратительно, даже по твоим меркам.

– Это его слова, не мои. Подумай сама, – сказала Натали, пряча выбившиеся локоны обратно под кепку разносчика газет.

– Будто морг – это художественная галерея, – сказала Симона. Ее глаза с длинным ресницами сузились в задумчивости. – Или как музей восковых фигур. Кстати, нам в него надо сходить наконец. Ты должна увидеть их новую экспозицию. Луи говорит, что он мало что видел лучше этого и внимание к деталям там просто потрясающее.

– Что? Ты хочешь, чтобы я *развлеклась*? Симона Софи Маршан, что ты за подруга после такого?

– Та, которая не понимает, почему ты просидела тут целый час, но так и не начала писать свое анонимное письмо. Не думай, что я тебя пуцу сдавать статью месье Патиноду, пока мы ничего не придумали.

Целью сегодняшнего визита Натали действительно было написание письма префекту полиции, и лист бумаги смотрел на нее неодобрительно с того момента, как она села. Настало время взяться за карандаш, но она взвешивала эту идею снова. Взвешивала и перевешивала.

– Вот мой список причин этого *не* делать. Во-первых, информация пустяковая. Во-вторых, я не могу больше вспомнить никаких деталей. В-третьих, я вообще не уверена, что это за способность и откуда она у меня. В-четвертых, чувствую себя глупо, что отправляю это. А вот список причин написать это письмо. Во-первых, Симона сказала, что надо.

– Как насчет того, – Симона усмехнулась, – что ты останешься анонимом и можешь помочь им больше, чем думаешь. Будь ты одной из этих бедняжек в морге, неужели ты не хотела бы, чтобы твой убийца предстал перед правосудием?

– Конечно, дело не в этом, а в том... – Она вздохнула, не окончив предложения. Она знала, что это разумные причины, и уже обдумала каждую из них. К воодушевлению от обладания этим даром примешивался страх неизвестности. Какое бремя ответственности это принесет? Что если ее вмешательство осложнит расследование или каким-то образом сделает ее мишенью убийцы?

Она не рассказывала об этих переживаниях Симоне, потому что не хотела выглядеть эгоистичной.

Кроме того, если уж на то пошло, эта ее способность означала, что ей нужно думать не только о себе. Не так ли?

Симона скрестила лодыжки.

– В чем?

– Это страшно.

– Начни тогда с простого, – сказала Симона. Она поискала в коробке на кофейном столике и выудила оттуда конверт. – Одного предложения хватит, да? «Вторая жертва бежала от своего убийцы по коридору с темно-синим ковром с золотыми полосами по краям».

– Это так... сухо. Звучит почти что глупо, – сказала Натали, устало вздыхая. – Впрочем, кроме этого, ничего нет, и я не хочу драматизировать.

Они посидели немного размышляя.

– Знаю! – сказала Симона, щелкая пальцами. – Не могу поверить, что мы раньше не догадались. Расскажи им, как он ее убил! Они будут знать это из результатов аутопсии, а больше никто. Кроме тебя.

– Кроме меня, – сказала Натали, – или кого-то из морга, кто это отправил ради шутки.

– Не беспокойся ни о чем таком. Они будут гадать, как кто-то помимо самого убийцы может это знать. Или предположат, что это догадка. Тебе нечего терять, потому что они могут и просто выбросить. А *приобрести* ты можешь большую убедительность.

– Это только привлечет их внимание ко мне.

– И, – сказала Симона, скрещая руки, – ты останешься анонимом.

Натали кивнула и взяла карандаш. Они еще несколько минут обсуждали, как сформулировать лучше, придя к выводу, что нужно высказать все прямо и просто. Натали закрыла глаза и прокрутила в памяти видение. Несколько минут ушло на написание; она старалась не задумываться о том, что такое эмоциональное происшествие приходится записывать сухим языком.

Вторая жертва была убита в коридоре с темно-синим ковром по центру; по сторонам ковра шли золотые полосы. Убийца нанес три раны по одной линии: от левого уголка рта до верхней челюсти, от нижней челюсти до горла, затем от горла до ключицы. Самый глубокий разрез – на шее. Нож был примерно 15 сантиметров длиной.

Аккуратные печатные буквы. Слова без прикрас. Пугающая честность. Натали не хотелось перечитывать.

С восковой печатью в руке Симона повернула листок к себе и прочла. Она одобритительно кивнула.

– Готова?

Натали выдохнула. Если она задумается об этом, то передумает. Снова.

– Да.

Симона сложила листок, поместила в конверт и запечатала воском. Она передала его Натали, чтобы та подписала адрес.

– Прошу, мадемуазель.

Натали съела еще гроздь винограда, перед тем как подняться, чтобы уйти, хотя не была ни капельки голодна. Объятие Симоны было чуть дольше, чем обычно, и она произнесла шепотом, в котором сквозили и забота, и любовь:

– У тебя дар. Ты поступила правильно.

Смерть убитой – рана за раной, рана за раной – мелькала перед глазами Натали, когда она согласно кивнула.

Облегчение охватило Натали скорее легким ветерком, чем порывом, когда она опустила письмо в почтовый ящик. Она была рада от него избавиться и тому, что теперь кому-то другому нужно решать, как поступить с этой информацией. И было что-то приятное в том, чтобы раскрыть свой секрет, но чувствовать себя в безопасности.

Выходя с почты, она теребила пуговицу на брюках и вдруг столкнулась с мужчиной в дверях.

Надо же, было такому случиться.

Натали затруднялась сказать, кто из них был сильнее удивлен.

Глава 12

– Месье Ганьон, – произнесла Натали, отступая на шаг назад, – кто бы мог подумать, что наши пути пересекутся и здесь? Париж кажется таким маленьким, не так ли?

– Мадемуазель Боден, это вы? – Его уши стали красными как помидоры. – И правда, маленьким.

Натали нервно усмехнулась.

– Отличный сегодня денек для прогулки.

Месье Ганьон засунул письмо, которое держал в руках, в карман сюртука, затем осмотрел ее от кепки до ботинок.

– Ваша одежда, – сказал он тем же официальным тоном, который звучал в их первую встречу.

Натали приосанилась.

– А что не так?

– Как так вышло, что вы, э-э-э... почему вы одеты как парень?

– В платьях не всегда удобно, – сказала она тоном, предполагающим, что ему и так это известно.

Он повернул голову, не сводя с нее глаз.

– И поэтому вы не в платье? Из-за неудобства?

– Да. Нет, – сказала она, краснея. Она не хотела это обсуждать, и вообще это было не его дело. – А вы почему здесь?

– По делам. – Он посмотрел на дверь и почесал ладонь.

– Это же значит, что вы получите письмо?

Месье Ганьон посмотрел ей в глаза, приподняв брови:

– Что?

– Ваша ладонь. – Натали мысленно поблагодарила маму за то, что научила ее искусству менять тему разговора. – Есть примета: если чешется ладонь, значит, идут письмо или деньги – забыла, что именно.

Он хлопнул в ладоши, и на губах его мелькнула улыбка.

– Значит, про брюки и кепку не расскажете?

Натали скрестила руки. Она никогда не встречала человека, одновременно настолько привлекательного и настолько раздражающего. Каждая их новая встреча открывала в нем новую грань. Что было сегодня: вежливость, любопытство или неловкость? Может, все сразу? Симона говорила Натали, что он, наверное, влюбился в нее, по крайней мере, в какой-то степени, но Симона вечно парила в облаках романтических

мыслей. Не то чтобы Натали не нравилось, если бы месье Ганьон не был на самом деле в нее влюблен.

– Я предпочла бы не рассказывать.

– Не буду настаивать, – сказал он, переступая с ноги на ногу. – Хорошего дня, мадемуазель Боден. Полагаю, до встречи в морге. Вы же туда ходите каждый день.

– Я...

– Вас можно понять, – сказал он. – Там есть на что посмотреть.

С этими словами он развернулся на каблуках и пошел прочь.

– Месье Ганьон, разве вы не на почту собирались зайти?

Он снова повернулся к ней лицом.

– А, да, – сказал он и закатил глаза в нарочито забавной манере. – Приятного вечера.

Натали ухмыльнулась, когда он прошел мимо нее внутрь почтового отделения. Она не знала, что и думать о нем, но была весьма рада, что он замечает ее.

Когда мама принесла ей письмо от Агнес три дня спустя, Натали разорвала конверт с такой спешкой, что Стэнли аж подпрыгнул. Она и не помнила уже, что написала Агнес – насколько детально рассказала о своих видениях – и с нетерпением ждала ее ответа последнюю пару дней.

Сердце ее бешено колотилось, пока она читала.

Дорогая Ната,

да, я слышала об убийствах и просто потрясена. Сначала Пранзини, а теперь это. Что стало с нашим любимым Парижем?

В Байе все шепчутся об этом, и папа получает воскресный выпуск *Le Petit Journal* по почте раз в неделю. Как ты можешь так просто об этом всем говорить? Я представить не могу ничего более захватывающего, особенно для журналиста, который пишет репортажи из морга. К слову, твои статьи великолепны: написаны ясно и вдумчиво, без погони за сенсацией. Считаю, что тебе повезло как журналисту. Меня бы тошнило от вида убитых, но ты... Ната, у тебя для этого подходящий склад. Разве ты не в восторге?

Здесь жара, но мы всего в паре километров от океана, так что наслаждаемся океаническим бризом. На пляж мы ходили пока только дважды: раз – на ближайший и другой – в поход до Довиля, где останавливались на две ночи. Я познакомилась с

рослым кудрявым парнем из Руана и пофлиртowała с ним. В первый день мы вместе пообедали, и он мне пел на итальянском. Ты знаешь, что со мной делает пение, – я так скучаю по хору собора Парижской Богоматери, – так что это меня весьма впечатлило. Я была действительно очарована и разрешила бы ему меня поцеловать. А потом он назвал меня Анастасией. Я спросила, кто это, и после долгих расспросов он выпалил, что Анастасия – это девушка, с которой он познакомился на курорте на прошлой неделе. Он меня заверил, что она уже уехала домой. Но я все равно ушла, гордая тем, что не бросила в него горсть песка, хотя очень хотелось, и весь остаток поездки читала Достоевского.

Что касается океана, то он великолепен, как всегда. В том-то и дело, правда? Океан никогда не меняется, как и его способность внушать благоговение. Полагаю, что твой отец мог бы рассказать сотню историй на эту тему. Скорее бы посмотреть на твое лицо следующим летом, когда ты впервые в жизни увидишь океан.

Байе маленький, уютный и наполнен историей. Здесь плетут кружево, я впервые в жизни увидела столько кружева (больше сил нет смотреть на него). Собор выглядит снаружи впечатляюще, но он не настолько выдающийся, как некоторые из тех, что мне посчастливилось посетить. Здесь бывали викинги, можешь себе представить? И еще есть гобелен, изображающий битву при Гастингсе. Я его видела пару лет назад. Интересная вещь, конечно, но тот, кто вышивал лошадей, не особо озаботился реалистичностью изображения.

Здесьшний диалект необычный, но я уже привыкла. Есть несколько англоговорящих лавочников, так что я практикуюсь. Нечасто удается использовать знания немецкого и английского, но я все равно рада, что мы их учим. Надеюсь освоить оба. И тогда смогу подслушивать, что говорят туристы.

О, и еще тут есть кондитер, который делает вкуснейшие фиалковые сладости. Они одновременно мягкие и хрустящие, с начинкой вроде джема. Представь себе, Роже со мной поделился – ему их подарили на день рождения. Наверное, он все-таки не абсолютно ужасен. Только большей частью.

Ты участвуешь в празднествах по поводу Дня взятия Бастилии?

Расскажи мне побольше об этих убийствах – то, что не

можешь рассказать в своей колонке. Можешь мне прислать парочку газетных статей, старых и новых, чтобы я узнала, в чем там дело? Раз в неделю – слишком уж редко.

Bisous,

Агнес

Пока она дочитала, бешеный стук ее сердца, кажется, услышали даже мама и Стэнли. Она выдохнула.

Итак, она не рассказала Агнес о видениях. Значит, была часть жизни, по крайней мере, одна, не затронутая ими.

Пусть так оно и остается, во всяком случае, пока.

Натали вложила письмо обратно в конверт и села. Потом прочла письмо Агнес еще раз (разумеется, та встретила юношу на курорте: парни ее обожали) и, перед тем как вернуться в течение дня, позволила себе пару минут помечтать об океане.

Париж затаил дыхание или даже судорожно вздохнул на следующие семь дней.

Жертва номер два навсегда ею останется, безымянная скульптура смерти: ее тело так и не было опознано. Ее пришлось убрать с виду в морге, несмотря на приходившие поглазеть толпы, потому что зов природы неумолимо тянул ее к земле.

Она стала разлагаться.

Le Petit Journal и другие газеты делали все возможное, чтобы поддерживать интерес к этой истории всю неделю, даже во время суда Анри Пранзини (приговоренного к смертной казни на гильотине за тройное убийство, о чем Натали была рада прочитать). Месье Патинод назвал нового убийцу «Темным художником» в своей редакторской колонке, и передовицей воскресного приложения была иллюстрация, изображавшая того в виде ужасного, злобно хохочущего дикаря. Рука художника поместила лицо его в тень, и Темный художник на картинке стоял один в демонстрационной комнате морга, держа нож и палитру.

Прозвище прижилось даже в других ежедневных газетах. Кажется, оно понравилось и самому убийце, который третье письмо подписал уже новым псевдонимом:

Париж,

затишье, знаю. Я запоздал с выполнением обещания.

Я решил о своем следующем произведении писать заранее, чтобы желающие могли своевременно занять место в очереди у морга. Я вас не заставлю долго ждать.

До следующей,

всегда ваш

Темный художник

Натали будто щекотку ощутила изнутри каждой своей косточки, когда это прочла. Газета опубликовала письмо через пару дней после того, как она отправила свою анонимку. Вдруг она оказалась рядом с Темным художником на почте? Или стояла за ним в очереди? Как тогда, в день первого видения, когда убийца был с ней в одной комнате.

Она поверила это наряду с другими мыслями своему дневнику (уже простив его за провал в памяти). И записывала все, во что верила и не верила. Ничего не вышло из ее письма в префектуру полиции, и хотя она другого и не ожидала, все равно хотела детально все записать на случай, если что-то еще вспомнится. Наблюдения из морга. Догадки по поводу личности убийцы. Фрагменты разговоров, подслушанные в морге и на улицах города. Собственные страхи и опасения по поводу видений. Приняв уже решение помогать издали и не доверять собственной памяти, она стремилась ничего не упускать. На всякий случай.

Кое-что еще ее беспокоило: то, что мама сказала о видениях тети Бриджит. И поскольку мама отказывалась рассказать подробнее, у Натали не оставалось выбора, если она хотела понять, в чем там смысл, если он вообще есть. Она должна навестить тетю Бриджит в одиночку.

Зайдя в морг, где атмосфера была пронизана страхом из-за третьего письма, Натали направилась в лечебницу. Чувство страха преследовало ее; волосы на шее сзади вставали дыбом не раз-другой, и она поймала себя на том, что останавливается иногда, чтобы оглянуться.

Может, дело в том, что она впервые пришла сюда одна. Она убеждала себя, что не стоит беспокоиться только из-за того, что мамы рядом нет, даже когда зашла в медлительную кабину лифта с решетчатой дверью, где находились две медсестры и сопровождаемый ими пациент в смиренной рубашке. Даже когда эти трое вышли на этаже, где мужчина с выбитым

глазом попытался войти в лифт, а медсестра утянула его обратно. Даже когда Натали шла по коридору, проходя одну за другой палаты, полные бессловесной меланхолии и тихого одиночества, если не считать хихикавшей женщины, которая растянулась на полу у входа в палату тети Бриджит.

Одна из ее соседок молилась. Другая стояла у окна, барабанила по стеклу пальцами, будто отбивая телеграмму, и говоря с птичкой снаружи, прося ее принести вкусного червячка.

Тетя Бриджит сидела на краю кровати с закрытыми глазами и теребила свою косу.

Натали шепотом поздоровалась с ней, и та открыла глаза с улыбкой.

– Где твоя мать?

– Дома. Я была неподалеку и решила заглянуть.

Тетя Бриджит сморщила лицо в детской усмешке и протянула костлявую руку, чтобы погладить Натали по щеке.

Рука ее была такой холодной, просто ледяной. Натали даже не представляла, что можно быть настолько холодной при жизни.

Тетя Бриджит, по своему обыкновению, стала благодарить ее за визит и жаловаться на то, как ее соседка ела, спала и молилась. Впрочем, она не упомянула о снах прошлой ночи. Когда Натали спросила ее, снилось ли ей что-то, та резко замотала головой.

– Кошмары, – сказала она. – Не хочу о них.

Натали ее отлично понимала. Кому хочется заново переживать кошмары? Учитывая яркость снов тети Бриджит и хрупкость ее рассудка, Натали предполагала, что ужасные сны ее пугали с удвоенной силой.

Тетя вздохнула и затихла.

Как бы сложно ни было выговорить следующее предложение, Натали понимала, что это ее шанс. Она кашлянула.

– Я только недавно узнала, тетя, что вы... что у вас были видения.

Тетя Бриджит перевела на нее немигающий взгляд.

– Знаю, что я видела. Я хотела спасти младенца.

– Что именно вы видели? – в тоне Натали было больше тревоги, чем она хотела.

Тетя Бриджит, быстро оглядев соседок по палате, жестом позвала Натали подойти ближе.

– Он собирался утопить ребенка, – прошипела она. – Священник собирался утопить ребенка в крестильной купели. Знаешь, почему?

Натали была так близко, что тетя Бриджит, наверное, могла услышать, как бешено колотилось ее сердце.

«Священник? Крестильная купель?»

– Ребенок был его. Мать его – монашка. Они собирались убить дитя прямо там, в церкви, сразу после крещения. – Она положила руку на плечо Натали, притянула ее еще ближе и понизила голос почти до шепота. – Если бы я не дрогнула и не выронила нож, то могла бы им обоим перерезать горло и спасти младенца.

Натали перестала дышать.

На осознание у нее ушло несколько секунд.

– Я убежала с криками. Они за мной даже не погнались, – тетя Бриджит отпустила Натали и откинулась назад. – Но они все равно утопили ребенка. Я спряталась в кустах и видела, как они уходили с его телом. Я попыталась бы их убить еще раз, если бы у меня был нож.

Натали отступила на шаг, сглатывая ком в горле. «Мама совсем другое рассказала».

Тетя Бриджит схватила Натали за запястье.

– Почему ты спросила?

– Я... я ничего этого не знала. Мама сказала, что у вас были видения, и она мне только рассказала о Сене, и...

– Сена! – голос ее заострился, как лезвие меча. – Зависть! Непонимание! Он был хорошим человеком, но они этого не видели.

Натали еще больше запуталась.

– Он? Мужчина, на которого вы...

Она хотела сказать «набросились», но осеклась. Лицо тети Бриджит вытянулось.

– Знаю, что я видела! – вскрикнула тетушка плаксиво.

Тетя Бриджит повторяла «знаю, что я видела» снова и снова, плач стал переходить в рыдания. В палату вбежала медсестра и попыталась ее успокоить, но было уже слишком поздно.

Завывания становились только громче.

Натали медленно удалилась из комнаты. «Никому не доверяй». У тетушки были основания так сказать. Слова были как-то связаны с этим, с ее безумием, что бы ее сюда ни привело.

Соседка тети Бриджит вышла из комнаты, выдирая собственные волосы, и потянулась к волосам Натали.

– Нет, – сказала Натали, вытягивая руку. Женщина нахмурилась и стала стонать. «Она немая». Натали поспешила прочь от нее по коридору.

Крики тети Бриджит раздавались ей вслед до самого лифта.

Глава 13

Натали разложила последние вырезки из газет, поправила стопочку и принялась писать письмо.

Дорогая Агнес,

его называют Темным художником – и он принял этот псевдоним. Не буду вдаваться в подробности, так как приложенные статьи все объяснят. Не советую их читать перед сном, а то тебе приснятся кошмары. Мне вот уже не раз снились.

Думаешь, я слишком просто об этом говорю? Скорее, осторожно. А может, все дело в том, что журналист во мне привык к репортажному стилю письма. Спасибо тебе за добрые слова о моих статьях (я прилагаю еще).

Ты спрашиваешь, не в восторге ли я. Должна сказать, это, несомненно, самое волнующее переживание, которое случилось со мной напрямую.

Натали задумалась. Хватит ли этого? Отправить Агнес несколько статей, ответить на прямо заданные вопросы... Это должно удовлетворить ее любопытство. На это Натали надеялась.

О Дне взятия Бастилии – я немного посмотрела на парад по дороге на работу. Может, это мне только показалось, но толпа выглядела поредевшей и притихшей в этом году.

Я все думала об океане. Каково это – стоять в песке, среди волн. Папа проводит время на море, но в самом море, и уж, конечно, не отдыхает там. Представляю, как океанская вода свежа и мощна. Скажи, чем она пахнет? Солью, знаю. Но как это? Не может же быть, чтобы так же, как вода с солью, которой мама меня заставляет полоскать горло при простуде. Должно быть что-то еще.

Фиалковые сладости – звучит божественно. Насладись ими за меня тоже. Обещаю посвятить тебе свою следующую булочку с шоколадом в честь того, как мы съедим такую вместе, когда ты вернешься.

Байе звучит как очаровательное место. Викинги. Надо мне

попросить маму смастерить мне головной убор как у викингов, чтобы я в нем приехала следующим летом. Что ты на это скажешь?

Bisous,

Nata

Головной убор как у викингов. Натали хихикнула, вкладывая листок бумаги и статьи в конверт. Она вполне могла себе представить, как ходит в таком по маленькому городку, а Агнес смеется, но сгорает со стыда.

Может, следующее лето и правда будет совсем не таким, как это.

Третий экспонат Темного художника был куда ужаснее первых двух.

Одетт шокировала зрителей, жертва номер два являла еще большую жестокость, но зверство проделанного с третьей жертвой говорило за всех. Ее чернильно-черные волосы были заплетены в длинную растрепанную косу. Она змеилась по ее правому плечу, обрамляя глубокую темно-красную рану от уха до ключицы. На лице ее, как и у других, были синяки. Там, где был раньше ее левый висок, сейчас зияла дыра с ало-черными краями.

Натали не прикасалась к стеклу, потому что у них с Симоной был другой план. Но внезапно ее потянуло это сделать. Видение было прямо тут, только руку протяни, если желаешь. Она резко помотала головой, будто хотела избавиться от этих мыслей.

Она достала из сумки флакон с землей из катакомб: чтобы успокоиться, чтобы удача была на ее стороне, чтобы было еще что-нибудь, что он только может ей дать. Она крепко зажала его в ладони, чтобы предполагаемая удача от талисмана прошла по ее руке и распространилась по всему телу.

Внезапно Натали показалось, что кто-то наблюдает за ней. Она посмотрела на месье Ганьона, стоявшего на своем посту, у зеленой занавеси. Он поймал ее взгляд, не отводя своего, а затем улыбнулся, будто у них была общая тайна.

Натали, кивнув, тоже ответила ему улыбкой.

– Если хочешь глазеть на него, а не на трупы, – произнес грубый голос справа, – то подвинься, дай другим посмотреть.

Жар разлился по ее шее и щекам. Она обернулась и увидела за собой коренастого мужчину, который несколько дней не брился, судя по щетине.

– Je suis désolée^[7], – сказала она, но он только махнул рукой.

Натали на выходе из морга оглянулась через плечо на месье Ганьона. Глаза его не отрывались от третьей жертвы. Она раньше никогда не замечала, чтобы он смотрел на тела. Скорее, наоборот: обычно он казался равнодушным – наверное, чтобы не потерять рассудок от созерцания такого количества тел целыми днями. Коллега вошел в демонстрационную комнату и заговорил с ним, испугнув.

Ворчливый низкий мужчина, который отогнал ее, двигался к выходу. Он злобно посмотрел на нее и открыл рот, чтобы что-то сказать. Ей важнее всего было поскорее добраться до Симоны, а не вступать в разговор с этим недомерком, так что она поспешила выйти в дверь и закрыла ее прямо перед его носом.

Лавина ругательств, понесшаяся ей вслед, когда она уже переходила улицу, явно свидетельствовала, что момент она рассчитала ювелирно.

Мама ушла в ателье, навестить друзей, так что Натали воспользовалась одиночеством и написала колонку дома. Переодевшись в брюки, она осмотрела свое отражение – не тщеславия ради, а чтобы убедиться, что точно не выглядела девушкой.

Ее темные локоны были заправлены под кепку, отчего длинная шея казалась еще длиннее. Коричневые свободные брюки касались массивных ботинок. У этой пары брюк штанины были на пару сантиметров коротковаты (надо было ей послушаться маму и дождаться утра, чтобы обрезать их, но она ошибочно предположила, что ей хватит умения это сделать в тусклом свете свечей). Белая рубашка прямого кроя, с закатанными манжетами завершала маскарад.

Она схватила сумку, надела ее через плечо и отправилась к трамвайному депо.

Хотя Натали и могла издалека сойти за мальчика, но вблизи она явно им не выглядела: черты ее явно были девичьи и присыпаны веснушками. Изящный, немного округленный носик, точно как у мамы. Высокие, почти острые, скулы тоже от матери. Любопытные карие глаза – как папины, только с длинными ресницами.

От подбородка вниз она вполне выглядела мальчиком, когда надевала мальчишескую одежду. Помогало телосложение: хорошо ли это или плохо, она была худой, с маленькой грудью – стройной химеры.

Странно было так одеваться. Не каждая девушка на это согласилась бы. Агнес, всегда женственная и нарядная, завидовала ее работе, но уж точно не стала бы носить мужскую одежду ради этой позиции или любой

другой. Симона, пожалуй, не только согласилась бы, но и без колебаний приняла бы это, притворилась бы, что это роль (как она и советовала поступить Натали), и притом все равно оставалась бы исключительно женственной. А Натали это нравилось в той же степени, в какой раздражало; необходимость носить такую одежду и давала ей возможности, и смущала.

Свободно ходить по этажу *Le Petit Journal* в костюме было забавной частью. Ей нравилось играть эту шутку над дюжинами людей изо дня в день, не говоря уже о том, что ей было любопытно, догадывается ли кто-то из них или хотя бы задумывается, что долговязый «посыльный» – на самом деле девица. То, что она автор колонки, которую читает около миллиона людей, наполняло ее гордостью. Если для такого требовалось одеваться как парень, то это того стоило.

Но ей не нравилось скрывать свою личность без достойной на то причины. Одеваться мальчиком, чтобы заслужить уважение или чтобы избежать неуважения, не было достойной причиной. Это было жалкой причиной.

Однажды она войдет в двери редакции *Le Petit Journal* с высоко поднятой головой и в настолько женственном наряде, насколько пожелает. Может, она придет на важную встречу в длинной, струящейся юбке из парчи в мамином вкусе, с элегантно уложенными волосами, в богато украшенных, изящных туфельках на каблуках, которые она видела в витрине *Le Bon Marché*. На каблуках она будет выше большинства своих коллег-журналистов, а с остальными – одного роста.

Но сегодня ей шестнадцать лет, она в брюках и кепке и идет быстро, с опущенной головой. Месье Патинод не на месте, так что она оставила свою статью Арианне, которая передала ей почту. В первые дни работы в газете Натали охватывало радостное волнение, когда она получала почту, пока не поняла, что там только какая-то реклама, иногда попадалось письмо с предложением пожертвовать на благотворительность, а также внутренние редакционные записки, которые не имели к ней никакого отношения. Она бросила почту в сумку и ушла.

Наконец можно отправиться к Симоне. Они разработали план: если третья жертва будет, то Натали сходит за Симоной, и они вместе вернутся в морг. Так Симона сможет услышать, что Натали бормочет во время видения, и постарается понять.

Натали бежала вверх по ступенькам к квартире Симоны. Она мелко побарабанила по двери, как дятел, что Симону никогда так не смешило, как саму Натали.

Симона открыла дверь, поджав тонкие губы, перед тем как заговорить.

– Нормальные люди просто стучат, знаешь ли.

– Поэтому я так и не делаю, – сказала Натали, тыкая Симону в плечо.

Она вошла в квартиру. – Надеюсь, я не разбудила тебя. Или разбудила?

Симона помотала головой.

– Соседи сверху поругались, хлопая дверьми, минут двадцать назад. Это меня и разбудило. Я все равно собиралась вставать, – изучив взволнованное лицо Натали, глаза ее расширились. – Ты здесь по той причине, о которой я подумала?

Натали кивнула и проговорила торжественным шепотом:

– Очередная жертва, с пробитым черепом, – она коснулась виска Симоны пальцем, – вот здесь.

Симона выдохнула: «О боже» – и меньше чем через пятнадцать минут они уже были в трамвае на пути к моргу. Пока стояли в очереди, Натали рассказывала Симоне о своем визите к тете Бриджит.

– Иногда я размышляю, были ли те видения, о которых говорит моя тетя, ну, не знаю, реальными. – Натали испытала облегчение оттого, что поделилась наконец этим с другим человеком.

– Ты мне рассказывала о своих визитах, – сказала Симона с ноткой скептицизма в голосе. – О женщине, которая сказала, что пишет фреску, но пырнула себя ножом и размазала кровь по стене. И о том случае, когда женщина бегала там, крича, что ее преследует дьявол, который хочет сделать ее своей невестой. И сотни примеров еще, не говоря уже о поведении твоей тети.

Это было так. До видений в морге Натали не воспринимала всерьез то, что тетушка говорила и делала. Бред сумасшедшей женщины.

Она покраснела, устыдившись этого напоминания.

– В последнее время я думаю, что у тети все может быть иначе.

– Из-за чего? Из-за твоих собственных видений?

Натали поправила козырек кепки.

– Не знаю. Пытаюсь понять.

– Как бы грустно это ни было, помни, что твоя тетя и все остальные там заперты неспроста, – тон Симоны был мягче, чем ее слова, отчего их было легче воспринимать. – Большинство из них оказывается на улице или в психиатрической лечебнице потому, что не может отличить реальность от своего воображения.

Натали нахмурилась.

«Почему ты так в этом уверена?»

Симона никогда не видела тетю Бриджит. Она только знала о ней со

слов Натали. Натали отвернулась.

– Откуда ты знаешь, что мне там не место?

– Потому что ты – это ты, – сказала Симона, бережно взяв Натали за подбородок. – Практичная, умная и, нравится это тебе или нет, абсолютно в своем уме. Странная или иногда смешная, но в своем уме.

Она ответила ей грустной улыбкой. Симона не осознавала, что случайно наткнулась на неприятную правду. Натали знала из папиных рассказов и даже собственных ранних воспоминаний, что тетюшка не всегда была такой, как сейчас.

Когда случилась эта перемена, этот переход от нормальности к безумию? Где был тот последний шаг, и понимала ли тетя Бриджит, что делает его?

«Пойму ли я?»

Смотритель жестом пригласил их войти, прервав ее размышления. Симона похлопала ее по спине, когда они переходили порог.

Она хотела скорее прикоснуться к стеклу, но Симоне на осмотр трупов понадобилось больше времени, чем ожидалось. Натали пришлось напомнить себе: то, что для нее уже стало нормой, все еще было зрелищем для Симоны.

Пока зрелищем.

– Вот бедняжки. Каждая последующая страдает больше предыдущей, – Симона погладила стекло так нежно, будто это была щека Селесты.

На мгновение Натали позавидовала ей, оттого что она может вот так, просто, прикоснуться к стеклу. Никакого сложного выбора, никаких последствий. Просто потрогать стекло потому, что оно здесь, барьер между живыми и мертвыми.

Симона повернулась к ней лицом.

– Я готова, если ты готова.

Натали помедлила, теребя пояс брюк. Она помнила, как кто-то однажды сказал, что она как медиум в трансе с закатанными глазами. Сцены она видела в обратном порядке, так, может, и слова будет говорить задом наперед? Демоны говорят задом наперед. По крайней мере, она об этом где-то читала.

Луи предположил, что в этом могут быть замешаны дьяволопоклонники. Пока они не знают истинных мотивов Темного художника, ни одну версию исключать нельзя.

Затем ее как холодной водой окатило от мысли: «Это же что-то вроде одержимости?»

Она отбросила неприятные мысли и вытянула руку, глядя на то, как кончики пальцев прикасаются к стеклу. Вдох – и она уже в видении, смотрит сверху вниз на две забрызганные кровью руки в белых перчатках, явно не ее, судя по их размеру и очевидной силе. Но все же каким-то образом они были ее.

Обратным ходом сцена сменилась с кровавой на бескровную, пока убийца работал над лицом жертвы. Точные, энергичные движения. В этот раз Натали не просто наблюдала. Она чувствовала, как лезвие делает надрезы.

Все продолжало проматываться в обратную сторону. Исчез нож. Голова девушки, как мячик, прыгнула в руки убийцы, затем он наклонил ее вбок, чтобы осмотреть глубокую рану на ее виске. Толкнул ее к уголку резного деревянного столика и поднял ее голову быстрым, яростным движением. Глаза жертвы, наполненные слезами, поймали его взгляд за мгновение до ее смерти.

И Натали снова оказалась в демонстрационной комнате морга.

Симона взяла ее за руку.

– Что случилось?

– Я... Он толкнул ее на уголок стола, – сказала Натали хрипло. – Это ее убило, а порезы были нанесены уже после ее смерти. И он был в белых перчатках.

– После смерти, – сказала Симона, качая головой. – Какая дикость.

Натали высвободила руку из хватки Симоны.

– Поверить не могу, что я раньше этого не понимала. Я смотрю не просто как сторонний наблюдатель. Я не смотрю через плечо убийцы. Я смотрю его глазами. И... и я теперь чувствую тоже.

Натали вздрогнула. Она предпочла бы оказаться в яме с тысячей пауков, чем снова ощутить это.

Симона выдохнула так, как обычно делают люди, собираясь с силами рассказать плохие новости.

– Теперь понятно. То, как ты говорила, было будто ты была им. Внутри него практически.

Желудок Натали сжался. Каким-то образом она стала ближе к видению, сонастроилась с убийцей точнее, чем раньше.

– Ты говорила нечто, что могло исходить только от убийцы: «Моя прелестная, прелестная Мирабель».

Натали обхватила себя руками и перевела взгляд на тело на плите. «Мирабель». Сказать это имя вслух... Вот почему имя Одетт показалось ей знакомым, когда она его узнала. Оно и было знакомым.

Рядом с ними внезапно возник мужчина, будто соткался из воздуха, запах его пряного одеколона наполнил влажный воздух вокруг.

– Pardonnez-moi!^[8] Могу я поинтересоваться, что тут сейчас произошло? – его голос напоминал мед, капающий с ложки в горячий чай. Полноватый и элегантно одетый, он соединил кончики пальцев в белых перчатках, ухмыляясь.

Обернувшись на него, Натали едва подавила вскрик.

Белые перчатки.

Ее сердце превратилось в камень, неживой. Она хватала ртом воздух, и камень наконец превратился в сердце снова, забившись быстрее, чем когда-либо.

Она его видела раньше. В очереди в морг. Он был деталью, лицом из массовки. В день ее первого видения. В день, когда убийца был в той же комнате.

И теперь, без явной на то причины, ее видение было ярче всех предыдущих. Ближе всех к Темному художнику.

Дрожь пробежала вниз по позвоночнику.

«Нет».

Не может этого быть.

Глава 14

Натали выпрямилась.

– Кто... кто вы?

Мужчина, чьи усы были такими же белыми, как и его перчатки, склонил голову. Симона схватила ее за локоть и потянула к выходу.

– Вы – это он? – Натали было все равно, кто может это услышать. – Вы это сделали?

Смотритель встал между мужчиной в перчатках и девушками.

– Мадемуазель...

– Пойдем, – сказала Симона, продолжая тянуть ее. – Тебе нужно на свежий воздух.

– Нет, не нужно. Это он, Симона. Я это знаю.

– Может, и нет...

– Это не может быть совпадением, – прошипела Натали. Она глянула на мужчину, который теперь говорил со смотрителем. – Я его раньше видела здесь, и теперь у меня это видение, и потом он подошел к нам, и...

– Скорее всего, это и есть совпадение, Натали. – Симона вытянула ее на улицу. – Ты себя ведешь неразумно. Это просто мужчина в перчатках.

– Я помню его, – сказала Натали. Они шли к мосту, Симона все еще держала ее за руку. – Он был там в день моего первого видения как убийца. Я тебе покажу!

Они остановились у входа на мост. Натали достала свой дневник и стала листать, пока не нашла страницу с описанием первого видения.

– Смотри. Вот. Я описываю толпу, пока стою в очереди на вход. Потом у меня был провал в памяти.

Симона встала рядом с ней и прочитала:

– «Мужчина в белых перчатках»... Да, он был в комнате, все так, но...

– Ты же мне сама говорила доверять своим видениям. Сегодня я была ближе всего к убийце. И этот мужчина стоял прямо позади нас. Опять же, перчатки! В жаркий летний день? Мы должны рассказать Ганьону, – сказала Натали, указывая на морг.

Симона отступила на шаг.

– И что мы ему скажем: что мужчина с нами заговорил? Или ты расскажешь месье Ганьону о своих видениях?

– Нет, я скажу... – фраза Натали повисла в воздухе неоконченной. Симона была права. – Ну, мы же не можем просто уйти.

Теперь Симона не нашлась что возразить.

Натали дотронулась пальцем до носа.

– J'ai du nez^[9], – сказала она. Ее идея была одновременно и увлекательной, и возмутительной. – Мы за ним проследим.

Симона обернулась через плечо. На мосту стояла пара, слишком увлеченная друг другом, чтобы замечать что-либо вокруг. Но она все равно понизила голос.

– Во-первых, мы не можем следить за каждым мужчиной в Париже, который носит белые перчатки. Во-вторых, ты предлагаешь следовать за человеком, который, если твое предчувствие верно, является убийцей? Я согласна при условии, что потом мы еще пойдём полежать на рельсах прямо к прибытию поезда.

– Это неопасно. Что такого может случиться среди бела дня, когда вокруг толпы людей? – Натали провела рукой, показывая на улицы, магазины, кафе, людей, людей и еще людей. Торопливыми шагами она пересекла мост и улицу, с Симоной след в след за собой, и прижалась спиной к витрине сапожной мастерской. – И не за каждым мужчиной в городе, а только за ним. Мы будем держаться на расстоянии. Я просто хочу посмотреть, нет ли в нем чего-то... необычного.

Но было еще что-то. Она знала, каково это, когда за тобой следят и чувствовать, что за тобой следят. Что-то внутри нее жаждало использовать возможность перевернуть ситуацию, вооружиться против этого воспоминания.

Симона сняла ниточку со своего голубого платья в горошек и вертела ее в пальцах.

– Наверное, и правда может быть интересно посмотреть, куда он пойдет дальше.

– Сама знаешь, что тебе хочется узнать.

– Знаю, чего тебе хочется, – сказала Симона и положила ниточку Натали на козырек, будто там ей было самое место. – Еще знаю, что ты ошибаешься. Я пойду с тобой, чтобы ты убедилась, что он не тот. Как тебе такой вариант?

Натали надулась.

– Ты сразу решила, что я неправа. Увидишь еще.

Спустя примерно минуту мужчина в перчатках вышел из морга. Они замолчали, а он неторопливой походкой пересек мост, оказавшись на тротуаре прямо через дорогу от них, подождал, пока проедет запряженная парой лошадей повозка, и перешел улицу.

Натали уже собиралась укрыться в сапожной мастерской, когда

мужчина, насвистывая, свернул направо. Они заглянули за угол. Он прошел табачную лавку, часовую мастерскую и мясную лавку. Затем остановился, взглянул на карманные часы и вошел в кондитерскую.

– Хороший выбор, месье Перчаткин, – сказала Симона, которая умела давать прозвища. – Выбери нам пару конфеток.

Они непринужденно, прогулочным шагом подошли к кондитерской. Сладость витала в воздухе под козырьком, дразня прохожих ароматами шоколада и карамели. Натали заглянула в окно. Месье Перчаткин с искренней радостью рассматривал конфеты, соединив кончики пальцев.

– Он и на тела в морге так смотрит? – пробормотала Натали.

Симона то ли и вправду не расслышала, то ли сделала вид. Почему она так не хочет верить, что это он?

Месье Перчаткин купил две большие шоколадные конфеты и одну сразу положил в рот. Симона и Натали добрались до витрины мясной лавки, притворяясь, что читают прейскурант на двери, пока он вышел, продолжая насвистывать, из кондитерской. Они следили за тем, как он повернул налево и направился дальше по тротуару прочь от них.

– Раз мы уж тут, – сказала Симона, шагая обратно в сторону кондитерской, – можно что-нибудь купить заодно. Он не торопится, и правильнее всего сейчас будет зайти в магазин. Я угощаю.

– Мерсі, – сказала Натали рассеянно. Она глаз не хотела спускать с месье Перчаткина, чтобы он не затерялся в толпе. – Я останусь здесь.

Симона зашла в лавку, а Натали смотрела, как мужчина усаживается на скамейку на трамвайной остановке, продолжая насвистывать. Вторая шоколадная конфетка у него была в руке, он расстегнул пиджак другой рукой, и...

«О боже».

Там, в его кармане, было какое-то существо, которому он скормил конфету. Натали подошла ближе, чтобы рассмотреть получше.

– Ну ты и напарница. – Симона легонько толкнула ее локтем в спину. – Я тут тебе несую клубнику в шоколаде, а ты ушла.

Натали, не поворачиваясь, взяла из ее рук клубнику.

– Крыса. Смотри. У него в кармане крыса, и он ее кормит.

Симона проследила за ее взглядом.

– Я не знала, что крысы едят шоколад.

– Я не знала, что люди их держат в карманах.

Паровой трамвай подошел к остановке, прервав их разговор. Месье Перчаткин спрятал крысу и устремился к открытой двери.

– Скорее! – Натали поспешила к трамваю, Симона – за ней, бормоча

что-то о глупых затеях. Они вскочили внутрь и сели в четырех рядах от месье Перчаткина, на верхнем этаже. Он наконец прекратил свистеть.

И вот так они и сидели, остановку за остановкой, больше часа, пока люди входили и выходили из трамвая – все, кроме месье Перчаткина. Они уже дважды проехали маршрут трамвая по кругу.

– Может, он знает, что мы следим за ним, поэтому не выходит? – сказала Натали.

– Или он просто странный человек, любящий перчатки, которому нечем заняться, кроме как весь день кататься по Парижу на общественном транспорте. – Симона помотала головой. – Прости, Натали. Знаю, что ты надеялась на открытие, но это было бессмысленно. Мне пора идти на репетицию. Если я сойду на следующей остановке и пойду домой пешком, то как раз успею.

Натали глянула на месье Перчаткина, а потом обратно на Симону.

– Я могу последить за ним сама.

– Ты все еще не убеждена?

Натали не ответила.

– Я не сойду с этого трамвая без тебя, – сказала Симона. Рот ее искривился от раздражения. – Говорю тебе.

Натали прижалась к спинке сиденья.

– Я думала, ты считаешь его безобидным.

– Да. Но я не думаю при этом, что разумно слоняться по Парижу весь день. Ты не мыслишь ясно, Натали. Мы выходим из трамвая.

Натали знала этот решительный, но сестринский взгляд в глазах Симоны. Это был не блеф.

Они помолчали, а трамвай завернул за угол и замедлился перед остановкой.

– Ну! – сказала Симона.

Натали надула губы. Выбора у нее не оставалось; она не могла заставить Симону опаздывать на работу ради авантюры, которая не принесла никаких плодов, кроме информации о том, что у этого мужчины была в кармане крыса и что он любит шоколад.

– Трамвай дальше поедет, если мы сейчас не выйдем. – Симона умоляюще посмотрела на нее.

Натали встала, ссутулившись, выше Симоны ростом, но при этом ощущая себя много меньше нее. Они молча вышли из трамвая.

– Пожалуйста, перестань думать об этом мужчине. Тебе это не пойдет на пользу, – Симона обняла Натали. – Кстати, послезавтра у меня выходной. Селеста снова болеет, и мама попросила за ней присмотреть

пару часов, чтобы она могла поработать на рынке. Можно после этого сходить в музей восковых фигур.

– С удовольствием, – сказала Натали, стараясь выглядеть заинтересованной и следя при этом за трамваем. – Я принесу тебе и Селесте обед.

Симона перешла улицу в сторону своего района. Натали помедлила у бордюра, глядя на людей, садящихся в трамвай. Какой-то мужчина напугал ее, пронесшись мимо нее, чтобы успеть.

Она едва могла видеть голову месье Перчаткина сквозь окно. Трамвай отъехал и, когда заворачивал за угол, тот повернул голову.

Он поймал ее взгляд, не отрываясь от нее, пока трамвай не исчез из виду.

Натали было не по себе до конца дня. За ужином она только и делала, что двигала еду по тарелке (и скармливала ее Стэнли под столом), сказав, что они с Симоной плотно пообедали, когда мама спросила, почему у нее нет аппетита.

Она терпеть не могла врать маме, искать оправдания, говорить ей полуправду. Ее беспокоила сказанная ложь и та, которую она готовилась сказать; с тех пор как начались видения, она выбрала удобство, а не правду. Ощущение нечестности было ей противно.

Каждый день добавлял еще один кусок железа к этому грузу. Воодушевление стало понемногу терять свои краски.

Натали посмотрела на мать, на ее руки в шрамах, неловко держащие вилку, на мелкие морщинки вокруг ее глаз и рта, которые за лето стали более заметными. И хоть мама сетовала, что Натали была слишком худой, ее собственные платья на ней сидели намного свободнее. Ее внимание по понятным причинам было направлено внутрь себя.

Так они и сидели, едва обмениваясь словами, каждая погруженная в свои переживания.

Она не могла перестать думать о месье Перчаткине. Ее злило, что Симона не верила ее подозрениям. Они имели основание, и она не понимала, почему Симона спорит. Этот мужчина с его кончиками пальцев и свистом. Его ли глазами она смотрела на «мою прелестную Мирабель»? Его ли присутствие ощущала в видении? Потому ли она никак не может о нем забыть?

А может, она сегодня ошиблась и неосознанно видела месье Перчаткина по дороге в морг? Ее разум мог добавить эту деталь так, как голос мамы иногда становился частью сна, когда она будила Натали.

Нет, она должна верить в реальность видения, иначе... иначе непонятно что. Она сошла с ума, вот что. Она была под давлением, но она не сумасшедшая. Кроме того, до сих пор все оказывалось правдой. Этот эпизод ничем не хуже.

Натали ненавидела мысль, что она говорила словами убийцы во время видения. От этого она чувствовала себя грязной, подсматривающей, чересчур близкой к сознанию убийцы.

Она смотрела на тупой, нестрашный нож в своей руке, задержавшийся над тарелкой. Нож. Для разрезания еды. Мяса. Лица и шеи девушки.

Рука ее ослабла и выронила нож, который с внезапным звоном упал на тарелку.

Мама вздрогнула. Натали извинилась за шум и вышла из-за стола, чтобы доделать домашние дела.

Позже этим же вечером, запустив руку в сумку за своим дневником, она вытянула несколько конвертов и бумагу. Она уже и забыла о своих письмах из *Le Petit Journal*. Благотворительность, напоминание о реорганизации комнаты-архива, три рекламы. Последнее письмо было адресовано «репортеру из городского морга», как и рекламные послания, но в качестве обратного адреса значился «коллега-писатель».

Она открыла его по пути к мусорной корзине. Ой!

Обрезала палец о край конверта. Она лизнула порез и развернула листок, готовая выбросить его в мусорку, но тут ее сердце замерло, как картина, на которой все навеки замерло.

Мой дорогой писарь,

браво вашим колонкам. Отличная работа, хотя вы и скупитесь на описания моих произведений. Расскажите же им о рассеченной плоти, как она красна, черна, фиолетова, кроме тех мест, где уже начала гнить, принимая коричневато-зеленые оттенки.

Расскажите, как нож вонзился так глубоко, что задел кость.

Расскажите, как красивы когда-то были эти девушки и как их изящные черты стали искаженными посмертными масками.

Расскажите им.

Не стоит меня разочаровывать.

Ваш

Темный художник

Глава 15

Натали несколько раз потренировалась, как будет передавать письмо месье Патиноду, перед выходом из квартиры. Сначала она дрожала во время репетиции, затем качнулась в другую крайность, практически швыряя его в воображаемого месье Патинода.

Когда она оказалась у него на самом деле, в его кабинете, то отдала письмо почти настолько непринужденно, насколько хотела. Бумага лишь немного дрогнула в ее руке в момент передачи.

Месье Патинод долго его читал: очевидно, просмотрел не раз. Линзы его очков, казалось, сегодня были толще обычного, и выражение лица было таким серьезным, со сжатыми губами, будто он позировал для парадного портрета.

Он поднял взгляд от письма и сдвинул очки на темя. Движение было резким, дерганным, как у марионетки. Слова вырвались, как вода из опрокинутого стакана:

– Мы получаем много писем от самозванцев.

– Откуда вы знаете, что письма «Парижу» от Темного художника действительно от него?

Он помедлил всего мгновение – ровно столько, чтобы Натали успела задуматься, почему он медлит.

– Мы не знаем наверняка, – было его ответом. Он вынул сигарету из портсигара на столе и закурил. – Инстинкт плюс основанная на фактах догадка. Если проработаешь в журналистике достаточно долго, то сама узнаешь, каково чуют, что правильно.

С одной стороны, такой ответ ее разочаровал. «И это все?» С другой – смысл в нем был. Полицейские частично полагались на инстинкт, как и повара, пекари и даже портные. Мама часто рассказывала, как платье шьется в равной мере по ощущениям и по меркам. С чего бы у репортеров все было иначе?

– Иногда, – добавил месье Патинод, выдыхая облачко дыма, – это скорее искусство, чем наука.

Натали посмотрела в окно. Здание за зданием, бульвар за бульваром. Где-то среди них были длинный коридор с сине-золотой ковровой дорожкой, комната с изящным столиком, окровавленным от сломанного виска, и убийца в белых перчатках.

– Вы думаете, что это письмо настоящее?

Он снял очки с головы и положил их на стопку бумаг. Зажмурил глаза.

– Да.

По ее коже пробежали мурашки.

– Откуда вы знаете?

– Я узнаю истину, когда вижу ее, и это письмо – не подделка, – месье Патинод открыл глаза и стряхнул пепел с сигареты. – При этом ты мне должна кое-что пообещать.

– Что?

– Никому о письме не рассказывай. – Тон месье Патинода был спокойным.

– Почему?

Он посмотрел на Натали, потом отвел взгляд и снова перевел на нее. Он сделал длинную затяжку и выпустил дым колечком.

– Потому что я так сказал. – Его слова были чеканны, как марш упорных, исполнительных солдат.

У Натали чуть не сорвался с языка протест. Хотя она не знала, с чем именно спорит, разве что с самим фактом запрета и манерой запрета.

– Это слишком рискованно, – поспешил он добавить, будто боялся забыть это упомянуть. Губы его раздвинулись в улыбке, но она не достигала глаз. – Ты должна оставаться в безопасности. Даешь мне слово?

– Обещаю никому не рассказывать.

– Хорошо. – Месье Патинод стряхнул пепел в пепельницу. – И еще я считаю, что тебе стоит взять отпуск до конца недели. Оплачиваемый. Кируак тебя подменит до воскресенья.

– Зачем? – в ее голосе было больше отчаяния, чем она хотела бы показать. Она собиралась рассказать ему о месье Перчаткине, но теперь была рада, что не стала; узнай он, что она села в трамвай, преследуя подозреваемого, мог бы вообще перевести ее на другую рубрику. – Я не хочу терять эту работу, месье Патинод. Я настроена на то, чтобы писать эту колонку, и писать ее хорошо.

– Не потеряешь, – сказал он, поднимая руку. Он пыхнул сигаретой и положил ее на краешек пепельницы. – Ты идеальный начинающий журналист, уверяю тебя. Это просто временные меры.

Натали не хотела брать отпуск, но все же кивнула. Месье Патинод – папин друг, и он пытается ее защитить; он знает больше ее о таких вещах.

– И если придет еще одно такое, – продолжил месье Патинод, – отдай его мне. Это письмо я передам в полицию. Я предпочел бы, чтобы ты оставалась анонимной.

И снова он был прав.

– Когда я вернусь на работу в понедельник, стоит ли мне подробнее описывать, как он сказал? Это довольно неприятно...

Месье Патинод покрутил очки за перемычку.

– Вообще да, стоит, думаю, читатели проглотят это с жадностью.

Она сглотнула комок в горле. Это не тот ответ, которого она ожидала. И не та манера, которой она ожидала. Она раздумывала над тем, сказать ли ему про месье Перчаткина, спросить его мнения как опытного журналиста. Теперь она точно решила ничего не говорить о нем.

– Merci, – сказала Натали, опуская глаза на сумку, чтобы застегнуть ее. Подняв голову, она поймала взгляд месье Патинода – такой, который сложно понять: странный – но он вообще был странным человеком; пронизывающий – но он явно был склонен к таким взорам; любопытный – но он журналист, а журналисты все любознательны.

И все же.

Это было всего лишь мгновение, но что-то в его выражении лица подсказало ей, что ему известно гораздо больше, чем он говорит.

Следующим утром Натали отправилась в морг из-за собственного любопытства, а время, которое обычно тратила на написание колонки, провела вместо этого в Лувре. Несколько дней она будет притворяться, что ничего не изменилось.

Инструкции месье Патинода означали именно это. Она и правда не хотела тревожить маму, но приказ ее тяготил: снова обман.

Ее это уже порядком утомило. Видения, последующее напряжение оттого, что свои способности нужно скрывать, а теперь еще эта угроза от Темного художника. Ради чего? Она могла бы сейчас смотреть на океан, разделяющий Францию и Англию, а не через стекло, которое отделяло живых от мертвых.

К счастью, мама гуляла с подругой-швеей, когда Натали вернулась домой пообедать. По крайней мере, сегодня ей не придется притворяться, будто она вернулась из редакции. И так уже плохо, что ей пришлось выйти из дома утром в брюках, чтобы все выглядело как обычно. Чем меньше ей нужно соблюдать маскарад, тем лучше.

Натали переоделась в свои нормальные вещи, взяла обед – холодный томатный суп с козьим сыром – и понесла его вниз, чтобы разделить с Симоной и Селестой, как и обещала.

– Она уснула, – прошептала Симона, открыв дверь. Селеста лежала на диване, уменьшенная копия Симоны, только с темно-какими глазами, скрытыми сейчас нежными веками, а на лбу ее лежала сложенная в

несколько раз влажная ткань.

– В этот раз ей хуже. Каждый раз, когда поднимается температура, она не снижается все дольше. Эта держится уже третий день. И она еще на боль в животе жалуется.

Симона поцеловала Селесту в щеку, проходя мимо. Девочка заворочалась, на фарфоровом личике мелькнула гримаса боли. Она открыла глаза ровно настолько, сколько требовалось на произнесение сонного приветствия Натали, а потом повернулась на бок и снова уснула.

– Я... я не знала, что она так сильно больна, – сказала Натали. – Помню, что ты говорила об этом, но я не думала, что все так...

– Печально, да? Эта болтливая зайчишка – и с покрасневшим лицом, и спит все время, – Симона покачала головой. – Никто не знает, что с ней, только то, что ей на время становится лучше, а потом снова плохо.

– Она поправится раз и навсегда, – сказала Натали, потому что Симоне нужнее всего сейчас надежда, а не напоминание о неизвестности.

Они сели за стол вдвоем, принявшись за суп и вполголоса беседуя, пока мама Симоны не вернулась с рынка. Мадам Маршан, уставшая, но приветливая, была очень благодарна за суп для Селесты.

Вскоре Натали и Симона уже ехали в омнибусе к музею восковых фигур. Луи так хотел, чтобы Симона увидела новую экспозицию, что подарил ей два билета: для нее и Натали. Он хотел, сказала Симона, чтобы она описала ему свои впечатления, а не идти туда вместе с ней.

– Он собирается написать стихотворение о наших реакциях, – сказала Симона шепотом, будто кто-то в омнибусе знал Луи или его поэзию.

Они последовали за четырьмя другими посетителями под арку с надписью «Музей Гревен». Восковая фигура известной танцовщицы указывала дорогу.

Натали и Симона бродили по комнате, полной исторических персонажей, знаменитостей и художников. Симона зевнула, когда они приближались к сцене на тему кабаре.

– Уже скучно? – поддразнила ее Натали. – Я думала, кабаре не бывает скучным.

– Не в этом дело, – ответила Симона. – Я просто не выспалась.

– Я – тоже, – Натали сдержалась, хотя ей очень хотелось рассказать о письме от Темного художника.

– После Мирабель, месье Перчаткина и рассказа твоей тети про крестильную купель, священника и монашку... – Симона умолкла, закатывая рукава. – Я широко раздвинула шторы, чтобы свет уличных фонарей лился в окно. Чересчур много мыслей в моем буйном

воображении.

Натали помедлила, перед тем как ответить. Что-то не сходилось.

– Я не очень понимаю, – начала она, осторожно подбирая слова. – Помню, как пересказала тебе историю про купель... – ужас накрыл ее, пока она выговаривала следующее предложение: – и не помню, чтобы тетя Бриджит мне ее рассказывала. Как я могла пересказать тебе историю, которую сама теперь не помню?

Симона наклонила голову.

– Это было на днях, когда ты ходила к ней без мамы.

Натали уставилась на Симону, пытаясь понять, шутит она или нет. Но ее поведение было серьезным, почти мрачным, и в глазах не было озорства.

– Я помню, что была в лечебнице, – сказала Натали, вспоминая, как она проходила недавно в те двери. – Но я... я не помню разговора с ней.

Симона смотрела на нее не моргая. Она изучала лицо Натали, а потом произнесла:

– А что ты вообще помнишь?

– Она заплетала волосы, говорила о своих соседках. Обычно она говорит о своих снах. В тот день не хотела, потому что ей приснился кошмар, который был ей слишком неприятен. А потом... – А что потом? Провал, как будто в книге пролистываешь пару страниц. Следующим, что она помнила, было то, как она спешила домой на омнибусе. Она пересказала все это Симоне, которая дополнила историю недостающими в памяти Натали деталями, которые от нее же и услышала пару дней назад.

Натали сглотнула.

– Я в последнее время стала забывчивой. Дело не только в том, что я купила цветы и забыла как. Я однажды пошла ночью на крышу, чтобы написать письмо Агнес и сделать запись в дневнике. И не помню, как вернулась в комнату потом, но проснулась в своей кровати. И еще я не имею ни малейшего понятия, что именно я написала Агнес, и когда я перечитала свой дневник, то не узнала написанного. А теперь еще вот это.

Симона положила руки на плечи Натали.

– Мне кое-что сейчас пришло в голову, – сказала она и прикусила губу, перед тем как продолжить. – Вчера ты мне рассказывала про то, как ходила к тете Бриджит, а сегодня этого не помнишь. Ты купила тогда цветы для мамы, стоя в очереди в морг, – в тот самый день, когда увидела Одетт, – а потом не знала, как они у тебя оказались. Не удивлюсь, если этот провал в воспоминаниях на крыше случился прямо после того, как ты увидела жертву номер два.

Мысли в голове Натали замедлились; ощущения были как перед

засыпанием, за секунду до того, как проваливаешься в сон.

– Они и правда все были по времени рядом с посещениями морга и видениями. Я думала, это просто... просто из-за общего напряжения.

И ее мысли снова ускорились, очень быстро.

Ее пронзил холод с головы до ног, и слова отдавались эхом в голове, когда они срывались с ее губ:

– То есть каждый раз, когда у меня видение, я теряю воспоминание.

Симона сделала шаг назад, тело натянуто как струна.

– Это... это так и есть, видимо. Почему мы раньше не увидели этой связи?

– Может, на каком-то темном, глубинном уровне я подозревала, – «но не могла себе в этом признаться». – Не знаю, знала или нет. Я не знаю, не знаю.

– Ну, единственный способ убедиться – посмотреть, будет ли это повторяться, – сказала Симона, вытаскивая из прически шиньон, – но не могу придумать никакого другого объяснения.

Если будет повторяться.

«Если».

– И, – добавила Симона, – может, это лишь временно. Воспоминания к тебе могут вернуться со временем. Это возможно.

– И еще возможно, что не вернуться, – и ее разум будет наполнен обрезками, как гирляндами бумажных кукол? Этого ей не надо.

Симона повернулась к экспозиции.

– Если даже так, то разве это настолько ужасно? Не очень удобно – да, но забыть, что ты купила цветы, не так уж разрушительно. Пожилые люди тоже такое забывают наверняка.

– Это как-то пренебрежительно, – будто Симона хотела, чтобы потеря памяти была не более чем малозначительной деталью. И вдобавок она повернулась к Натали спиной. – Особенно если это происходит не с тобой.

– За невероятную способность иметь видения я легко отдала бы пару воспоминаний.

Уши Натали горели. Это не какое-нибудь представление. Речь о ее рассудке.

Они прошли в следующий зал вместе с небольшой толпой. Как только Натали увидела, что там, ее конечности окаменели. Она не могла двинуться. Ощущение было таким, будто она из девушки превратилась в укорененное дерево.

Там во всех ужасающих подробностях в воске были воспроизведены тела жертв номер один и номер два, Одетт и навеки безымянной второй

девушки, на плите морга. Сцена также включала в себя витрину и – по другую ее сторону – пару, рука об руку, глядящую с нездоровым интересом, в котором читалось одновременно и отвращение, и нежелание отвернуться.

– Тебе верится? – проговорила Симона, которая, как Натали только сейчас заметила, наблюдала за ней.

– Нет, – сказала Натали ровно, выдавив легкую улыбку. Она вырвала свои ноги-корни из земли, чтобы подойти ближе. Каждый порез на их лицах был скопирован в точности.

– Они это представили только пару дней назад. Я так надеялась, что ты не увидишь рекламные плакаты. Луи был прав. Очень реалистично, да?

Натали много раз бывала в этом музее, как и в морге, еще до того, как стала писать для *Le Petit Journal*. Она видела воспроизведенные сцены преступлений и китайский театр теней, фокусников и реконструкции сражений времен Наполеона. Пару лет назад по улице торжественно провозили целую свадебную процессию, состоявшую целиком из восковых фигур. Что угодно могло стать экспонатом в музее Гревен; что бы публику ни заинтересовало, она получала здесь. Что заставляло людей покупать газеты, то принуждало их приобретать и билеты сюда. Так что она могла бы и догадаться.

«Как знать, – подумала Натали, – может, и сами жертвы приходили сюда до того, как погибли. Или даже в сам морг, чтобы поглазеть на трупы, к которым потом присоединились». Она вздрогнула от этой мысли.

– Даже слишком реалистичные, – неужели ее собственную колонку использовали как источник информации при создании этого? Она задумалась, изучал ли художник, отливший фигуры, фотографии из морга, показывал ли месье Ганьон ему официальные снимки. Или, может, художник стоял там, в демонстрационной комнате, и делал зарисовки. – Почему... почему ты хотела мне это показать?

– Чтобы ты увидела то, о чем пишешь, что переживаешь, глазами художника. Как говорит Луи, это место – как газета, только с картинками, – сказала Симона. – Я подумала, что тебя это может впечатлить, показаться интересным.

Натали не ответила. Она чувствовала, как краска заливает ее щеки.

– Я хотела спросить, – сказала Симона, – что ты написала в письме в полицию: что-нибудь про перчатки и декоративный столик? А, и то, что ее имя Мирабель, конечно, да?

– Я в этот раз ничего не писала в полицию, – сказала Натали.

Симона вскинула бровь.

– А, ну когда соберешься.

– Я и не буду. – Она приняла решение в тот же момент, как произнесла это. – Я больше не буду это делать. Я... я не могу.

– То есть...

– То есть я устала от отвратительных видений, постоянных сомнений, обмана, осознания, что смотрю глазами убийцы, чувствую то, что чувствует он, и произношу его слова, все это, – «включая письмо с угрозами моей жизни». – Я не собираюсь жертвовать при этом кусочками своей памяти. Это как терять рассудок, Симона.

Натали закрыла глаза, сдерживая слезы, которые чуть не полились. Она ожидала, что ощутит руку Симоны на своем плече, что ее заключат в объятия.

– Не понимаю, – сказала Симона, качая головой. – Ты что... лишаешься своего дара?

Натали выпрямилась. Желание поплакать исчезло, как затушенный огонек.

– Я не лишаюсь, а делаю выбор. За каждым взлетом следует падение, разве ты этого не видишь?

Симона кивнула, но ощущение было такое, будто она над ней насмехается, вместо того чтобы попробовать понять. Симона в последнее время часто над ней посмеивалась.

– А теперь еще и память? – Натали скрестила руки. – Это довольно большая жертва, и ради чего?

– Потому что у тебя есть возможность помочь.

– Этого мы не знаем. Пока это никому не помогло. Не то чтобы я распутала это дело. Коврики и столики не помогут его распутать.

– Мы знали, что это будет нелегко. – Симона понизила голос и тронула Натали пальцами за запястье. – Это даже показали карты Таро. Помнишь Повешенного? Самопожертвование, смена образа мыслей?

Натали вырвала свое запястье из пальцев Симоны.

– Это всего лишь карты Таро, Симона. Развлечение для гостиной. Только то, что карты указали на самопожертвование, не значит, что я должна просто так принять потерю собственного рассудка.

– Я так никогда не говорила! – голос Симоны повысился так резко, что две женщины прервали разговор. Они посмотрели на них, перед тем как возобновить беседу.

– Не этими словами. – Натали скрестила руки. – Звучит так, будто я должна делать то, что говорят карты, чувствовать так, как они велят мне чувствовать.

– Я не это имела в виду, – сказала Симона, закатывая глаза.

«Ненавижу, когда она закатывает глаза».

– А что тогда ты имела в виду?

– Если позволишь мне закончить предложение, то я скажу. – Симона театрально вскинула руки.

– Необязательно все приукрашивать, – сказала Натали, пародируя жест Симоны. – Просто скажи уже, что ты хочешь сказать.

Симона скрипнула зубами.

– Прекрати меня перебивать – И СКАЖУ.

Одна из глядящих на них женщин что-то шепнула второй.

– Occurez-vous de vous oignons^[10], – огрызнулась Натали. Она редко говорила людям не совать нос не в свое дело, но женщины это заслужили. Она подождала, пока они отвернутся, и только тогда продолжила. – Я больше не буду перебивать тебя, Симона. Пожалуйста, объясни мне, во что ты там хочешь меня заставить поверить.

Симона перевела взгляд с экспозиции на Натали.

– Эта ужасающая серия преступлений. Ты имеешь возможность что-то изменить. Мало кто может; они просто ходят в морг поглазеть и поболтать потом об этом. Не думаю, что тебе стоит так легко отказываться от этого дара.

– Легко! – Натали недобро ухмыльнулась. – НИЧЕГО в этом нет легкого.

– Я и не говорила, что есть! – Симона закатила глаза.

Опять.

– Куда делась рациональная Натали? – продолжила Симона. – Сначала ты хочешь преследовать эксцентричного человека с крысой по всему городу, а теперь вкладываешь слова в мои уста и споришь со мной. Почему ты так себя ведешь?

«Он угрожал мне!» – вот что Натали хотела сказать, но не сказала. Не смогла. Она пообещала, что не скажет.

Натали молча покачала головой. Если она заговорит, то расплачется. Она точно не хотела демонстрировать это. Экспонатами были восковые фигуры, а не ее страхи.

Натали выбежала из зала, каблуки ее стучали по полу зло и решительно. Симона следовала за ней, зал за залом, пока они не добежали до выхода, и всю дорогу болтала что-то про «упорство», «особый дар», «судьбу», и уйму других фраз, которые громоздились одна на другую.

«Почему я?»

– Почему я? ПОЧЕМУ Я?

– Не смотри на это так.

– Не указывай мне, как на это смотреть! – Все тело Натали пылало от ярости, негодования, а также страха, в котором она не хотела себе признаваться. – Я не могу так жить. И НЕ БУДУ так жить. Я не могу рассказать никому, кроме тебя, об этом странном проклятье, неспособна заставить его исчезнуть или притвориться, что его нет, – она закрыла глаза и вздохнула. – И не в состоянии перестать знать то, что уже знаю.

– Я понимаю, но...

– Non!^[11] – Натали выплюнула это слово будто яд. – Ты не привела бы меня сюда, думая, что это меня «впечатлит», если бы понимала. Ты не понимаешь. НИКТО не понимает. В том-то и дело. Я не знаю, может, моя сумасшедшая тетя могла бы. Но это не имеет значения. Я в ловушке. В ловушке!

Симона прикусила губу, и надолго, прежде чем заговорить снова, спокойным тоном:

– Ты не в ловушке. Мы можем...

– Прекрати. Просто прекрати, – Натали подняла руку. Она надеялась, что Симона не заметит дрожи. – Не «мы». С тобой я тоже больше не могу.

– Что? Что ты хочешь сказать?

Натали ответила тем, что толкнула дверь и выбежала на тротуар.

Симона наверняка побежит за ней. Она была уверена.

Но Симона не побежала.

«Ну и хорошо. Она все равно только ради приключения в это ввязалась. И чтобы впечатлить Луи. И чтобы предсказания карт Таро сбылись».

Взор Натали застили слезы. К счастью, ноги ее знали дорогу, так что это было неважно.

Глава 16

Натали пока не хотела идти домой.

Она бродила, не зная, куда хочет пойти. Стоя рядом с какими-то испанскими туристами, она заметила у них карту. Ее взгляд упал на то место, куда они указывали, – Булонский лес.

Идеальное место – парк, где она сможет побыть одна среди людей и провести этот жаркий день. Она была там незадолго до переезда Симоны, необычайно теплым апрелем. Они вдвоем провели там день, растянувшись на пледе и поедая фрукты и пирожные «Мадлен», наблюдая за людьми. Придумывали про каждого молодого человека, проходившего мимо, какая у него могла быть любовная история.

Казалось, что это было сто лет назад.

Она направилась к ближайшей остановке трамвая и успела вскочить в него; ее злость утихала, пока трамвай катился по рельсам. Ей пришлось еще дважды пересест на другой трамвай, чтобы добраться до Булонского леса, и хотя людей там было полно, она все же ощутила умиротворение, ступив на траву.

У каждого дерева кто-то сидел: парочки, семьи и одиночки растянулись практически в каждом пятнышке тени. Натали прогуливалась, пока не увидела, как женщина с маленьким сыном собрались и освободили как раз подходящее местечко в тени.

Она прилегла, вытянув руки и ноги, и стала смотреть в небо, обрамленное листвой ближайшего вяза. Опустила ладонь на траву, наслаждаясь тем, как трава щекочет пальцы. Другой рукой она расстегнула верхнюю пуговку, пальцы положила на ключицу. У нее не было сил двинуть ни одной мышцей.

Хор парка, явно различимый, состоявший из разных звуков и голосов, вскоре стал казаться ровным гулом – не шумом, но и не симфонией. Пробежавшись пару раз по событиям дня, ее мысли стали расплываться.

Сначала к Симоне и их предыдущей ссоре. Это случилось чуть больше двух лет назад из-за самовлюбленного, мрачного парня, который плохо влиял на Симону. Симона так не считала, и они не разговаривали месяц, а по истечении его Симона решила, что парень был и правда слишком самовлюбленным и мрачным. Натали скорее чувствовала сожаление, чем удовлетворение от собственной правоты, поклявшись никогда больше не осуждать Симонин выбор парней. А что касается Луи... Сейчас это уже не

так и важно, да? Раз они с Симоной больше не разговаривают.

Она подумала об Агнес, ее любопытстве по поводу убийств, решении Натали не рассказывать ей о видениях. Может, теперь она ей и скажет, раз это все осталось в прошлом.

Теперь ее мысли перетекли к папе. Она просто-напросто скучала по нему. Он был дома пару недель перед маминым несчастным случаем. А потом снова уплыл, как он часто делал, на многие месяцы. И вернется не раньше сентября. А затем пробудет с ними до января или февраля, и Натали уже представляла, как они будут играть в карты, ходить в Лувр и катакомбы и вместе готовить суп и хлеб. Папа любит печь хлеб.

Затем она подумала о том, когда последний раз видела тетю Бриджит «на свободе», до того, как ее заперли в психиатрической лечебнице. Натали помнила, что была в ярко-красном зимнем пальто, которое ей сшила бабушка на Рождество. Оно было велико и объемно. (Есть подозрение, что бабуля считала, будто ей десять лет, а не семь, потому что была довольно морщинистой и забывчивой. Тогда Натали думала, что морщинки ухудшают память.) Мама все равно настояла, чтобы она его носила. Хорошего в этом было только то, что она еще была в новеньких сапожках, а значит, могла прыгать по лужам, когда мама не видела. И даже один раз у мамы на глазах, но Натали сделала вид, что это была случайность.

Они отправились к тете Бриджит, чтобы помочь ей собрать вещи и прибраться в комнате, которую она арендовала у мадам Плүфф.

– Куда тетюшка уезжает? – спросила Натали, когда они подходили к белокаменному домику, увитому плющом.

– Туда, где ей помогут, – ответил папа.

– Почему ей нужна помощь?

– Потому что она болеет.

Натали этого не понимала. Тетя Бриджит была худенькой, но ходила быстро и никогда не кашляла, не жаловалась на боль в животе. Она не выглядела больной.

– Что с ней не так?

Папа с мамой переглянулись, и затем папа сказал:

– Она стала забывчивой.

– Как бабуля?

– Вроде того.

Натали сомневалась, верить папе или нет. В конце концов, у тети Бриджит совсем не было морщинок, а волосы ее были каштановыми, а не седыми.

– А почему тогда бабуле не нужна помощь?

– Потому что твоей бабушке помогает твой папа, – сказала мама, беря ее за руки в варежках и наклоняясь, чтобы посмотреть ей в глаза. – А тетушка одинока. Она хочет туда, где больше людей, а медсестры ей помогут поправиться.

С этими словами мама поцеловала ее ладошки (точнее, варежки), а этот жест, Натали знала, обычно означал: больше никаких вопросов.

Натали не помнила, чтобы у тети Бриджит когда-либо была квартира. Она просто снимала комнату у доброй старушки, которая «помогала женщинам вроде Бриджит», как папа сказал. У мадам Плурфф было много комнат, и много людей жило в них – как же могла тетушка чувствовать себя одинокой? – и она для них готовила еду. Иногда она играла для них на пианино после ужина, как рассказывала тетя Бриджит. Когда приходила Натали, мадам Плурфф всегда давала ей соленое или сладкое печенье. Она была очень милой женщиной, по мнению Натали, и было так жаль, что тетушка переезжала. Натали надеялась, что на новом месте тоже будет милая женщина, которая будет угощать вкусностями.

Папа поднял ее, чтобы она постучала дверным молотком («Только три раза и не слишком сильно», – говорил папа). Мадам Плурфф открыла дверь с непривычно серьезным выражением лица ипустила их. Она шепнула что-то папе, пока мама с Натали поднимались по лестнице в комнату к тете Бриджит. Папа их догнал.

Тетя Бриджит сидела за маленьким столиком и раскладывала пасьянс. Она встала и обняла их всех по очереди, улыбаясь, будто приветствовала на своем празднике. По комнате, темной, пахнувшей цветами, которые мама называла гардениями, были разбросаны бумаги. На полу, на кровати, даже на гардениях. Папа попросил Натали сесть за стол с тетушкой, чтобы они с мамой могли убраться в комнате и уложить вещи в сумки.

– Хочешь, научу играть? – спросила тетя Бриджит.

Натали кивнула. Следующие несколько минут она смотрела, как тетя раскладывает пасьянс, объясняя ей по ходу правила. И поглядывала на то, как папа собирает бумаги, пока тетя Бриджит говорила. Натали больше не могла терпеть. Любопытство терзало ее, как прыщавый одноклассник Жак, который тыкал ее карандашом, чтобы она подсказала ответы на задачки контрольной.

– Что это за бумаги?

– Это моя история, – сказала тетя Бриджит с озарившимся гордостью лицом. – Давай я тебе покажу.

Она нагнулась, чтобы подобрать один из листков, и ее блузка приподнялась.

Натали ахнула.

– Твой живот! – прошипела она.

Мама и папа разговаривали и не услышали ее.

– Просто немного бо-бо. Все хорошо. – Тетя Бриджит похлопала себя по животу, чуть вздрагивая, и передала Натали лист бумаги, поднятый с пола. – Знаю, ты хорошо читаешь. Прочти мою историю.

Она взяла лист, не отводя взгляда от живота тети. Может, это как раз то, что ее родители имели в виду под тетиной болезнью, потому что ранки наверняка болят. Натали посмотрела на маму, укладывавшую одежду в чемодан, и папу, собиравшего бумаги в стопку. «Вы видели?»

Она положила бумагу на стол и подложила ладони под себя, сидя на стуле. На верху листа было слово, написанное крупными буквами: ОЗАРЕНИЕ. Натали не знала, что оно значит, но запомнила его (она очень хорошо умела запоминать значения и правописание новых слов), чтобы проверить его значение потом. Она попыталась прочитать слова под ним и нахмурилась. Почерк тети Бриджит было непросто разобрать, это были каракули. Не то что у мамы.

– Бриджит! – И папа оказался рядом с ней, закрывая большой ладонью написанное. – Она еще ребенок. Ей такое нельзя смотреть.

Он схватил лист со стола, и не успела она моргнуть, как мама уже держала ее за руку.

– Пойдем, – сказала мама. – Пойдем к мадам Плурфф. Думаю, у нее для тебя есть печенье.

Натали слезла со слишком высокого стула. Она помахала тете Бриджит, а та улыбнулась.

– Мама, – прошептала Натали, – тетин живот.

Мама пересекла комнату, рука ее сжимала руку Натали с каждым шагом все крепче.

Натали прошептала еще тише:

– Он весь в красных крестиках, будто кто-то вдавил их в ее кожу до крови.

И вдруг Натали ощутила это. Руки в перчатках сжимаются вокруг ее горла. Она повернулась, увидев лицо тети Бриджит над собой, и хватка ее становилась все крепче, пока... Она пыталась вдохнуть...

Ее глаза открылись, и перед ними было голубое небо, листья и ветви. Натали несколько раз моргнула и выдохнула. Это все было воспоминанием, кроме самого конца. Тетя Бриджит никогда не душила ее. Никогда. Наверное, она в этот момент как раз уснула.

Рука Натали была на ее шее, сейчас спокойно лежала, но пальцы были

напряженными, уставшими.

Какими угодно, только не расслабленными.

Глава 17

Натали взяла сумку и направилась к Триумфальной арке, где села в забитый людьми омнибус, шедший вдоль усаженной деревьями авеню Елисейских полей. Она вышла на площади Согласия, у садов Лувра, устав сидеть среди других пассажиров. Остаток пути до дома она решила пройти пешком, хоть идти и долго, но ей хотелось выпустить пар.

Сначала она даже не просто шла, а вышагивала, как неугомонная пантера в бродячем зверинце в ботаническом саду. Каждый раз, бывая в зоопарке, она приходила посмотреть на пантеру. В любую погоду, в любое время года или дня пантера мерила шагами клетку практически непрерывно, останавливаясь только в часы кормежки.

Но она не была пантерой и не была в заточении, так что ритм был неподходящий. Она перешла на обычный прогулочный шаг. Хотела утомиться, устать настолько, чтобы просто с ног валиться по возвращении домой. Это было бы облегчением после всего... этого. Не было другого слова для описания. Это. Все, что ей нужно, – это дойти до изнеможения.

Но она не могла, никак не уставала. По крайней мере, пока.

После этого полувоспоминания-полусна из головы не шли бумаги в комнате тети Бриджит. Она не вспоминала о них ни разу за десять лет; полностью забыла об их существовании. Но теперь, когда она вышла из парка, все ее мысли были заняты ими.

Впрочем, это было лучше, чем думать о Темном художнике, которым то ли являлся, то ли не являлся мистер Перчаткин; о том, что он делал сейчас и следил ли он за ней тогда, неделю назад, вчера, сейчас.

Это было и лучше, чем думать о Симоне, которая, как решила Натали, просто очень изменилась после переезда. Прежняя Симона ни за что так не прицепилась бы к идее «дара», который нужно сохранять любой ценой, даже если это означало потерю памяти. Несомненно, это Le Chat Noir и его влияние, в том числе Луи, сыграли роль в Симониных увлечениях сверхъестественным.

Она пошла путем, пролегающим вдоль Сены. Периферийным зрением она заметила что-то на поверхности воды. «Еще одно тело?» Она резко повернула голову.

Купальщица. Просто девушка, которая решила освежиться, плыла на спине. Девушка подняла голову и заговорила с другом, сидевшим на берегу, который тоже прыгнул в воду, подняв брызги.

Натали хмыкнула. «Прощайте, видения. Я не буду скучать по паранойе».

Душевное спокойствие было к ней недружелюбно последнее время, но она надеялась с ним примириться уже очень скоро и навсегда.

Вздыхнув, она потянулась к сумке за своим флакончиком с землей из катакомб. Пальцы шарили внутри сумки, пока не наткнулись на стекло. Она схватила цилиндрик.

Он показался ей непривычным на ощупь: короче, толще, увесистее.

Она выдернула его из сумки, маленький сосуд с темно-красной жидкостью.

«Кровь».

Натали споткнулась и чуть не налетела на прохожего. Она шагнула к стене, прислоняясь к ней спиной, чтобы не упасть.

«Дыши».

Может, это и не кровь вовсе. Это просто поспешный вывод из-за того, что ей померещился труп в реке.

Она подняла сосуд к глазам, наклоняя его, чтобы оценить консистенцию. То, как жидкость медленно стекала по стенкам, некая ее густота – она была права. Она хотела ошибиться, потому что тогда это оказалось бы безобидным, или чьей-то шуткой, или ошибкой. И это значило бы, что она не стоит здесь, у Сены, с флаконом чьей-то крови в руках, в этой странной жизни, которая будто была не ее.

Затем она заметила что-то еще внутри сосуда: маленькое, непрозрачное.

Она отвинтила крышку и понюхала содержимое, морщась от узнаваемого металлического запаха. Внутри был кусочек бумаги, погруженный в кровь полностью, кроме маленького уголка.

Ветер прибил к ее ногам листву. Она взяла несколько листиков, уложив их на ладонь, и вытянула бумажку за чистый уголок. Кровь закапала на землю. Отвратительно. Она держала ее на вытянутой руке, подальше от себя, и положила поверх листьев.

На бумажке что-то было написано. Даже несмотря на кровь, чернила были хорошо видны. Всего одно слово.

«Вдохновение».

Она смяла листья в руке, сжимая кулак.

«Чья это кровь? Почему? Когда?» В omnibusе... Нет, она слишком опасалась карманников и в толпе всегда держала сумку близко.

В парке? Это могло произойти, пока она спала. Она попыталась представить мистера Перчаткина, подходящего к ней спящей,

насвистывающего, со своей крысой в кармане. Картинка не складывалась, она даже толком не знала, почему.

Или...

Нет.

Мысль была почти невыносимой, и ей захотелось превратиться в воду и просочиться сквозь сухую землю. Как кровь, которая в ее видениях текла обратно в раны.

Возможно, она встретила с Темным художником и не помнит этого.

Может, он даже подходил к ней, угрожал ей, что-то ей сделал. А она не может вспомнить. Может, ее дневной сон не был сном – сновидение, начавшееся как воспоминание, было новым видом провала в памяти, вызванным... Чем? Видом восковых фигур в сцене морга, ссорой с Симоной, чем-то еще? Что-то могло случиться. А может, и нет.

Она не была уверена.

– Это кровь?

Натали подняла взгляд, увидев молодую женщину в черном одеянии, белом головном уборе с оборками и черным покрывом. Она узнала одежду: такую носили сестры Доброй помощи, ухаживающие за больными.

– Это... да.

Монахиня посмотрела на бутылочку, которую Натали держала в одной руке, а потом на кулак, в который она сжала другую. Острый взгляд ее зеленых глаз перешел на лицо Натали.

– Это не моя. – Она помотала головой. – Я не знаю, чья. Кто-то... подложил мне это в сумку, наверное. – «Хотя это и пугает, но это лучше, чем если бы я встретила убийцу и забыла об этом». – Я только что ее нашла.

Правда была абсурдной. Она знала, как странно она выглядела и как неправдоподобно звучали ее слова. И все же не могла соврать монахине.

Та наклонилась ближе.

– Тебе нужна помощь? – прошептала монахиня. – Я могу побыть с тобой, пока семья не придет. У тебя есть семья?

Тон ее был полон сочувствия, на лице – забота. Но была и осторожность, такая, с которой мама говорила с тетей Бриджит, когда та вела себя странно.

– Спасибо, да, есть. Я как раз иду домой. Я... мне не нужно в больницу, – сказала Натали, поглядывая на сосуд с кровью.

– Ты уверена?

– Да.

Монахиня, глядя на нее со смесью сочувствия и жалости, тронула ее за

локоть. Она медленно закрыла глаза, а потом открыла снова.

– Хорошо, – поклонившись, та пошла прочь.

– Помолитесь за меня, сестра, – крикнула ей в спину Натали.

Монахиня обернулась с легкой улыбкой:

– Я уже молюсь.

Натали болтала ногами над Сеной. Сидеть на цементе было неудобно, и ей было очень тревожно останавливаться на одном месте надолго, но нужно было поразмыслить.

Она ненавидела свою жизнь. Хотела бы, чтобы тогда, в первый раз, она не прикоснулась к стеклу, а разбила его. Если бы она могла путешествовать во времени, то так и сделала бы.

Видения разрушили все привычное и хорошее. Ощущение реальности и воображение сплелись наихудшим образом из всех возможных. Ее отношения с мамой. Ее дружба с Симоной. Ее честность в письмах к Агнес. Ее спокойный сон. Еда. Память.

А Темному художнику что было за дело? Он никак не мог знать о ее способности. Кого, по его мнению, он мучил: девочку – посетительницу морга или анонимного журналиста, автора репортажей из морга? Не мог же он знать, что это все она.

Или мог?

Он мог следить за каждым ее шагом с момента первого видения или играть в игру, как с полицией и *Le Petit Journal*, куда посылал свои дурацкие письма. Мог уже знать все о ней или ничего не знать. После сна и своей ненадежной памяти она не могла себе доверять.

И что теперь?

Вдохновение. Очевидно, что она не понимала, что это значит. В этом все дело, без сомнения. Запутать ее и заставить размышлять, что какой-то там убийца-психопат имел в виду в своих двусмысленных посланиях. Но она больше не собиралась это делать.

«Почему я? Почему все это, почему мне?»

В крови не было никакого смысла, кроме как помучить ее. Если она принесет ее в полицию, то ей не поверят, скажи она, будто ее подложили незаметно или она появилась после встречи, которую она забыла. Даже если полиция каким-то образом примет ее всерьез, они неспособны ничего сделать или сказать, чья это кровь: жертвы Темного художника или крысы из канализации.

Натали вылила кровь в реку и туда же выбросила бутылочку, затем крышечку, а потом и смятые листья, в которых была пропитанная кровью

бумажка. Она смотрела, как кровь рассеивается в воде, а сосуд наполняется водой, и вот река все поглотила полностью. Листья и бумажка успели отплыть на метр, прежде чем начать тонуть. Она опустила руку в реку, позволяя течению бежать сквозь пальцы. Затем встала, вытерла руки о платье и пошла домой так быстро, как только могла.

Глава 18

Единственным утешением Натали в этот день, помимо уюта от улегшегося в ее ногах Стэнли, было письмо от Агнес.

Дорогая Ната,

вот это да! Я все перечитываю эти газетные вырезки. Пожалуйста, присылай еще. Я хотела бы узнать все о Темном художнике и этих убийствах. Какое интересное время в Париже. Осмелюсь сказать, что мое любопытство перевесило бы брезгливость и я, наверное, с тобой вместе ходила бы смотреть в морг.

У тебя есть догадки? Ты слышала что-нибудь в редакции, что не опубликовали? Как считаешь, каким образом он выбирает жертву? Наверное, тебе страшно одной ходить по улицам? Будь осторожна, подруга.

Мы на днях ходили в яблоневый сад. Хоть яблоки еще и не созрели, гулять по рядам довольно крепких деревьев просто великолепно. Они все выстроились в линию, как толстенные костяшки домино. Пышные и ароматные. Правда, пчелам они тоже очень нравятся, и Роже покусали. Я, наверное, ужасная сестра, но сказала ему перестать плакать и что он это все равно заслужил. За пару минут до этого мама велела ему прекратить так носиться. И, конечно, он не послушал, опрокинул мою корзину, почти полную, и даже не помог собрать рассыпанные яблоки. Я одно бросила в него и промахнулась. И рада, что пчела оказалась более меткой.

Я думала о том, как описать тебе запах океана, и все еще не уверена, что могу дать точное определение. Соль и вода, как ты сказала, и жизнь. А также смерть и разложение – как в случае водорослей, – но даже этот запах приятен. Если движение, сила и красота имеют запах, то это запах океана. Полагаю, это не очень полезно, да? Надеюсь, в следующем году сама поймешь, когда приедешь в своем викинговом шлеме.

Bisous,

Агнес

Она не решила, как ответит по поводу Темного художника, и вообще не хотела об этом сейчас думать. А пока просто была благодарна за дружбу с Агнес и с нетерпением ждала ее возвращения домой.

Побеги сожаления стали подкрадываться к ней ночью.

Натали сначала их не замечала. Лежала, гордая тем, что вырвала контроль у своей способности, у Темного художника, у вредного влияния Симоны. Они все были здесь, в тени, но она была слишком непримиримо настроена, чтобы заметить.

Затем они потянулись к ней через сны о Симоне – приятные, счастливые воспоминания о приятных, счастливых днях. Такие сны, что обманывали ее, и после пробуждения ей казалось, что между ними все хорошо и что она может вскочить с постели и побежать рассказывать ей о сосуде с кровью. Будто так все еще можно было сделать.

Эти побеги подобрались еще ближе следующим утром, когда она прочитала о Мирабель.

«Анонимная записка, присланная вчера в морг, сообщила имя жертвы – Мирабель. Это было подтверждено позже кухней жертвы, опознавшей ее как Мирабель Грегуар, которая за несколько дней до этого поссорилась с мужем и вышла из дома в Плезире, что почти в 30 км от Парижа».

Лицо Натали так разгорелось, что зачесалось. Симона. Кто еще мог отправить месье Ганьону имя?

Это не Симонино видение. Она не имела права никому рассказывать.

«Для нее это волнующе. Развлечение. Сенсация».

Натали никому не могла доверять. Тетя Бриджит, хоть и безумна, оказалась в этом права.

Затем нахлынула первая волна сомнений. Если она не могла довериться Симоне и надеяться даже на ее понимание, то не могла довериться никому, особенно без доказательств. Избавиться от крови и записки было облегчением, но кто ей теперь поверит, что флакончик с кровью вообще существовал? Она не планировала никому о нем рассказывать, на это не было причин... По крайней мере, сейчас. Может, когда-то причина появится. И что тогда? Скажут, что у нее истерия, или какую-нибудь другую чушь. Так что она снова осталась ни с чем.

Она отсекала этот побег. Что сделано, то сделано. Это уже не имеет значения.

«Или имеет?»

Если Темный художник упоминал «вдохновение» или кровь в одном из своих издевательских писем в полицию, то, может, и имеет.

«Нет. Постоянные размышления – одна из причин, почему я положила конец этому безумию. Я устала зацикливаться на ответах».

И не потому ли месье Перчаткин стал ее навязчивой идеей? Не то чтобы он безупречно вписывался в ее представление о том, кто убийца, как убийца может выглядеть и действовать. Эксцентричный мужчина привлек к себе внимание и сам того не понял, боже ты мой. Но она хотела получить ответ, причем любой. Потому что любой ответ лучше того, что у них было сейчас, то есть никаких подозреваемых, никаких теорий и вообще ничего, кроме растерзанных девушек на плитах в морге. Может, месье Перчаткин и был убийцей, но впервые она допустила, что, может, и не был.

Так что этот побег она обрезала тоже.

Новые сожаления отрастали быстрее, чем Натали успевала их пресекать. Уйдет еще два дня на то, чтобы они оплели ее сердце полностью, лоза сомнений переплелась с другими чувствами: злостью и стыдом, неуверенностью и страхом, облегчением, желанием забыть.

Может, эти провалы в памяти были не так плохи и ей их нужно побольше, чтобы забыть все это?

Она слышала о способе забыть что-либо раз и навсегда. Каждый день она видела эту рекламу в *Le Petit Journal*.

Гипноз.

Только вчера она читала в газете о том, что испытала одна женщина под гипнозом. Однажды она проснулась уверенной в том, что съездила в Лондон, хотя никогда там не бывала. И вот, подумать только, газета сообщает, что ее родители ездили туда, когда ей было три года. Воспоминания были в ее голове, просто глубоко. Гипнотизер во всем разобрался.

Если гипноз способен вскрыть воспоминание, то вдруг сможет и спрятать обратно?

Идея избавиться навсегда от этого благословенного проклятья или проклятого благословения внезапно позвала ее как Сирена. В неизвестности была надежда, и попробовать стоило.

Через час после этого решения Натали уже шла по узкому переулку на левом берегу Сены, ища взглядом надпись «Этьен Лебо, гипнотизер и

френолог».

Френология. Это, должно быть, самая абсурдная идея на свете. Верить, что можно «прочесть» характер человека по форме его или ее черепа, просто смехотворно.

Из-за смехотворности это не пугало. Это просто была чушь.

И гипноз – это совсем не чушь. Как раз наоборот, по мнению Натали. И, даже если она испытывала тревогу, гипноз как раз может прекратить эти страдания.

У нее не было точного адреса – в объявлении только была указана улица Ксавье Прива, и все. Извивающаяся булыжная дорога ухмылялась ей мелькающими тенями и неожиданными поворотами, закрывая от взора все, кроме следующей пары шагов. Она прошла мимо винной лавки, зубного кабинета (она никогда не была у зубного и надеялась, что никогда не придется), сыромятни, шляпной мастерской. Если бы она не приблизилась вплотную к стене, чтобы обойти толстенную серо-белую маму-кошку, кормившую котят, то могла бы и не заметить маленькой желтой, потертой таблички, размером не больше книжной обложки. Знак на месте Лебо содержал рисунок пальца, указывающего на темную лестницу вверх, а лестница выглядела так, будто на нее нога человека не ступала долгие годы.

Натали сунула руку в сумку за флаконом с землей из катакомб и положила его в карман платья. С глубоким выдохом она поставила ногу на первую ступеньку.

– Все будет хорошо.

Она повернулась через плечо на голос и увидела рыжеволосого молодого человека с понимающей усмешкой. Луи.

– Месье Карр, – произнесла она, оглядываясь, нет ли рядом Симоны. Слава богу, нет. – Занятно, что мы именно тут встретились.

– О, – начал он, взмахнув рукой, – я за вами следил.

– Что?

– Не в том смысле. – Луи пригладил накрахмаленный воротничок своей белой рубашки. – Я работаю в The Quill, книжном магазине, он вон там. Я увидел, как вы проходили мимо, и позвал вас, но вы, наверное, не услышали... – Его слова усилили ее тревожность.

Натали помнила, как проходила мимо книжного магазина. Она не слышала, чтобы кто-то ее звал: ну конечно, ведь она была поглощена своим делом. Район здесь шумный, лавочники зазывают покупателей, женщины перекрикиваются с соседками через улицу из одного окна на третьем этаже в другое.

– Я вас не слышала.

– Улица тут шумная. Я... я надеялся, что мы сможем поговорить минутку. Симона рассказала мне, что вы с ней...

– Прошу вас, месье Карр...

– Просто Луи.

– Луи, прошу вас. Я не хочу обсуждать Симону. И если позволите, у меня... у меня есть дело, – сказала она, взглядом показывая на лестницу.

Его улыбка из понимающей стала насмешливой. Симона же не рассказала ему о видениях?

– Я к нему как-то раз ходил. – Луи сказал своим заговорщицким тоном. – Находишься в состоянии между сном и явью. Старик курит опиум, но безвреден.

Опиум? Натали посмотрела на лестницу и убрала ногу с первой ступеньки. Может, не такая это и хорошая идея. Она слышала истории о курильщиках опиума, но мало что знала об этом, кроме того, что папа рассказывал после плавания в Китай: люди там собираются в комнатах, лежат на подушках, курят до тех пор, пока не начинают говорить о вещах вроде смеющихся цветов и плачущих домов.

Как курильщик опиума может достаточно сконцентрироваться, чтобы заниматься гипнозом?

– Извините, что напугал вас, Натали. Симона очень расстроена из-за ссоры, и... Может, вы с ней как-нибудь все-таки поговорите? Вот что я хотел сказать. Удачи с гипнозом. – Луи кивнул на прощание и ушел обратно той же дорогой. Натали смотрела, как его рыжая голова удаляется в толпе, за первым поворотом исчезая из вида.

Крыса выбежала из-под лестницы, пугая ее. Она заметила маму-кошку и метнулась за мешки.

«Иди уже. Если он может помочь тебе забыть, что у тебя когда-либо в морге были видения, то это дело стоящее, независимо от того, что он там курит».

Глава 19

– Гипноз или френология? – из-за двери прозвучал высокий мужской голос. Прежде чем Натали успела ответить, дверь открылась, и ей улыбнулся стройный седовласый мужчина с румяными щеками, в очках и потертом коричневом костюме.

– Э-э-э, гипноз, – ответила она, поглядывая назад, на лестницу.

– Отлично! – Он пригласил ее войти. – У меня уже было три френологических приема этим утром, и я готов к хорошему сеансу гипноза. Этьен Лебо, кстати, как вам уже известно с вывески.

Натали тоже представилась и вошла в просторную комнату, уставленную стопками книг. Они напоминали покосившиеся дымовые трубы, закрывающие все, кроме окон. Она глянула на названия книги наверху ближайшей к ней стопки – «Нейропнология». Такое слово вообще есть? «Суггестивная терапия: трактат о природе и применении гипноза». Скукота. «Зачарованная наука или наука зачаровывания?» Звучит загадочно. «Происхождение видов». По крайней мере, об этой она слыхала.

– Прошу вас, проходите, присаживайтесь, – сказал месье Лебо, указывая рукой на обитый золотистым шелком диван. – Вы когда-либо подвергались гипнозу?

Натали покачала головой.

– Прекрасно! – сказал он, хлопая в ладоши. Затем описал процесс: что он приведет ее в расслабленное состояние ума, будет управлять с помощью звука своего голоса и что она не может и не станет делать ничего противоречащего ее собственной воле.

Седовласая женщина с глазами навывкате и десятками ниток бус вышла из задней комнаты.

– Я мадам Женевьев Лебо, – сказала она, разглаживая свое платье в цветочек, затем сердечно взяла ее за руку и прошептала: – Мир вам.

На этих словах она лучезарно улыбнулась и, шаркая, подошла к бордовым занавесям и закрыла их. Полумрак накрыл комнату будто туманным одеялом. Солнечный свет пробивался по краям занавесей, создавая тени там, где раньше их не было. Мадам Лебо проскользнула в одну из щелок и ушла в заднюю комнату.

Месье Лебо сел напротив нее на деревянный стул и, положив руки на колени, наклонился ближе.

– Теперь самый важный вопрос. Чего вы хотите получить от

сегодняшнего сеанса?

– Я хочу забыть некоторые события, которые случились со мной, – на пути сюда она обдумала разные варианты ответа на этот вопрос. Такая формулировка была самой сдержанной и в то же время правдивой.

– Могу ли я спросить, какого рода события?

Она повернула голову вбок, будто он на нее чихнул. Это тоже было намеренно.

– Насилие, преступление. Пожалуйста, поймите, мне тяжело это обсуждать.

– О, – сказал он, понизив голос, – я не буду выведывать. Должен вас, впрочем, предупредить, что забыть событие – не значит перестать его бояться.

Натали нахмурилась:

– Почему?

– Допустим, вы боитесь змей, потому что вас в детстве укусила змея. Я мог бы вам помочь забыть произошедшее, но вы все еще будете бояться змей, не понимая при этом, почему.

– Это еще хуже.

Месье Лебо понимающе закивал.

– Вероятно, вы можете использовать этот сеанс, чтобы примириться с этими событиями.

– Сомневаюсь, – произнесла Натали, но потом передумала. Она зашла так далеко, и не повредит проверить, возможно ли это. – Давайте тогда это попробуем.

– Хорошо, – сказал месье Лебо. – Примите во внимание, что во время гипноза вы можете рассказать то, что не рассказали бы, будучи в ясном сознании.

– Поняла. Начнем?

– Минутку. – Месье Лебо встал, исчез в той комнате, где скрылась его жена, и вернулся с длинной трубкой и накрытой чашей. – Опиум. Я предпочитаю очищать свое сознание перед каждым сеансом.

Этим его жена занималась в той комнате?

– Разве это не затуманивает сознание?

– Только если переборщить, а этого я не допускаю во время работы. Определенное количество позволяет открыть сознание, будто бабочка вылетает из кокона. Так я готовлюсь, чтобы освободить *ваше* сознание, открыть его больше своего. Желаете опиума?

Натали энергично помотала головой.

– Что ж... – Месье Лебо побарабанил по стенкам чаши, изучая ее. –

Вы готовы, мадемуазель Боден?

– Нет. Я... я не могу.

– Почему?

– Потому что... – Ее язык споткнулся о многочисленные оправдания и соскочил на правду. – Потому что мне страшно.

– Закройте глаза, – сказал месье Лебо бесстрастно, выдыхая дым. – И мы поработаем над тем, чтобы помочь вам обрести покой. Да?

Была в нем некая успокаивающая мягкость, а в голосе его – нежность, которые делали его похожим на доброго дедушку. Он напоминал ей симпатичного библиотекаря, уже давно умершего, который много лет назад им с папой рекомендовал книги.

– Да, – сказала она, откидываясь на спинку дивана и закрывая глаза, – я готова.

Через секунду звуки перестали доноситься до нее, будто выставленные вдоль стен книги заглушили шум Парижа, и Натали наконец смогла погрузиться в себя.

– Ты паришь на облаке, без забот, в удобстве и безопасности, – начал месье Лебо. Голос его, мелодичный и спокойный, растворял тишину. – Звук моего голоса поведет тебя, покажет тебе, куда может пойти твой ум. Расслабься на этом облаке. Ощути себя – ты легче воздуха. Твои ступни, ноги, спина, плечи, шея, голова – все в мирном, защищающем тебя облаке. Тебе хорошо.

Дыхание Натали успокоилось и стало ровным, глубоким. Облачко было мягче любой подушки, к которой она когда-либо прикасалась, а небо вокруг – такого прекрасного голубого цвета, которого она не встречала ни в природе, ни в искусстве.

– Я дотронусь до твоего плеча. Когда ощутишь это прикосновение, наше путешествие начнется на покрытой травой поляне.

Рука коснулась ее плеча и снова исчезла.

Она стояла на яркой траве, зелень уходила вдаль, насколько хватало взгляда.

– Позади тебя дом. Зайди в него. Ты увидишь человека, близкого тебе, того, кто помогает тебе. Этот человек обнимет тебя.

Она повернулась и увидела маленький домик с черными ставнями и красной дверью. А войдя, сразу заметила Симону, которая расцеловала ее в обе щеки.

Голос, этот голос, которого она почему-то хотела слушаться, не понимая причины, смягчился:

– Кто здесь?

– Симона. – Натали услышала собственный голос. Каким-то образом услышала, хотя не чувствовала, как говорила.

– Симона здесь для того, чтобы помочь тебе разложить все по коробкам. Большая коробка стоит в центре комнаты, и рядом с ней – камни. Ты откроешь коробку и станешь наполнять ее камнями. Камни – это твои воспоминания, те, которые ты хочешь забыть. Если камень попадетя слишком тяжелый, Симона тебе поможет.

Натали подошла к центру комнаты и села на колени. Она взяла маленький камешек и положила в коробку. Воспоминание о том, как она стояла в очереди в морг.

Затем еще один и еще. Вход в морг, приближение к витрине.

Камешек в коробку – ребенок, который плакал, стоя позади нее в морге.

Камешек потяжелее – девушка на плите в морге, растерзанная ножевыми порезами. Как ее звали?

Еще один камень, тяжелее предыдущего, – ребенок кричит в ужасе.

Следующий камень, на этот раз зазубренный, – прикосновение к стеклу.

Еще камень, очень тяжелый. Симона протянула руку, чтобы помочь. Одett на плите кричит, окровавленная, под ударами ножа.

Она уронила камень и закричала. Симона наклонилась ближе и превратилась в тетю Бриджит со словом «ОЗАРЕНИЕ», выжженным на лбу. Натали поднялась на ноги, и трава превратилась в песок, а она стояла по колено в море. Волна ударила ей в ноги и потянула за собой, в открытую воду, прочь от пляжа, в темную пенистую пучину. Она кричала, пока не ушла с головой под воду, и вдруг поняла, что месье и мадам Лебо держат ее за руки в комнате, полной книг, и говорят ей успокаивающим тоном, что она в безопасности.

Горло саднило. Она поднялась на ноги снова, как только что в гипнотическом... Сне? Видении? Где это было? Непохоже на сон, непохоже и на видения из морга. Еще одно место, куда могло путешествовать ее сознание.

Ее сознание споткнулось о темный лабиринт реальности.

– Как долго я была под гипнозом?

– Не больше десяти минут, – сказал месье Лебо.

Нет, это было несколько часов. Так говорило ее тело. Она подошла к окну. Тени не сдвинулись. Он был прав.

– Думаю, вы не были полностью под гипнозом, – продолжил он. –

Близко, но не совсем там. Где-то посередине, кажется. Вы будете помнить то, что случилось, скорее, как сон.

Ноги ее подкашивались от усталости. Ей казалось, будто она последнюю пару часов убегала от кого-то.

– Прошу вас, присядьте, мадемуазель, – сказал месье Лебо, ведя ее к дивану. – Мне так жаль, что это произошло.

Мадам Лебо, от которой пахло розами и чем-то медицинским, положила морщинистую руку ей на щеку. Прикосновение напомнило ей о тете Бриджит.

– Я принесу вам попить, – сказала она, исчезая в загадочной задней комнате.

Натали попыталась сглотнуть першение в горле.

– Чувствую, будто была в кошмаре, только еще хуже. Это часто случается? Кто-то попадает туда, «посередине», как вы сказали, и выходит оттуда в ужасе?

Месье Лебо покачал головой:

– Боюсь, что нет. Только однажды было в особых... обстоятельствах. А вы?..

Вопрос не сошел с его губ.

– Я что?

Он поднял сосуд с опиумом и трубку, положил их на стол в углу и посмотрел на нее. Затем расплылся в улыбке – примерно такой же, с какой встретил ее на входе.

– Вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы идти? То есть вам нужно помочь добраться до дома?

Глаза и поза выдавали его.

«Вы не это собирались спросить».

– Я что? – повторила Натали, будто он ничего не отвечал, потому что, по правде говоря, он и не ответил.

Мадам Лебо вернулась с маленьким серебряным подносом, на нем стояли чайник и чашка. Она поставила поднос на столик рядом с диваном.

– Это вам поможет.

– Месье, что вы собирались у меня спросить? – Натали попробовала снова.

– Ничего, – жизнерадостно ответил он, скрестив руки. – Прошу прощения, это неправда. Я хотел спросить, сколько вам лет. Невежливый вопрос, знаю.

– Шестнадцать.

– О! – Его глаза засияли. Он удивился? Она выглядела на свой возраст,

и ей никогда не давали больше семнадцати-восемнадцати. – Хорошо быть молодым. Да, Женевьев?

Мадам Лебо улыбнулась:

– Конечно.

Но что-то в его тоне, в том, как озарилось его лицо, подсказывало Натали, что и это не было тем вопросом, который он сначала хотел задать.

Он не поддавался. Что бы он ни собирался спросить, оно кануло в никуда.

«Почему?»

Мадам Лебо налила чай и передала ей чашку в бело-голубую полоску с надписью каким-то экзотическим шрифтом.

Натали подняла ее к губам, вдохнула пряный земляной, цветочный запах и немедленно опустила обратно.

– Что здесь? Это не чай.

Пожилые Лебо переглянулись, и только потом мадам Лебо ответила:

– Это похоже на чай, и оно поможет вам прийти в себя.

– Это опиум?

– Нет, – сказала женщина, – но там есть маковые зерна и другие травы.

Натали ощутила тревогу. На секунду она поддалась искушению, сильному искушению, и чуть не выпила чай залпом, но не стала – не смогла.

– Я лучше пойду, – сказала она, поднимаясь с дивана на ноги, которые внезапно обрели былую силу. – Спасибо, что попытались мне помочь. Сколько франков?

Месье Лебо взмахнул рукой.

– Я не возьму с вас денег, мадемуазель. Примите мои извинения за то, что ваше переживание было таким неприятным. Я могу только заключить, что... то, о чем вы хотели забыть, не может быть забыто.

Натали выпрямилась, впервые обратив внимание на то, какими невысокими и ссохшимися были оба этих странных человека. И все же они казались ей симпатично странными. В них чувствовалась свобода, решила она. Что-то вроде того, к чему стремилась Симона, только вкупе с опытом и уверенностью, которые приносит возраст.

Она взяла сумку и торопливо попрощалась, и последние слова месье Лебо преследовали ее всю дорогу домой.

– Помните, кто вы такая, – сказал он, – и тогда поймете, почему не можете забыть.

Глава 20

Сеанс гипноза, или что это там было, если учесть, что она ему полностью не подверглась, оказал на Натали неожиданное влияние: ее концентрация обострилась.

Оставшуюся часть дня ее мысли постоянно возвращались к одному и тому же. Не к видениям, не к Темному художнику, не к письмам, не к сосудам с кровью и даже не к Симоне с ее необычным, но занятым дружкойм.

Тетя Бриджит.

Натали решила после того воспоминания, превратившегося в сон в парке, поискать бумаги тетушки. Найдя сосуд с кровью, она отвлеклась на другое; кроме того, у нее не было возможности обыскать квартиру за последние пару дней. Но явление тетушки в ее гипнотическом забытьи привлекло ее полное внимание к этим бумагам.

Почему это было так важно?

Они были просто бессвязными записками женщины, едва балансирующей на грани безумия.

И все же.

Папа озаботился тем, чтобы их сохранить, даже защитить. И из всех образов, связанных с тетей Бриджит, к ней под гипнозом просочилось именно это слово.

«ОЗАРЕНИЕ».

Натали подумала о том последнем дне у мадам Плурфф. Несколько обрывков вспомнилось сейчас, как осколки стекла, собирающиеся обратно в целое окно: прозрачное, искаженное, но позволяющее видеть сквозь него.

Конечно, тетя Бриджит не пыталась ее придушить, это была добавка из сна. Они с мамой без происшествий вышли из комнаты тети Бриджит. Потом мама привела ее к мадам Плурфф, которая угостила ее теплым молоком и печеньем с малиновым вареньем в серединке. Следующее, что Натали помнила, – то, как они ехали домой на извозчике. Папа прижимал к груди стопку бумаг так же, как она иногда прижимала к себе плюшевого зайца Сильвана. Придя домой, папа сразу понес эти бумаги в спальню и больше никогда о них не упоминал.

Сохранил ли он их?

Если да, то они должны быть в родительской спальне. Ей нужно поискать там.

Да, можно было дождаться, пока мама пойдет по делам или навестить подруг. Но такой возможности не было уже несколько дней, а ей нужно было знать как можно скорее.

Любопытство победило терпение, как часто бывает.

После ужина Натали сидела в папином кресле и читала антологию По. Мама устроилась на диване, работая над покрывалом для семьи Картье, жившей через дорогу: у них ожидалось прибавление этой осенью. Примерно около половины десятого мама сказала, что ей нужно «дать глазам отдых», отложила вязальные спицы и вскоре заснула.

И вот мамино дыхание стало глубоким и ровным; она даже начала слегка похрапывать.

Отлично: она проспит какое-то время.

Натали положила книгу на боковой столик и встала так тихо, как только могла. Она осторожно направилась в сторону маминой комнаты. Тень обняла ее, как только она проскользнула в дверь, а любопытный Стэнли шел за ней.

В темноте она нащупала лампу на мамином прикроватном столике. Дзынь! Задела рукой основание лампы. Она отдернула руку, прислушиваясь, пока не услышала, что мама все так же спит в гостиной.

Натали зажгла лампу и прикрутила до совсем небольшого огонька и понесла ее... Куда? Она помедлила, оглядывая родительскую спальню, будто видела ее впервые. Она не смотрела по углам этой комнаты уже много лет, с тех самых пор, как ее в возрасте 6 лет поймали за поиском рождественских подарков. (В то Рождество ее навестили и Пер-Ноэль^[12], который дарит подарки послушным детям, и Пер-Фуэттар^[13], который шлепает непослушных. Больше она никогда не искала подарки.)

Она начала с чулана, набитого сумками и коробками, приставленными к задней стенке. На их проверку ушло больше времени, чем предполагалось, из-за тусклого света и необходимости делать все тихо. Она не нашла ничего, кроме пары своей детской обуви. Пришлось упрашивать Стэнли, и он наконец выпрыгнул из чулана. Натали закрыла дверь и прислушалась: мама все еще спала – и тогда она принялась за ящики.

Их было шесть. В первых двух ничего спрятанного не оказалось. Третий тонко заскрипел, как мыш. Пальцы Натали пошарили внутри и натолкнулись на что-то продолговатое, плоское и с петлями с одной стороны. Ящичек.

Идеального размера для документов.

Она поставила лампу на комод и подвинула ее к краю, чтобы хватило света увидеть, что внутри. Бумаги, бумаги: ее свидетельство о рождении, документы о браке родителей и папиной работе на флоте, и какие-то документы, связанные с деньгами и квартирой. Она падала духом по мере того, как стопка становилась тоньше.

В следующих трех ящиках не нашлось ничего похожего на документы. Шкатулочка с монетами из папиных плаваний в дальние страны устроилась в последнем. Натали всегда завораживали эти монеты, потому что каждая рассказывала свою историю о путешествии папы в места вроде Америки (она мечтала когда-нибудь побывать в Бостоне, и Кохинхине^[14], и во французском Алжире).

Внезапно на нее нахлынули эмоции, мягко, но неизбежно. «Скучаю по папе»: его грохочущему голосу, смеху от души, даже по его взгляду в минуты глубокой задумчивости. Он много повидал – это было высечено на его лице, будто меланхоличная мелодия – и иногда что-нибудь из этого рассказывал, но Натали знала, что кое-что осталось невысказанным.

Она сняла крышку и взяла наугад монетку. Было неважно что, просто то, что позволило бы ей почувствовать связь с папой прямо сейчас. Она положила ее в карман, похлопав по нему дважды, чтобы убедиться, что ей там надежно. Пора возобновлять поиски.

Согнувшись на полу, она заглянула под кровать. Там было две коробки, но она знала, что в одной лежит зимняя одежда, а во второй – рождественские украшения. Заглянув под крышки, она в этом убедилась. Стэнли залез в одну из коробок, и она легонько его подтолкнула, чтобы он выбрался. Она остановилась, прислушиваясь к маминому глубокому дыханию, прежде чем продолжить.

Осталось заглянуть в два места.

Натали посмотрела на очертания гардероба, боясь его скрипучих дверей и ящиков, и направилась к нему. Она наклонилась ближе, чтобы смягчить первый звук от отодвинутой задвижки на дверцах, морщась, когда звук оказался громче, чем она думала. Она снова прислушалась к маминому дыханию: все еще глубокое.

Подняв лампу на уровень глаз, она заглянула вглубь верхней полки. Постельное белье – с одной стороны, связанное бабушкой покрывало – с другой, между ними – ничего.

Натали потянулась к первому ящику и выдвинула его; дерево застонало, как усталый старик, который хотел, чтобы его оставили в покое. Она помедлила.

Все было спокойно, настолько спокойно, насколько бывает в боковой улочке жилого района Парижа. Маминого дыхания теперь не было слышно, но она и не ворочалась.

Натали пробежалась пальцами по свитерам, ничего не нашла, задвинула их обратно.

Этот поиск вышел гораздо менее интересным и плодотворным, чем она ожидала. Может, в них и была проблема – в ожиданиях. Просто желать найти ответ на старый и, возможно, неважный вопрос, чтобы утолить собственное любопытство о тетушке, еще не означало, что мир повинуется.

Она перешла к последнему месту, где стоило поискать: к письменному столу. Чернильница и небольшая стопка книг с пресс-папье наверху. Стэнли вскочил на стол, вертясь вокруг книг, чтобы понюхать чернильницу.

Улов из первого ящика – линейка, какие-то гвозди и молоток. Второй ящик был скрипучим, и открыть его заняло вечность. Он был набит обрезками бумаги и сложенной странички из *Le Petit Journal*. Как только Натали взяла его в руки, Стэнли спрыгнул на пол, сбив пару книг.

Диван скрипнул на деревянном полу, едва слышно.

Она положила книги на место в стопке, прогоняя Стэнли, но он все не уходил.

Мама раскашлялась в соседней комнате.

Натали затушила лампу. Мама была спиной к спальне, но если встанет, то увидит свет.

Пол явно скрипнул, так, как при движении веса человека с половицы на половицу.

«О нет, нет, нет...»

Скрипучий ящик все еще был открыт. Натали засунула газетный лист под передник и прижалась к ящику.

– Что ты делаешь?

Она повернулась. Мама держала лампу, света которой как раз хватало, чтобы осветить ее нахмуренное лицо.

– Ничего, – сказала Натали, надеясь, что голос ее не выдаст. – Стэнли сюда пошел, и я – за ним.

– Ты уверена, что не наоборот?

– Я собираюсь спать и хотела его взять с собой, только и всего.

Мама поставила лампу на прикроватный столик и скрестила руки.

– Он был в том ящике, который ты только что закрыла?

Натали видела, как Стэнли не спеша покинул комнату.

– Он столкнул книжки со стола. Ящик был приоткрыт, и я его задвинула.

Ложь разбухала, как комок теста, давя на ее внутренности.

– Утром поговорим. Bonne nuit^[15], Натали, – сказала мама, ее обычно теплый тон заменил лед.

Она робко пробормотала «спокойной ночи» в ответ и пошла в свою спальню. Вытянула газетный лист – только один, страницы 9 и 10, датированные 27 апреля 1869 года, – и начала читать.

«Бракосочетания». Ее мама и папа поженились 24 апреля в этот год. Она прочитала перечисленные имена и нашла своих родителей в списке.

Она никогда не видела такой старой газеты, так что интересно было прочитать и остальное. Рядом с объявлениями о бракосочетаниях были секции рождений и некрологов. Реклама Café Maxime разместилась наверху страницы. На другой стороне было две статьи. Одна – о предстоящих парламентских выборах, такая скучная, что она перестала читать на четвертом предложении; другая была продолжением статьи со второй страницы, с заголовком «Эффект неизвестен»:

...отрицал, что эксперименты коррелировали с безумием. “Я принес в мир волшебство, – сказал доктор Энар, – не безумие”.

При этом доктор Энар не отрицает, что многие пациенты, которые успешно прошли процедуру переливания крови, позже наблюдали побочные эффекты. “Я не вправе обсуждать отдельные случаи, но происходили результаты лечения, которые оказались неожиданными”.

Хотя доктор Энар отказывается от дальнейших комментариев, уверенность семьи Трембле непоколебима. “Моя супруга – хорошая женщина, хорошая мать, – заявил месье Трембле, качая головой. – Я потерял ее, когда она сошла с ума, как и еще четыре семьи, в которых кто-то попал в психиатрическую лечебницу после этих экспериментов. Это наводит на мысль о том, что будет с моими детьми, если я следующий? – Трембле трясет головой. – Энар пообещал, что у нас “будет озарение”. Может, он считает, что озарение – это просто синоним разрушения?”.

Или, как мы можем наблюдать, печали.

Натали выронила газету. Она опустилась на пол с мягким шорохом.

«Озарение».

Такое сравнение – это уже чересчур: слишком зловеще, чтобы быть просто совпадением.

Она мало что знала об экспериментах доктора Энара, только то, что слышала от одноклассниц, которые заявляли, что их родственники были его пациентами. Энар нашел способ наделять людей будто бы магическими способностями: ясновидением, телепатией, сверхчеловеческой силой – путем переливания крови. Затем стали проявляться ужасные последствия: люди со временем теряли свои способности, одни погибали от переливаний, другие заболели. Публика его разлюбила, и, насколько Натали было известно, он был забыт десять лет назад. Мало кто сейчас вспоминал «этого мошенника Энара».

Натали никогда раньше не слышала о связи между его лечением и безумием.

Тетя Бриджит заявляла, что видит во сне события, которые потом происходят наяву. Была ли тетушка одной из его пациенток?

Натали села на кровать, как вдруг ее пронзила другая мысль. Видения, потеря памяти...

Она встряхнула головой; это не могло быть связано. Она не помнила, чтобы проходила через медицинскую процедуру.

Не... помнила... чтобы... проходила.

Глава 21

Натали крутила в голове вопросы к маме, выписывая и переписывая их перед сном в дневник. Затем она сделала то, что, как теперь она решила, нужно было сделать сразу.

Рассказать Агнес о видениях.

Она не могла быть настолько лицемерной, чтобы выпытывать у мамы секреты, в то время как у нее есть свои секреты.

Достав самую красивую бумагу, которую она приберегала для особых случаев, она написала письмо.

Дорогая Агнес,
друг мой, надеюсь, что ты простишь меня. Я и так слишком долго это от тебя скрывала и не могу больше.

Я знаю намного больше об этих убийствах, чем ты можешь себе представить, потому что со мной происходит нечто – во всех смыслах этого слова – невообразимое.

Натали сначала писала медленно, подбирая слова. Затем дала им выплескиваться на бумагу и рассказала ей обо всем: что она на самом деле имела в виду в своей первой открытке, как провал в памяти украл воспоминание Натали о написании второго письма, визит к гипнотизеру. Она спросила, слышала ли Агнес об экспериментах доктора Энара и если да, то что знала о них. Она писала страницу за страницей. Избавление от гнета тайны освободило ее.

Обещаю объяснить подробнее и ответить на любые вопросы, когда встретимся на обед в Le Canard Curieux на следующий день после твоего возвращения в час дня. Я помню, что мы договорились на это время и день перед твоим отъездом в Байе. Они все еще в силе?

Bisous,

Nata

P. S. Надеюсь, ты меня пока не разлюбила, а также что понимаешь, насколько важно мне было узнать, как ты проводишь

лето. Много-много раз я думала о том, что предпочла бы учиться печь пироги, или гулять по городу, или дразнить Роже вместе с тобой, или проводить день на пляже вместо все этого. Прости меня.

Закончив письмо, Натали была уже очень утомлена и почти сразу заснула. А проснулась с уверенностью и готовностью говорить с мамой. Может, наконец у нее будут ответы насчет тети Бриджит, о ней самой. Она мысленно подготовилась принять правду.

Вложила найденный вчера газетный листок в свой дневник и захватила его с собой на кухню, куда вошла с улыбкой. Мама заканчивала завтрак и не подняла на нее взгляда.

– Что ты вчера вечером делала в моей комнате?

Видимо, у мамы тоже были вопросы. Натали надеялась, что это будет один из тех случаев, когда мама забудет о своем «позже поговорим».

– Я тебе говорила. Я пошла туда за Стэнли.

– Не лги. – Мама посмотрела на нее: в глазах ее было разочарование.

Натали вспыхнула.

– Я кое-что искала, бумаги, которые папа как-то принес домой.

Мама подняла бровь, ожидая продолжения.

– То, что тебе Бриджит написала давным-давно, когда она была в доме мадам Плуфф, прямо перед тем, как... переехала.

Что бы мама ни ожидала услышать, но точно не это.

Натали спокойно заговорила:

– Кое-что меня заставило задуматься о том дне, и я вдруг вспомнила все подробности и не могла не поискать. Я боялась, что ты меня поймаешь, не знала, что делать, когда ты вошла, и почему-то испугалась и наврала. В ящике была газета, и я ее взяла. Та, где написано о вашем бракосочетании.

Она передала маме старую газету.

– Не надо было там шнырять, – сказала мама, нахмурившись. – К тому же можно было просто спросить меня об этих бумагах.

Мама была права. Можно было спросить и нужно было спросить ее о бумагах. Но эти видения, это любопытство все прокляли, заставили Натали громоздить одну ложь на другую. Это началось с уклонения от вопросов месье Ганьона с того самого судьбоносного дня с Одетт. Скрывать от мамы и скрывать еще больше от Агнес. Даже в ссоре с Симоной, которая знала почти все, ей пришлось удержаться и не рассказать ничего об угрозе Темного художника. И не было ли то, что она выбросила сосуд с кровью, также ложью, даже если только по отношению к себе самой?

– Мне жаль. – Натали поймала мамин взгляд и села за стол. – Так... что насчет бумаг тети Бриджит?

Мама слегка обернулась через плечо, будто смотрела в прошлое.

– Большую часть того, что она написала, было не разобрать. Папа настоял на том, чтобы все равно сохранить записи, и принес их домой. На следующий день они пропали.

Что-то в маминой речи: ритм, глухой тон, горечь проглоченной боли – подсказали Натали, что она коснулась неприятного воспоминания.

– Пропали?

– Он сказал, что сжег их.

Она прикусила губу изнутри.

– Я об этом даже не думала.

– Почему ты вообще думала о них? – Мама скрестила руки. – Все эти годы ты просто принимала как есть и тетю Бриджит, и место, где она живет. А теперь задаешь все эти вопросы.

– У меня есть еще один, – сказала Натали, стараясь, чтобы голос не дрожал: – Учитывая то, что я прочитала.

Она перевернула газетный листок и указала на статью об Энаре:

– Это.

Мамино лицо окаменело.

– Что такое?

– Думаю, тетя Бриджит была одной из его пациенток. – Наконец те слова, которые за ночь чуть не прожгли дыру в ее языке, вышли наружу. – Я права? Ей делали такое переливание крови? Поэтому она оказалась в психиатрической лечебнице?

Мама не отрывала глаз от газеты. Она медленно подняла голову, сцепила руки с непослушными пальцами и откинулась на спинку стула.

– Нет.

Натали уставилась на нее.

– Я тебе не верю.

– Мы не будем об этом говорить.

– Нет, будем! – Натали скрестила руки. – Почему это нет?

Мама сжала руки крепче, большие пальцы впились в кожу.

– Откуда это взялось? Этот допрос? Это поведение? Я не позволю тебе так со мной разговаривать. Я твоя мать, а не Симона.

Сердце кольнуло. Мама не знала о ее ссоре с Симоной, что было еще хуже.

– Значит, это мне полагается быть у Св. Матурина.

Мама всплеснула руками.

– Вот так странный вывод. О чем ты говоришь?

– «Озарение». Тетя Бриджит писала это слово в своих бумагах. И оно здесь, в статье, слова о «приходящем озарении» – Натали побарабанила пальцем по газете. – Тетушка заявляет, что у нее было озарение, что ей являлись в видениях будущие преступления, которые она пыталась предотвратить. Затем, полагаю, она сошла с ума в какой-то момент, как люди, о которых написано в статье. Я неправа?

Одним стремительным движением мама отодвинула стул и встала. Она зашла за стул и крепко схватилась за спинку, будто ей нужна была поддержка. Она посмотрела на свои шрамы и выдохнула.

– Нет, ты права. Все, что ты сказала, – так и было.

– Так? – Натали спросила голосом, где изумление смешалось с горечью.

– И что теперь? – спросила мама тихим, ровным голосом, который показался Натали пугающим. – Тебе известна правда, и ты знаешь о позоре нашей семьи. Твоя тетя сошла с ума, потому что пыталась получить магические способности. Все считают ее глупой из-за того, что она участвовала в этих экспериментах. Чего тебе еще? Это все.

– Как насчет...

Мама затрясла головой и закрыла глаза. Она помедлила, прежде чем снова их открыла.

– Я сказала: это все. Можешь расследовать сколько угодно, спрашивать что хочешь – я не буду отвечать.

– Почему? Разве рассказать правду – значит опозорить семью?

– Да как ты смеешь?! – сказала мама с болью и негодованием на лице. – Это мне решать, а не тебе. Тебе шестнадцать. Что ты знаешь о правде?

– По сей день почти ничего и не знала, – ответила Натали, уперев руки в боки.

– Хватит. Я не буду это больше обсуждать.

Последнее предложение бросило в огонь все, что Натали хотела узнать, должна была узнать. «Я тоже пациентка доктора Энара? Случалось ли со мной что-то в детстве, чего я не помню?»

Это могло вспомниться в ходе гипноза, если бы она ему поддалась. Не так ли?

«У меня тоже видения, мама. Как у тети Бриджит».

Теперь ей придется ждать лучшей возможности, когда она снова сможет заговорить с мамой. Ей необходимо было верить, что они смогут поговорить, что она сможет ей все рассказать когда-нибудь.

Мама пошла в свою спальню, откуда через несколько секунд вышла с сумкой для покупок.

Затем она закрыла дверь в спальню на замок.

Сердце Натали охватила печаль: мама не запирала дверь столько лет.

Молчание легло между ними, как пропасть, в которой было больше вопросов, чем ответов, и которую ни одна из них не хотела пересекать. Мама вздохнула с досадой и усталостью, а потом объявила, что уходит по делам. Натали попросила ее отправить письмо Агнес. Мамин взгляд надолго задержался на конверте, и Натали подумала, что она, наверное, думает: что же Натали там написала, какие семейные секреты разболтала?

Когда мама ушла, Натали выглянула из окна. Она видела, как мама прошла по улице и исчезла из виду. Стэнли ткнул носом в ее голень и стал виться у ног.

Она отошла от окна и ощутила, как в горле собирается комок. За ним последовали слезы. Их было так много, что она отправилась в свою спальню и стала плакать в подушку, рыдая, пока нос не заложило, а лицо не опухло.

Когда она выплакала все, что могла, а может, и больше того, то заснула. Проснулась с раскалывающейся головой и лежала, глядя Стэнли. Мама все еще не вернулась домой. Хорошо: мама подумает, что в ее отсутствие Натали ходила в морг и в редакцию.

Она призадумалась, чем сейчас могла заниматься Симона: была ли в клубе или, может, спала, потому что у нее «вампи́рские часы». Симона могла прямо в данный момент есть виноград, может, вместе с Луи, который наверняка рассказал ей, что Натали ходила к гипнотизеру. А возможно, Симона была с какой-нибудь девчонкой, с которой подружилась в клубе, на замену ей. Вскоре, когда Натали прошла по всем вариантам того, как Симона могла проводить день, она задремала снова.

Так и прошел остаток дня – в туманных переходах между сном и явью. Она вспомнит потом, как мама подходила и целовала ее в лоб сразу после заката.

Головная боль утихла к утру, и это было хорошо, учитывая, что это был первый день, когда Натали полагалось вернуться к работе репортером в морге после почти недельного перерыва.

Съев немного фруктов на завтрак, она облачилась в свою мальчишескую одежду и ушла. Но забыла завязать шнурки на одном ботинке и споткнулась, перелетев последние ступеньки лестницы. Итогом были потянутая лодыжка и сводящая с ума заноза (благодаря перилам) в

ладони. Сводящая с ума – потому, что она так и не смогла ее вытащить, хоть и вернулась домой за маминой иголкой и ковыряла ею, пока ехала в трамвае. И попробовала достать ее снова, стоя в очереди в морг.

Она ненавидела занозы, в отличие от кровавых мозолей, которые ей почти нравились. Они ее интриговали, потому что было довольно захватывающе, что можно проткнуть свою кожу иголкой и выпустить кровь, не почувствовав боли. Но занозы просто раздражали.

– Нет ничего хуже, да? – сказал кто-то хрипло. Высокая красивая женщина со смоляными волосами показала на руку Натали. – Мой кавалер постоянно сажает себе занозы.

– Я правша, и приходится доставать ее левой рукой. Ужасно неудобно. Женщина поправила волосы, которые лежали венцом на ее голове, и улыбнулась.

– Хотите, помогу вам?

– Нет, спасибо, – ответила она. Что-то в поведении этой женщины отталкивало: как будто знакомое и в то же время фальшивое.

Натали продолжала ковырять и наконец зацепила кончик занозы, уже пересекая порог морга. Закончив доставать упрямую щепку, она врезалась в мужчину, стоявшего впереди нее, из-за чего он выронил свою газету.

– Je suis désolée^[16], – сказала она, нагибаясь, чтобы собрать разлетевшиеся страницы. Неуклюже передавая их ему, она заметила иллюстрацию на верхней половине газетного листа.

Карта Таро с мужчиной и женщиной, над которыми парил купидон: влюбленные. Она узнала эту карту, потому что она выпадала, когда Симона впервые делала себе расклад. И Симона трещала об этом целый месяц, уверенная, что это благоприятный знак для них с Луи, которым на тот момент она только восхищалась издали.

«Темный художник прислал Таро», – гласил заголовок.

Натали поняла в это мгновение, что прошла между взглядами на заголовок и на витрину, что жертва номер четыре уже была там.

Так оно и было.

Бедняжка с оливковой кожей и темными волосами была порезана еще хуже других. Мирабель Грегуар с ее проломленным виском пока тоже оставили здесь. В видении Натали Мирабель толкнули и она упала на угол столика. У этой жертвы раны были на том же месте, где зияла рана Мирабель, а еще на горле и щеке, как и у других жертв.

Но они были глубже, сильнее, злее.

Желудок Натали сжался. Она потянулась в сумку, вынула сосуд с землей из катакомб и стиснула его с такой силой, что рука онемела.

Желание прикоснуться к стеклу, чтобы увидеть на несколько секунд случившееся, охватило ее.

«Ты пожалеешь об этом. Не делай этого. Помолись за девушку и пиши свою колонку. Это не твое дело».

Потребность прикоснуться становилась все сильнее, и Натали почувствовала, что дышит иначе.

«Может, я переборщила, или слишком рано сдалась, или совсем не как тетя Бриджит».

Каждый вдох был короче и меньше предыдущего.

Здесь было очень жарко, что странно, так как на улице жара была умеренной. Комната казалась набитой людьми под завязку, хотя их тут было не больше обычного.

В морге потемнело, будто черное облако надвинулось на здание и закрыло солнце, окунув все в тень, становившуюся все темнее и темнее...

Следующее, что помнила Натали, – это как она растянулась на холодном каменном полу, глядя в потолок. Трое, включая того мужчину, в которого она врезалась, и высокую женщину, заметившую занозу, стояли над ней. Женщина протянула руку.

– Вы упали в обморок. Как вы себя чувствуете?

Натали знала, что она наверняка залилась краской с головы до ног, потому что ей никогда, никогда еще не было так стыдно. Она приняла руку женщины и встала, очень осторожно, потому что хуже обморока мог быть только второй обморок сразу после первого.

– Мне полегчает, как только выйду на свежий воздух. Merci beaucoup^[17].

Натали опять посмотрела на стекло.

«Видения и так причинили достаточно вреда. Не надо».

Она сделала шаг и услышала, как что-то хрустнуло на полу.

Ее флакончик с землей из катакомб – разбит. Сухая земля разметалась по всему полу морга вперемешку с осколками стекла. Какая-то грязь для стороннего наблюдателя, но для нее – талисман и неожиданный источник успокоения. Сердце Натали упало.

– Мы это уберем, – прошептал смотритель. Несомненно, он считал, что сказал ей слова поддержки.

С щеками, которые запылали снова, она поспешила прочь. Длинными быстрыми шагами она пересекла мост и зашла в Café Maxime.

– Мадемуазель Боден, – позвал знакомый голос за плечом.

Она повернулась и увидела его лицо.

– Я видел, что случилось в морге. Вы выбежали раньше, чем я успел

удостовериться, что вы в порядке. Позвольте к вам присоединиться на чашку кофе?

Ее сердце затрепетало. Она никак не ожидала его увидеть. Первым инстинктом было ответить «нет», потому что... Ну, она не могла придумать убедительной причины, кроме своего стеснения.

– Прошу вас, месье Ганьон.

– Зовите меня Кристоф.

Глава 22

Ее внутренности сделали пируэт.

– Зовите меня Натали.

По имени. Значит, больше никаких официальных вопросов?

И кофе. А *это* что еще значило?

Они прошли в дальнюю часть открытого кафе на почтительном расстоянии, а Натали хотелось идти с ним под руку. Кристоф показал ей жестом, что будет следовать за ней, и в этот момент она снова уловила древесный запах с лемонграссом. Пока официант готовил столик, Натали смотрела на мужчину за соседним. Газета *Le Petit Journal* лежала открытой на странице с историей о картах Таро. Она попыталась что-нибудь прочитать через его плечо, но он что-то рисовал, кажется, варьете, и ей ничего не было видно.

Официант усадил их и принес меню. Кристоф заказал кофе. Натали попросила кофе и тарелку с сырами, фруктами и хлебом, хотя мечтала о сэндвиче. Если он передумает и захочет есть, она сможет предложить ему ломтик сыра бри или ветчины.

– Я подумал, что нам давно пора поговорить, – сказал он тоном менее официальным, чем раньше. Поза его тоже была расслабленной. Будто переход на «ты» изменил его поведение, успокоил. На нем была светло-голубая рубашка (которая, как заметила Натали, делала его глаза еще красивее), а волосы непривычно растрепаны.

«Может, они растрепались, пока он спешил ко мне?»

Как только она подумала об этом, сразу покраснелась. «Глупости».

– Прости, я не хотел тебя смутить.

Что, конечно, заставило ее покраснеть еще сильнее.

– Я в порядке, – сказала она, мечтая, чтобы щеки ее наконец вернулись к нормальному цвету. – И спасибо за беспокойство. Я благодарна. Не знаю, что там такое произошло. Наверное, из-за жары. А может, из-за того, что я мало съела на завтрак. О, и головная боль вчера была. Такое раньше случалось всего дважды. Первый раз – в библиотеке, когда я готовилась к экзаменам. Было около трех часов пополудни, а я за весь день съела только булочку с шоколадом, что и сейчас могло быть моим завтраком, если бы я его сегодня съела. Это моя любимая сладость. А второй раз был прошлым летом в парке, тогда было очень жарко, и я резко встала на ноги, после того как несколько часов читала «Отверженных».

«Почему я болтаю без остановки? На меня непохоже. Говорю так же быстро, как месье Патинод. Руки дрожат. Руки, пожалуйста, перестаньте. Пожалуйста.

А теперь и мысли у меня несутся бессвязно».

Левый уголок рта Кристофа приподнялся в полуулыбке.

«Дыши».

Натали выпрямилась со смешком.

– Поговорить, да? Как видишь, я уже начала.

Принесли еду и кофе. Она жестом предложила ему угощаться, а когда он отказался, невольно почувствовала себя разочарованной.

– Итак, – сказал он, барабанив пальцами по кофейной чашке, – ты в морге каждый день или по меньшей мере каждый день из тех, что я там. Почему?

Натали отрезала кусочек хлеба и на секунду задержала на Кристофе взгляд перед тем, как откусить кусочек, думая, знает ли он сам ответ на этот вопрос или нет.

– Однажды ты уже на это намекала даже, в тот день, когда мы встретились у входа на почту. – Он улыбнулся так быстро, будто подмигнул. – Можешь сказать, что я излишне настырно любопытен.

– Думаю, то же самое можно сказать и обо мне, – сказала она со смешком и подобрала несколько крошек с поверхности стола кончиком пальца. – Я... я пишу репортажи из морга в *Le Petit Journal*.

Кристоф откинулся на спинку стула и скрестил руки. На мгновение его лицо даже замерло в задумчивости, стало нечитаемым, а потом снова расслабилось и приняло выражение замешательства.

– Можешь сам сходить на улицу Лафайетт и спросить месье Патинода: он главный редактор и друг моего отца, – сказала Натали, сидя особенно прямо. – Или я скажу тебе одну-две фразы, которые включу в свою статью, и ты их завтра увидишь в газете.

– Ты... ты не шутишь? – спросил Кристоф, убирая руки с груди.

– Вовсе нет, – Натали взяла кусочек сыра, рассказывая ему, как она получила работу и как долго там пробыла. – Кстати, насчет той встречи на почте. Ты меня еще спросил о моей одежде, помнишь?

Он кивнул.

– Я надеваю брюки, когда иду в *Le Petit Journal*, – сказала она, пожав плечами. – Месье Патинод счел, что мне лучше рядиться в мальчишку, чтобы не выделяться.

– Вот в чем дело! – Кристоф откинул голову назад и рассмеялся. – Старина Патинод! Я его, кстати, хорошо знаю. Это на него похоже.

Натали нахмурилась.

– Что в этом смешного?

– Я смеюсь не над тобой, не над ним и не над твоими брюками. Я смеюсь над собой, – сказал он с ухмылкой. – Должен признаться: я был ужасно смущен в тот день, у почты, и не знал, что и думать... Брюки эти и все остальное. Я... я никогда не видел девушек ни в чем, кроме юбок и платьев.

Она усмехнулась. Он и правда странно себя вел в тот раз.

После пары секунд молчания он отпил кофе и прокашлялся.

– Я обратил внимание, что ты сегодня не стала прикасаться к витрине в морге.

Это заявление упало на нее как огромная, всеохватная дождевая капля, которая охватила ее смущением.

– Pardonnez-moi?^[18] – Ее смутило, что он знал. Знал что? Больше, чем должен был, по крайней мере. Они просто вели легкую беседу, а теперь вот это. Будто из-под нее резко выбили стул.

Он подпер руками подбородок.

– Это значит, как я считаю, что что-то происходит, когда кладешь руку на стекло.

Натали, которая на мгновение задумалась, не показалось ли ей, что он это сказал, в ответ отпила кофе. Эти несколько секунд тянулись будто пятнадцать минут.

– Это смелое заявление, месье Гань... Кристоф.

Следующая мысль кольнула ее в сердце. Это дружелюбное, легкомысленное поведение могло быть просто способом вытянуть из нее информацию. Может, он подумал, что она больше расскажет, если он будет вести себя расслабленно; возможно, весь этот разговор, по сути, был для дела, а не для удовольствия. Она стиснула зубы и придвинула тарелку поближе, злясь на себя за то, что испытывала к нему такую симпатию.

Он оглянулся по сторонам, прежде чем ответил.

– Я видел тебя не только в первый раз – а каждый раз, когда появляется жертва Темного художника. Пара, которая стояла рядом с тобой в демонстрационной комнате, тоже это однажды сообщила. Они слышали, как ты сказала имя «Мирабель».

Хм, то есть это не Симона сдала информацию насчет Мирабель. Тогда это, наверное, были те муж с женой, которые глазели на нее после видения. Ее желудок сжался, когда она вспомнила, как они отодвинулись от нее, будто ее следовало бояться.

Она нарисовала пальцем на столе знак вопроса.

– Вот тут я не знаю, что сказать.

– Прошу прощения за неожиданный вопрос. Но не было легкого способа его задать.

Она посмотрела вниз. Маленькая птичка у ее ног клевала крошки, напомнив ей о первом видении: как она потом пошла в кафе, пытаясь понять произошедшее, и как скормила тогда птичкам почти весь свой круассан.

– Я отреагировал с вежливым недоверием, когда та пара мне рассказала, – добавил Кристоф. – Чтобы не задавали вопросов.

Погодите: то есть он ее защищал?

Натали смотрела на него: идеальный нос и наблюдательные голубые глаза. Либо он превосходный актер, либо говорит правду. Это дружелюбие искреннее – но при этом все такое же необъяснимое.

– Зачем меня защищать? И почему столько внимания к моей персоне?

Да, неделекатно. Но это повернуло разговор в другое русло, чего она и хотела сейчас больше всего.

– Я считаю, что тайну личной жизни, твоей или любого другого человека, стоит защищать. Что бы там ни произошло, когда ты дотронулась до стекла, – это твое дело. Я внимательно за тобой наблюдал с нашей первой встречи, но, если честно, я тебя и до этого уже заметил. – Кристоф прокашлялся и взял кусочек бри с ее тарелки, будто в подтверждение их внезапного сближения.

Она вспыхнула.

– Спасибо. Я рада узнать, что у меня есть... есть друг.

Птичка, охотившаяся за крошками, то ли вскочила, то ли взлетела на стол и клюнула крошку.

– Я рад, что мы поговорили, – сказал Кристоф, провожая взглядом улетающую птичку.

Она не знала, то ли его смягчившийся тон сыграл роль, то ли готовность ее защищать, то ли его симпатия к ней. Ее *должны* были расстроить его вопросы, но этого не случилось. Все ее инстинкты говорили: она может ему доверять.

– Кое-что случилось на днях, – сказала она, прикусывая губу. – Я никому не рассказывала: была так зла и расстроена, просто хотела, чтобы все испарилось.

Выражение его лица было внимательным и понимающим.

Так что она рассказала Кристофу все: о склянке с кровью, о записке со словом «озарение» и о том, как она все это бросила в Сену.

Когда он ответил пониманием, а не назидательной речью, она решила

рассказать ему и о письме от Темного художника, и о том случае, когда она почувствовала за собой слезку.

Он слушал напряженно, будто все, что она говорила, было самым важным, что он когда-либо слышал. Натали это нравилось.

– Спасибо, что это оказалось проще, чем я ожидала, – сказала она с улыбкой облегчения. Она допила свой кофе и держала чашку обеими руками.

– Пожалуйста. Не знаю, как ты могла все это держать в себе так долго. Ты очень храбрая, – сказал он, похлопав ее по руке, и положил свою руку на ее, задержав на секунду, прежде чем убрать и поправить ею свой воротничок.

Натали покраснела от его слов и такого легкого прикосновения, что оно пощекотало и тут же исчезло, как аромат духов. Она уставилась на камни мостовой у своих ног.

– Итак, – сказал он, расправляя воротничок, – что *происходит*, когда ты прикасаешься к витрине?

А, ну конечно, он любит допросы. Надеяться, что его любопытство не вернется, было тщетно.

Кажется, пара досочек выпала из построенного между ними понимания. Она могла соврать, и он понял бы, что она врет, потому что у него, казалось, был особый нюх на это; могла сказать правду – и тогда реакция могла быть какой угодно. Натали сжала пальцами чашку.

– Ты мне не поверишь, если расскажу.

– Может, и поверю. Я много с чем сталкивался в жизни.

Натали нахмурилась.

– Это другое.

Он посмотрел в сторону. Мужчина, который рисовал сценку из варьете, кажется, подслушивал. Приглушенным голосом Кристоф продолжил:

– А что если я скажу тебе, что как представитель полиции я встречал кое-кого, кто может передавать мысли на расстояние нескольких километров и использует для этого животных, и того, кто видит будущее других людей, стоит только взять их за руку? А еще один имел нюх на кровь и смерть не хуже, чем у гончей.

У Натали защебетало все тело, изнутри и снаружи.

– Ну, это... очень необычные люди.

– Да. И, подозреваю, ты тоже необычная. – Он склонился ближе. – Можешь рассказать мне, Натали.

Способна ли она?

Способна. Он не относится к ней как к ребенку, сумасшедшей или выдумщице. Его честность и желание поговорить привлекали ее, особенно на контрасте с поведением мамы, попытавшейся скрыть правду, а потом оборвавшей разговор. Кристоф пока отнесся ко всему очень понимающе. Может, и это он поймет.

– У меня... у меня видение каждый раз, когда прикасаюсь к витрине. В первый раз это получилось случайно, и я долго не могла понять, что это. – Натали выпустила из рук кофейную чашку и отодвинула ее. Вздыхнув, она рассказала ему все: от первого видения до третьего, включая анонимное письмо в полицию, ее недавнее открытие по поводу белых перчаток и потерю памяти, случавшуюся с ней после каждого видения.

Она рассказала ему и о своих догадках о месье Перчаткине, какими бы несовершеннолетними они ни были. Кристоф не считал, что он подходящий кандидат в подозреваемые, и хотя ее собственные подозрения стали тускнеть, по крайней мере, это было возможно. А больше никаких зацепок и не было.

И снова он был полностью поглощен ее рассказом, отчего она ощутила себя самым интересным человеком в мире.

Вот так она ему и рассказала о видениях и чувствовала себя при этом абсолютно нормально.

– Люди, которых ты упомянул, – сказала она, делая ударение на слове «люди», – получили свои способности в процессе экспериментов доктора Энара?

– Да.

Ее сердце задрожало от нетерпения.

– Я недавно узнала, что моя тетя тоже была его пациенткой. Она видела сны о том, что кто-то собирается убить младенца. Она сейчас в психиатрической лечебнице, думаю, из-за переливания и его побочных эффектов, так что я не могу с ней поговорить об этом. А мама отказывается отвечать на мои вопросы.

Кристоф сморщился.

– Об Энаре?

– Обо всем, – продолжила Натали. – Она отказалась говорить об этом, и я не успела задать ни одного вопроса. Я не уверена, но предполагаю, что я тоже могла получить такое переливание крови в детстве. Иначе чем еще это объяснить?

– У них были причины тебе не рассказывать. Несомненно, они хотели тебя оградить от этого. – Он нахмурился задумчиво. – В каком году ты родилась?

– В 1871-м.

– То есть тебе шестнадцать?

– Да.

Странно: гипнотизер тоже спрашивал, сколько ей лет.

– Натали, не знаю, как тебе это сказать, – проговорил он. Несколько раз он открывал рот и снова закрывал, вероятно, в поисках правильных слов. – Ты не могла быть пациенткой доктора Энара. Его убили в 1870 году.

Глава 23

Натали молчала. Она осматривала все вокруг, избегая смотреть на Кристофа. Мужчину, рисующего за соседним столиком, которого официантка Джин назвала Уолтером, и его уже сложенную газету. Других посетителей кафе, тарелки на их столах. Деревья по периметру, охотящихся за обедками птичек.

Все сходилось. Все детали были на местах.

Кроме нее.

– Ты уверен? – спросила она, когда снова смогла посмотреть на Кристофа.

– Боюсь, что да. Его нашли в лаборатории, отравленным. Одни считают, что это сделал кто-то из бывших пациентов, другие – что коллега, а остальные – что любовница. Ничто не указывает в пользу одной из версий, это «чистое убийство», так сказать. Спустя пару дней немцы окружили Париж, так что загадка его смерти затерялась в последовавшем хаосе.

Война между Францией и Пруссией закончилась примерно за девять месяцев, как Натали помнила из учебников, из них немецкая блокада продлилась четыре. Один убитый доктор, даже знаменитый, был ничем на фоне десятков тысяч голодавших парижан.

Одна девочка с необъяснимыми способностями, как у пациентов Энара, но при этом не одна из них – вот *это* уже что-то интересное.

– И что я тогда?

Он сочувственно покачал головой.

– С того момента, как это началось, я только и думаю: что я, кто я? Потом подумала: вот ответ, наконец-то, или хотя бы начало ответа. – Она взмахнула рукой. – И, так же как дым, это быстро растворилось. Я монстр.

– Нет. Ты умная и выносливая, и у тебя невероятная способность. Просто потому, что у меня нет объяснения, не значит, что его не существует. – Он побарабанил пальцами по столу, размышляя. – Поговори с месье Патинодом. Он... он знает больше меня про эксперименты Энара.

Месье Патинод? Он был довольно симпатичным и работу ей дал, при этом – довольно странным. Она не могла себе представить, что будет с ним откровенничать, и неважно, что он папин друг.

– Почему?

Кристоф помедлил, затем отпил кофе.

– Ну... газетные истории и все такое. Об Озаренных много писали.

– У них и название есть, – проговорила она, обиженная, что приходится говорить «у них», а не «у нас».

– Оно оскорбительное, особенно считалось таким поначалу. Как только доверие к Энару покатило вниз, каждый, кто был причастен к его экспериментам, стал объектом насмешек, – сказал он, морщась от последнего слова. – Не хочу обидеть твою тетю. Что произошло, то произошло. Интересно, впрочем, как меняются слова. «Озаренные» – сначала это звучало унижительно, а теперь стало нейтральным. Даже сами Озаренные его теперь используют.

Дерзкая смена значения. Натали это понравилось.

Джин принесла счет. Кристоф, настояв, оплатил его и встал.

– Мне пора идти. И так уже придется объясняться за свое внезапное исчезновение из морга.

Она улыбнулась, вставая со стула.

– Исчезновение.

Он усмехнулся и задвинул свой стул. Уолтер, рисовальщик, уже ушел, оставив *Le Petit Journal*. Натали взяла эту газету и последовала за Кристофом. Когда они стояли снаружи у входа, он заметил ее у Натали в подмышке.

– Если больше не захочешь касаться стекла, я пойму и не буду тебя винить. Но если передумаешь, расскажи мне, что увидишь.

Она все еще мечтала избавиться от видений, и сейчас – еще сильнее прежнего.

– Благодарю.

– В целях следствия я помечу тебя как Озаренную, если тебя это устраивает. Советую так сделать, потому что их свидетельства считаются достойными доверия, если их способность может помочь расследованию. В наши дни большинство предпочитает скрывать свою магию, так что можешь оставаться анонимной. Раз мы точно не знаем...

Он осекся. «Раз мы точно не знаем, что ты такое, то сделаем вид, что ты вписываешься в понятную нам категорию».

Что поделать?

– Полагаю, это хорошая идея, во всяком случае, практичная.

– Отлично. И еще кое-что, – сказал он тише, подходя на шаг ближе. – Я тебе говорил уже однажды быть осторожной. Сосуды с кровью, письма, слезка – если еще что-то подобное случится, обращай ко мне. Может, это Темный художник, а может, и нет. Но всегда теперь говори мне. Как бы ты ни решила действовать, пообещай мне это.

– Обещаю, – сказала она. Голос ее застрял в горле, едва заметно, потому что ей никогда раньше так сильно никто не нравился. Это она поняла только сейчас, когда он попрощался.

Она присела у стены снаружи собора Парижской Богоматери, чтобы прочитать газету и написать свою статью. Темный художник прислал «Парижу» посредством *Le Petit Journal* только карту с Влюбленными, прикрепленную к листку бумаги с его подписью. Гадальщица на Таро, которая предпочла остаться анонимной, предположила, что Темный художник, возможно, «издевается над идеей поиска романтического партнера» и «насмехается таким образом над идеей любви», и оба толкования казались Натали обоснованными.

Она почувствовала укол сочувствия четвертой жертве. Была ли та возлюбленной, женщиной, когда-то его отвергшей? Она могла быть просто незнакомкой, напомнившей ему об утраченной любви, или просто оказаться не в том месте не в то время, и с Темным художником ее не объединяло ничего, кроме случайности.

«Какую историю расскажет ее смерть?»

Натали покачала головой. «Это не мое дело. Я и так уже провела слишком много времени в мыслях Темного художника».

Отклонившись, она заметила уличного мима, дающего представление перед толпой неподалеку. Он был одет в черное, с выбеленным лицом, в белых перчатках и стоял на небольшой платформе.

Мим был заперт в воображаемой коробке и изображал, что всячески пытается из нее выбраться, открыв крышку. Когда у него получилось, он изобразил, будто поднимается из коробки по лесенке, и обрадовался, достигнув верха. Правда, в своей радости он потерял равновесие, якобы свалился с лесенки обратно вниз, мягко приземлился, отряхнулся и снова встал с поклоном.

Ее внимание было приковано к перчаткам. Может, убийца был мимом? Что если это и был Темный художник, прямо здесь, выступал для толпы, пока его последняя жертва лежала на обозрении по другую сторону собора?

Ей пришло в голову подойти к нему и посмотреть... Что посмотреть? Не выглядел ли мим убийцей? Будто она поняла бы. Словно у нее были какие-то зацепки кроме перчаток. Опять. По крайней мере, месье Перчаткин был в морге в день ее первого видения, тогда же, когда и убийца.

«Что я знаю? Что мне известно обо всем этом? Я просто девочка со способностями как у Озаренных, но при этом не одна из них».

Повернувшись к миму спиной, она принялась за свою колонку. Вдохновение. Это Темный художник имел в виду? Была ли та склянка с кровью способом сделать его письмо убедительнее в требовании добавить жутких деталей в описания?

Она не хотела играть в его игру и находить еще у себя в сумке сосуды с кровью или что похуже.

Натали дополнила статью, презирая место на странице, которое льстило ему преувеличениями («пещерообразные раны от безжалостного клинка» и «покрытая синяками плоть, как готовый лопнуть перезревший фрукт»).

Закончив, она отправилась в редакцию, размышляя в омнибусе по пути на улицу Лафайетт над тем, что скажет месье Патиноду. И решила вести себя как журналист: задавать вопросы об экспериментах Энара, не говоря ничего о своих собственных видениях. Ей требовалось узнать больше, и можно было списать это на любопытство без какого-либо личного интереса.

Она поспешила наверх по ступеням, чуть не столкнувшись с одним из разносчиков газет на лестнице. Прошептав извинение, она поскакала по коридору в сторону кабинета месье Патинода. Желудок свело, когда она подняла руку, чтобы постучать в закрытую дверь.

– Он сегодня рано ушел, – сказала Арианна, поднимая голову от печатной машинки. – Мне кажется, он что-то несвежее съел на обед. Говорила я ему не покупать рыбный суп в Brasserie Candide, потому что еда там залеживается. Но он не слушает.

«Именно сегодня».

Ее внутренности скрутило. Она на это не рассчитывала.

Арианна протянула руку.

Натали сделала шаг назад.

– Oui?^[19]

– Твоя колонка, – напомнила Арианна, подняв бровь. – Ты разве не для этого пришла?

Она так была поглощена мыслями о разговоре с месье Патинодом об Озаренных, что чуть не забыла. Сунула руку в сумку, вырвала листок со статьей из дневника и протянула Арианне.

– Не знаю, как ты, – сказала Арианна, барабаня пальцами по бокам печатной машинки, – но я сейчас по городу одна не хожу. Отец провожает меня на работу, а брат встречает в конце рабочего дня. Некоторые мои подруги поступают похожим образом. Тебя есть кому проводить?

Натали помотала головой.

– Не знаю, как ты это делаешь, – сказала Арианна, обнимая себя руками. – И при этом еще пишешь репортажи из морга! Ты очень смелая, дорогая моя.

– А может, просто молодая и глупая, – сказала Натали с неуклюжим смешком. Папа в море, брата у нее нет, да и, будь они, от такой защиты она отказалась бы. Правда же? Ей нравилось думать, что она не из тех, кто ходит в страхе, но кто знает? Четвертая жертва могла думать так же и прийти прямо к Темному художнику.

– Ты какая угодно, но только не глупая, – сказала Арианна с улыбкой. Она подняла листок со статьей. – Кируак в архивной комнате, но я ему передам для редакции.

Архив.

Натали пришла в голову идея.

– Кстати, об архивной комнате. Могу я попросить ключ, чтобы туда ненадолго зайти? Мне нужно кое-что проверить.

Месье Патинода на месте не было, но было бесчисленное множество газет. Несомненно, в большинстве их будут статьи об экспериментах Энара.

Арианна покачала головой.

– Кируак там со всей своей командой второй день подряд. Они двигают шкафы, наводят порядок и никого туда не пустят, пока не закончат, не раньше сегодняшнего вечера.

– А завтра?

– Если они закончат, то пожалуйста.

До завтра еще невыносимо долго ждать.

Восхитительный фруктовый запах встретил ее в коридоре, когда она подходила к квартире. Натали глубоко вдохнула, наслаждаясь запахом, прежде чем войти в дверь.

Войдя, она увидела маму за приготовлением варенья.

– Хорошие новости! – сказала мама, сияя. – Я отправилась за малиной, чтобы сделать пирог, на рынок к Маршанам, и мать Симоны спросила, собираюсь ли я делать варенье, и сказала, что не ела варенья вкуснее, чем то, которое я им дарила на Рождество. Мы немного поговорили, и она предложила продавать мое варенье на рынке. – Мама поднялась на цыпочки. – Она сказала, чтобы я делала любое, а она его поставит на полки. И поговорит с несколькими другими магазинами в городе, предложит им тоже его продавать. Мы договорились о цене, и я теперь буду ее поставщиком. Разве не чудесно?

Учитывая их вчерашнюю ссору, она совсем не ожидала найти маму в

таким настроении. Натали думала, что предстоит прохладное отношение или распросьбы, а может, беспокойство по поводу целого дня головной боли. У нее ушло мгновение на то, чтобы перестать думать об этом и принять эту версию мамы, которая уже много месяцев не бывала такой счастливой.

– Parfait!^[20] – сказала Натали. Приготовление варенья не заменит шитья ни по удовольствию, ни по уровню дохода. Но мама явно была вне себя от радости, что сможет хоть что-то делать своими руками. – Я так за тебя рада!

Она подошла к маме, обняла ее и расцеловала в обе щеки, отчасти чтобы помириться, отчасти чтобы поздравить.

– Натали... это мне напомнило спросить. Как там дела у Симоны? Ты давно о ней не говорила.

Симона. Даже упоминание ее имени заставило ее сердце загрустить и сжаться, подобно цветам, которые закрывают лепестки при прикосновении к ним.

– У нас разный распорядок дня. Да и интересы тоже, кажется, в последнее время разные.

Натали не стала говорить об их ссоре. Не стоило: обе названные причины были правдой, и, скорее всего, правда и вызвала их конфликт.

По крайней мере, со стороны Натали.

Ведь так?

– Понимаю, – сказала мама с сочувствием в голосе. – Мои подруги из ателье... Теперь, когда я там не работаю, все изменилось. Я видела Симону сегодня утром, когда шла на рынок. Она меня не заметила, но я видела, как она выходила из омнибуса на нашей остановке. Наверное, навещала Селесту. Бедняжке все хуже, а они так и не знают, чем она больна.

Селеста, такая невинная, в том самом возрасте, идеальном для того, чтобы наслаждаться детством, когда нет обязательств перед миром взрослых. Ни один ребенок не должен быть лишен этого из-за болезни, подумала Натали. И все же это происходило снова и снова. В прошлом году одна ее одноклассница умерла летом от туберкулеза, и в это до сих пор не верилось.

– Это ужасно, – сказала она, садясь за кухонный стол. Стэнли вскочил ей на колени. – Селеста – такая милая девочка.

Мама покачала головой, как делают люди, когда болеет ребенок и так хочется чем-то помочь. Это был универсальный жест ощущения бессилия. Натали много раз его наблюдала в морге: опущенные плечи, шепот молитвы, жалостное покачивание головой.

Ее мысли перенеслись к Симоне. Она сейчас была внизу?

Натали еще посидела с мамой, чтобы посмотреть, не заговорит ли та о вчерашней ссоре. Но мама о ней не упоминала и говорила только о варенье, фруктах и о чем угодно, кроме тети Бриджит, докторе Энаре или Озаренных.

Как мама могла делать вид, что вчера ничего особенного не произошло? Осталось еще столько невысказанного. Натали долго кипела, а потом сдалась;: она слишком устала, чтобы втягивать маму в разговор.

Ее теория рассыпалась, и объяснения видениям у нее не было. Сейчас так хорошо было чувствовать себя нормальной.

Даже если она только притворялась такой.

Глава 24

Когда Натали стояла в очереди в морг на следующий день, Кристоф вышел поприветствовать ее. Он стоял в паре метров от очереди и жестом позвал ее подойти. Ее лицо залило краской, когда он сделал шаг ей навстречу.

– Я сказал одному из зрителей известить меня, когда ты придешь, – прошептал он. – Я встречался с префектом полиции. Он подрядил одного полицейского, чтобы тот следовал за тобой, пока ты ходишь по городу. Он сейчас в морге и пойдет за тобой, когда уйдешь. Я отправил еще одного наблюдать за твоим домом. Оба будут в штатском, как и те, кто их сменил. Это будет круглосуточно.

Ее кожу защекотало. Она хотела воспротивиться, сказать, что ей не нужна охрана, но только потому, что не желала признавать, что может быть в опасности, даже теоретически. Не будь опасности, Кристоф не организовал бы это.

Она читала о таком в романах. А теперь это происходило с ней самой, и теперь не только в ее голове. Такова *реальность*.

– Делай вид, что не замечаешь их, – добавил Кристоф. – Но ты поймешь, кто они. У каждого будет белая трость с черной ручкой.

Натали кивнула.

– Спасибо, месье Гань... Кристоф. Это очень мило с твоей стороны.

– Мы не можем защитить каждого горожанина, но постараемся защитить тебя. Я предпочитаю перестраховаться.

Она снова поблагодарила его и вернулась на свое место в очереди, а он зашел внутрь. Через несколько минут очередь продвинулась, и она зашла в морг. Демонстрировались те же трупы, что и вчера. Как бы ни жаль ей было четвертую жертву, она снова избегала прикасаться к стеклу. Натали молча извинилась перед девушкой на плите.

«Прости. Я не могу: должна позаботиться о себе, о собственном рассудке. Надеюсь, ты понимаешь».

Переглянувшись незаметно с Кристофом, она ушла. Велик был соблазн оглянуться, и, хотя она собиралась это сделать после того, как перейдет мост, любопытство все же победило. Она остановилась на мосту посмотреть на Сену и глянула в сторону морга. Дюжий мужчина с белой тростью с черной ручкой, как Кристоф и сказал, ленивой походкой направлялся к мосту, будто просто гуляет по городу.

Ощущение силы циркулировало в ее крови. Щекотало нервы, оттого что теперь у нее есть защита и возможность освободиться от влияния Темного художника на нее.

Она дошла до конца моста и присела на скамейку, чтобы написать свою статью. Потом села в паровой трамвай, мужчина с тростью последовал за ней. Она расслабленно откинулась на спинку сиденья. На следующей остановке вошло несколько человек.

Среди них был белоусый мужчина в белых перчатках.

Месье Перчаткин сел в переднем ряду с чопорным лицом. Он ее не заметил. Она была (в кои-то веки) рада, что омнибус битком набит народом.

Мог ли он быть Темным художником? Время размывало ее подозрения; он казался слишком старым и недостаточно ловким. Ей хотелось иметь подозреваемого, какую-то версию, потому что это лучше, чем когда тебя преследует лицо без лица, безымянный человек. Прямо сейчас месье Перчаткин оказался с ней в одном омнибусе, и она снова засомневалась. Было ли это желание назначить хоть кого-нибудь в подозреваемые или что-то еще в нем, – не только в мыслях о нем, – беспокоящее ее?

Сегодня она намеревалась убедиться раз и навсегда.

Полицейский осматривал пассажиров, не зная, что странный, полноватый мужчина в двух рядах впереди него, говоривший кондуктору, что крысу завел, «чтобы было с кем поговорить», мог быть Темным художником.

Натали собиралась сойти на той же остановке, что и он, и, убедившись, что защитник идет за ней, последовать за месье Перчаткиным.

Через несколько остановок он вышел и прошел в ворота.

Кладбище Пер-Лашез.

Она помедлила в проходе; если бы не толчок в спину от нетерпеливого пассажира, она могла упустить возможность сойти.

Кто бы мог подумать, что убийца остановится здесь?

Хотя почему нет? Может, он делал это как раз на кладбище или искал новых жертв среди могил.

Натали вышла. По привычке потянулась за землей из катакомб, но вспомнила, что случилось с флаконом на полу морга. Когда-нибудь она отправится в катакомбы, чтобы наполнить новую склянку. Ей не нравилось оставаться без талисмана.

Взглянув, чтобы убедиться, что полицейский неподалеку, Натали прошла в арку.

Они с Симоной несколько раз бывали на Пер-Лашез за последнюю

пару лет, и каждый визит невольно превращался в игру в прятки. Это был густонаселенный город мертвых, загробная версия Парижа, с царственными мавзолеями, извилистыми тропинками и элегантными памятниками. Их последний визит состоялся в мае, когда они были взволнованы идеей посмотреть на останки композитора Россини, которые эксгумировали для перезахоронения в Италии. Она не смогла подойти так близко, чтобы увидеть гроб, но все равно это было захватывающе.

Она следовала за месье Перчаткиным. Когда он сошел с тропинки к скоплению могил, она остановилась. На главных дорожках было легко оставаться незамеченной, а среди самих мавзолеев и могил невозможно было следовать за ним, не привлекая внимания.

Она подпрыгнула, когда из-за мавзолея вышла пара. Гладко выбритый мужчина был в светло-сером жилете, а женщина – в легком платье из белого кружева и шляпе с красным цветком. Ее красивые глаза выглядели из-за изукрашенного красно-золотого веера. Они были такие нарядные, будто сошли с обложки модного журнала. Натали показалось, что она видела их раньше. Были ли они той парой, которая присутствовала при ее видении и рассказала Кристофу, что она произнесла «Мирабель»? А может, только один из них казался знакомым или и вовсе нет, потому что она бродила тут, по кладбищу, за кем-то, кто, вероятнее всего, не был убийцей, но не исключено, что был.

– Мадемуазель, вы заблудились? – спросил мужчина.

Натали посмотрела мимо них на месье Перчаткина. Могилы Абеяра и Элоизы, знаменитой средневековой пары влюбленных, были в этом направлении.

– Я шла, э-э-э, к Абеяру и Элоизе. Кажется, я отсюда вижу памятник.

– Не забудьте оставить им любовную записку, – сказал мужчина. – Мы как-то оставляли, – он легонько толкнул женщину локтем, а она захихикала.

Пара пожелала ей хорошего дня и отправилась дальше. Как только они отошли на пару шагов, Натали глянула через плечо. Увидев полицейского с тростью, она наполнилась уверенностью и пошла за месье Перчаткиным.

Он шел, петляя между могилами, так долго, что Натали задумалась, не увлекает ли он ее куда-то.

Нет, быть такого не может. Он ее не заметил.

Правда же?

Наконец он остановился перед могилой. Она прошла на пару рядов дальше влево, чтобы приблизиться и наблюдать за ним сбоку.

Он снял перчатки и сунул руку в карман, но не в тот, где крыса.

Аккуратно достал белую розу и положил ее на могилу.

Притворяясь, что рассматривает надписи на надгробиях, Натали приблизилась, поглядывая каждую пару шагов. Когда она была в двух надгробиях от него, он опустился на колени на траву и перекрестился.

Она сокращала расстояние между ними, пока не смогла рассмотреть надгробие. Белый мрамор с завитушками по периметру, поблекшая надпись. Она подкралась, чтобы посмотреть.

*Жанин Тереза Дюбре
Родилась 7 мая 1862 г.
Умерла 20 октября 1875 г.
Мир наш в милости Господней*

Месье Перчаткин спрятал лицо в ладонях и стал всхлипывать.

Внезапно ей стало стыдно, что она здесь, вторглась в его личные дела. Она неправа, абсолютно, совершенно неправа. Ей не стоило подозревать его ни на секунду.

Руки его без перчаток выглядели не руками убийцы, а просто дрожащими от отчаяния руками скорбящего человека. Не руками, которые могли в ярости размахивать ножом, не рукой, которая могла прижимать к полу кричащих девушек, пока они умирали от ран.

Залившись краской от стыда, она развернулась, чтобы уйти. Задетый камешек ударился о надгробие, напугав месье Перчаткина.

– Эй! – Он обернулся, круглое лицо его было залито слезами.

– Здравствуйте, я... я вас перепутала со знакомым, – сказала она, надеясь, что ее смущение не так заметно, как ей казалось. – Простите. И... мои соболезнования.

– Благодарю. – Он показал рукой на надгробие: – Моя дочь. Ее забрала у меня холера. Завтра ее лучшая подруга детства выходит замуж, и... – Его плечи поникли.

Натали ему печально кивнула и ушла, этот мужчина явно не был Темным художником, он даже не был месье Перчаткиным. Он был месье Дюбре, отцом, все еще скорбящим спустя двенадцать лет после смерти своего ребенка. Он заслуживал того, чтобы его оставили наедине с его скорбью.

Глава 25

Через полчаса Натали уже была поглощена архивами *Le Petit Journal*, проведя всю дорогу от кладбища до редакции, мысленно повторяя извинения в адрес месье Дюбре. Она упрекала себя за глупость и за то, что так на нем заиклилась. Пора было изменить ход мыслей и попробовать другой подход.

Больше чем когда-либо она придавала важность фактам.

Месье Патинод был на редакционном собрании, что ее не расстроило, потому что она хотела узнать как можно больше сама перед разговором с ним. Ей было неловко, что она так мало знала об экспериментах Энара и Озаренных, когда говорила с Кристофом. Люди, обладающие магическими способностями или обладавшие ими в прошлом, могли проходить мимо нее на улице или стоять рядом с ней в морге. Так много предстояло узнать, что она чувствовала себя первооткрывателем.

Несомненно, ее родители избегали этой темы из-за тети Бриджит.

Архив, лабиринт высоченных деревянных стеллажей, содержал как минимум одну копию каждого ежедневного выпуска газеты с момента основания в 1863 году. Учитывая, что она не знала, когда Энар или его пациенты впервые попали в заголовки, она начала с того, что ей было известно наверняка: с конца. Просмотрев газеты всего лишь за неделю – в сентябре 1870-го, когда Энара убили, – она осознала, что недооценивала масштаб задачи.

Натали вытянула статью о смерти Энара и склонилась над ящиком, оценивая размер оставшегося ряда. Сотни и сотни газет. Пройдут дни, пока она просмотрит их все.

Она развернула газету, датированную 17 сентября 1870 года, и принялась за чтение.

ПЬЕР ЭНАР, ДОКТОР «ОЗАРЕНИЯ», НАЙДЕН МЕРТВЫМ В ЛАБОРАТОРИИ

Доктор Пьер Энар, 58 лет, был найден мертвым в своей лаборатории в пятницу утром. Энар, который ненадолго снискал славу со своими ныне печально известными экспериментами, скорее всего, был отравлен, как сказал префект полиции Эмиль де Кератри. Налицо следы борьбы; большая часть оборудования

разбита. Осколки десятков стеклянных пробирок с кровью разбросаны по всей лаборатории. Шея и лицо Энара были покрыты порезами, нанесенными куском стекла, найденным на месте преступления; де Кератри заявил, что раны были нанесены после смерти.

Пробирки с кровью. Как тот сосуд с кровью. «Это совпадение или зацепка?» Натали продолжила искать в более старых газетах. В июле 1870 года нашлась еще одна интересная статья.

ЭНАР ВОЗОБНОВЛЯЕТ ПЕРЕЛИВАНИЯ

Рекламные плакаты, замеченные по всему Парижу вчера, гласят: после шестимесячного перерыва, который повлекла случайная смерть пациента в процессе переливания, доктор Энар возобновляет работу 1 августа.

Несмотря на противоречивые мнения об экспериментах Энара, люди продолжают записываться на процедуру.

«Сейчас не так много народу, как раньше, – сказал владелец лавки неподалеку, – но люди то и дело выходят от него с повязками».

В 1866 г. Энар провел эксперимент по переливанию крови, сочетая науку и, как некоторые считают, «магию», чтобы давать «магические способности». Процедура предполагает забор крови, добавление секретного химического ингредиента Энара, затем обратное вливание крови в тело.

Его первый пациент – он сам.

Энар, который теперь отказывается говорить с журналистами, как сообщается, все еще обладает своими способностями: даром диагностировать заболевания по запаху. Он заявляет, что никогда не испытывал побочных эффектов, в отличие от всех тех, кто еще подвергся его переливанию, хотя ходят слухи, что периодически он перестает чувствовать вкусы.

Некоторые пациенты лишились рассудка, и многие утверждают, что их магические способности были лишь временными, иногда их обретали всего на два месяца.

Улучшил ли Энар свою формулу или процедуру? Или, как сказал один разочарованный пациент, дело просто в том, что «всегда находятся люди, глупые настолько, что не учатся на

чужих ошибках»?

Она сложила газету и засунула ее обратно в ящик.

– Натали? Что вы тут делаете?

Она подпрыгнула. Месье Патинод стоял в конце ряда: руки сложены за спиной, на губах улыбка. Он слегка покачивался на каблуках.

– Я... я хотела с вами поговорить, – сказала она, опираясь на ящик.

– Да, Арианна мне передала. – Он указал на стеллаж: – Я имел в виду: о чем вы ищете сведения?

– О докторе Энаре.

Брови месье Патинода, похожие на мохнатых гусениц, изогнулись. Он медленными, осторожными шагами двинулся к ней.

– Почему?

– Ну, как раз об этом я и хотела с вами поговорить. Месье Ганьон сказал, что вы много знаете об Энаре и об, э-э-э, Озаренных.

– Озаренные. Это та еще тема. – Он снял очки и уцепил себя за переносицу. – Давайте... продолжим этот разговор в моем кабинете.

Натали аккуратно закрыла ящик, задвигая людей и события повседневного Парижа, сохраненных в печати. Она последовала за месье Патинодом в его кабинет молча. Когда она зашла, он поднял палец и сделал шаг обратно в коридор.

Он отослал Арианну с каким-то заданием и вошел в кабинет, закрывая за собой дверь.

– Месье Ганьон сказал мне, что вы хотите поговорить.

Ее лицо залилось краской, пока она усаживалась на стул.

– Правда? – «Что именно он сказал?»

Месье Патинод положил руки в карманы и подошел к окну. Он смотрел в него так долго, что Натали показалось, будто он о ней забыл. Она посмотрела в сторону закрытой двери, чувствуя себя неуютно из-за затянувшегося молчания.

– Он не рассказал никаких подробностей, только то, что вы узнали об участии своей тети в экспериментах Энара и что у вас есть вопросы, на которые он не знает ответов. – Месье Патинод отвернулся от окна и встал к ней лицом. – А еще он отправил вас ко мне не из-за газетных статей, а из-за того, что я один из Озаренных.

Слова, слетавшие с губ месье Патинода, никак не совпадали с представлениями Натали об этом человеке, главном редакторе *Le Petit Journal*, который имел склонность к нервным жестам и всегда торопился.

У него магические способности?

– Я... я никогда бы не подумала. – Все ее восприятие месье Патинода было изменено одним предложением. Может, у нее есть сторонник? Ее переполняло волнение. Вот он, ее первый шанс поговорить с кем-то, кто пережил этот опыт и не сошел с ума. Ей нравилось, что он был прямолинеен, а не как мама. Он не боялся *говорить* об этом.

– Мы повсюду, – сказал он, разводя руки. – Мужчины, женщины, всех классов, религий и профессий. Невозможно их узнать, больше нет. Остальное общество имеет... разные мнения об этом. Некоторые из нас хвастаются своими способностями, другие их прячут, но большинство, полагаю, где-то посередине, независимо от того, сохранились ли у них способности.

– В чем *ваш* дар? – Натали наклонилась вперед. – Он у вас еще есть?

– Да. Я знаю, правду человек говорит или нет.

Она помедлила в удивлении, будто он наложил на нее заклинание.

– Вы... можете читать мысли?

– Нет, – ответил он, – это сложнее: я способен понять намерения, скрывающиеся за тем, что люди говорят или пишут. Слышу слова и голоса как музыку. Правда мелодична; ложь полна неправильных нот, очевидных ошибок в симфонии. Чем грубее ложь, тем более фальшивой мне слышится нота.

Это звучало странно, но вероятно. Как и ее собственная загадочная способность.

– Покажете мне?

– Я буду задавать вам вопросы, – сказал он, складывая пальцы домиком. – На некоторые отвечайте неправду, на остальные – правду.

– Хорошо.

– Ваше второе имя?

– Франсис. – Правда: так звали ее бабушку. Хотя ей имя не нравилось, но бабулю она очень любила.

– Ваш любимый цвет?

– Розовый. – Ложь. Ей не нравится розовый.

– Последняя книга, которую вы прочитали?

– «Франкенштейн». – Нет, она еще не дочитала.

Он снова поглядел в окно.

– Ты сказала правду, потом – ложь, затем – полуправду. Полагаю, ты еще не дочитала книгу.

– Все верно. – Она сглотнула комок в горле, во рту пересохло. Она могла ему доверять. – Месье, мне нужно кое-что вам рассказать.

– Да?

– У меня тоже есть особая способность.

Он резко повернул голову.

– У тебя? Я думал, ты спрашиваешь потому, что... Ну что ж, – он поправил очки, – что ты имеешь в виду?

Значит, Кристоф и правда не рассказывал месье Патиноду, так же как и Натали не рассказал о даре месье Патинода. До этого момента она не была уверена, знает ли месье Патино, и ждет ли, пока она сама скажет; его реакция была слишком резкой и честной, чтобы быть притворством. Кристоф заслужил еще больше доверия за то, что не поведал месье Патиноду ее секрет, а просто устроил им разговор.

– Это началось вскоре после того, как я начала писать репортажи из морга... – И, как и Кристофу, она рассказала ему все о своих видениях.

– Ну конечно, – ответил он, потирая висок. – Теперь все складывается.

– Да?

Он пожевал губу.

– Ты как-то написала, что одна из жертв «испытывала ужас» перед смертью. Я попросил тебя изменить это, помнишь?

– Помню.

– Я знал, что ты писала правду. – Месье Патинод становился все более оживленным с каждым словом, как ученый на пороге открытия. – То есть я понимал, что ты не просто предполагаешь, – очевидно, что это было бы и разумной догадкой, – а каким-то образом *знаешь*. Я, конечно, не мог сообразить, как это возможно, и должен признаться, что я немного... опасался тебя.

Она вспомнила его странное поведение и как неуютно ей было из-за этого. Ей и в голову не приходило, что это была реакция на ее собственное поведение.

– Прошу прощения, если как-то это показал, – добавил он поспешно.

– Могу вас понять, – ответила она, а затем, помедлив, чтобы собраться с мыслями, рассказала месье Патиноду о том, как узнала об экспериментах Энара, как поняла, что тетя Бриджит – одна из Озаренных. Она также рассказала ему про склянку с кровью и как Кристоф приставил к ней полицейское сопровождение. Он слушал, качая головой и теребя свои очки.

– Когда я все это рассказала месье Ганьону, он объяснил, что Энар умер в 1870-м, за год до моего рождения. Вот это я и искала в архиве: больше сведений об этом и об экспериментах Энара. Я... мне нужно знать, как это случилось. Продолжил ли кто-то делать переливания крови после него, может, тайно?

Месье Патинод покачал головой.

– Сомневаюсь. Он очень ревностно относился к своей работе, особенно когда люди стали его критиковать. Он однажды показательно сжег свои записи, заявив, что его знание умрет вместе с ним. – Он подошел к переднему краю своего стола и присел на него. Казалось, что он не знает, куда девать руки. Складывает их домиком, кладет на стол, скрещивает на груди, и все это за несколько секунд.

– Натали, есть кое-что еще, о чем ты должна знать. Нехорошо, что тебе приходится услышать это от меня, но в данный момент, боюсь, у меня нет выбора. Я уверен, что твой отец отнесется с пониманием.

– Папа? А он тут при чем? – И стоило вопросу сорваться с ее губ, как она догадалась.

– Твой отец тоже делал такое переливание у Энара. – Слова месье Патинода эхом отразили мысли Натали; мысленно она готовила ответ.

Смятение и счастье закрутили ее, вызванные этим весьма необычным чувством раскрытия секрета, который от тебя скрывали.

Затем он понизил голос.

– У него есть дар целителя. И я навеки благодарен ему за это. У моего младшего сына была скарлатина, и если бы не твой отец...

У Натали сбилось дыхание от того, как вес слов месье Патинода и папиного дара опустился на ее душу.

– Это... это прекрасно.

– Именно так. Я в неоплатном долгу перед твоим отцом, хотя он слишком скромн, чтобы это признать.

Натали вдумалась в глубочайшую важность этой мысли. Она не могла представить более прочной связи между людьми, чем спасение жизни, и многое сейчас встало на свои места. Готовность месье Патинода против правил дать ей, шестнадцатилетней девочке, работу. Его верность отцу и, следовательно, ей. И, конечно, вдумалась в свою собственную, буквально кровную, связь с Озаренными.

– Каким-то образом он это мне передал, – начала она, скорее, сказав это себе. – Вы согласны? Это было бы логично. Настолько, насколько может быть логичной магия, хотя полагаю, что в сочетании с наукой она и *становится* логичной или может такой стать. Почему мне это в голову не пришло? Чувствую себя глупой, что сама не догадалась. – Едва проговорив эти слова перед качающим головой месье Патинодом, поспешно, чтобы он не успел ее прервать, она осознала их пустоту.

– Озаренные не передают своих способностей детям, насколько мне известно, – сказал месье Патинод, все еще качая головой. В его словах сквозило сочувствие. – У нас обоих с женой есть дар, но у наших сыновей

нет магических способностей. Так же обстоит дело и у десятков других Озаренных, знакомых мне, и тех, о ком я читал, так что...

– Мне все равно, – сказала Натали в жесткой как дерево манере. Сначала у нее был ответ, потом его не стало. Нет, она должна оказаться права, а не месье Патинод. – Вы же не знаете каждого пациента Энара. Может, у некоторых родились дети вроде меня. Нас таких могут быть сотни, знаете ли.

– Натали, мне так жаль...

Она стояла, охваченная раздражением.

– Нам нужно будет еще раз об этом поговорить. Я готова задать столько вопросов, на сколько вы готовы ответить.

Он развел руки.

– Любые вопросы. Обещаю.

Теперь ее очередь качать головой.

– Не сейчас. Меня мама ждет. Мне пора идти.

Кивнув, она простилась с месье Патинодом и поспешила выйти из здания. Она успела почти дойти до дома, когда вспомнила про своего полицейского, который сидел в заднем ряду парового трамвая. Заметив его, она выпрямилась с еще большей непоколебимостью.

«Пришло время все объяснить, мама. Все».

На протяжении некоторого времени Натали пугала возможность столкнуться с Симоной в доме. Когда это наконец случилось, то именно в тот день, когда ее голова была занята совершенно другим, и встреча в каком-то смысле оказалась именно такой, какой она и ожидала.

Но не совсем.

Натали открыла дверь в фойе в тот момент, когда Симона взялась за ту же дверь изнутри.

Симона тонко вскрикнула «ой!», а Натали не смогла произнести ни звука. Инстинктивно, когда Симона переступала порог, Натали захотела ей рассказать обо всем, что случилось со дня их ссоры почти неделю назад, но подавила это желание.

Они прошли мимо друг друга в напряженном молчании. Натали сделала еще шаг и поймала дверь, чтобы она не захлопнулась между ними. Она повернулась обратно к Симоне, чьи светлые кудряшки закрывали половину лица.

– Нам нужно...

«Нам нужно поговорить как-нибудь». Вот что она хотела сказать. Вместо этого ее слова сбились на писк слепого мышонка, когда Симона

промчалась мимо и бросила на нее ледяной взгляд.

Натали нечасто видела Симону в слезах. При всем ее избытке эмоций слезы она берегла. «Я держу их в воображаемой банке, которую вытаскиваю на свет только в одиночестве», – как-то сказала она.

– Что случилось? – выпалила Натали, делая шаг к Симоне.

Та повернулась к ней спиной и поспешила уйти наружу и вниз по лестнице без единого слова.

Она уже не обижалась на Симону и думала, что чувство это может быть взаимным.

– Может, это и к лучшему, – сказала она вслух, потому что, когда произнесешь что-то, становится легче себя в этом убедить.

Не так ли?

Глава 26

Натали вошла в квартиру под звук мелодии, которую мама напевала под нос, и почувствовала запах клубники. Стэнли поприветствовал ее, как обычно, и на мгновение она взглянула на эту сцену кажущейся домашней идиллии и осмотрела квартиру. Все выглядело таким знакомым и в то же время было другим.

Папа был одним из Озаренных.

А ее родители не обмолвились ни словечком. Не упоминали об экспериментах Энара, о которых она едва ли знала хоть что-то до недавнего времени. Словно она какой-нибудь безграмотный ребенок из сельской глуши, где люди не умеют читать, а не молодая женщина, живущая в великолепном культурном городе, которой, между прочим, доверили обязанности журналиста.

«Вы думаете, что я дура, что я никогда не узнаю и что вы сможете это скрыть от меня навсегда?»

Она потянулась за землей из катакомб, забыв во второй раз за день, что ее там уже не было.

– Иди сюда скорее, попробуй варенье! – позвала мама из кухни.

Она бросила сумку на диван и подошла к маме, стоявшей с полной ложкой варенья, чтобы скормить ей.

«Как ребенку».

Натали взяла ложку, попробовала и с натянутой улыбкой протянула ложку обратно.

– Разлетится с полок как горячие пирожки.

Взгляд Натали пробежался по выстроенным в ряд банкам варенья.

Очень похожим на банки с кровью. Побольше размером, конечно. И она знала, что плотная темная жидкость, потеки на стекле и даже капля на столе были всего лишь вареньем.

– Об этом я и мечтаю! – Мама повернулась обратно к своей клубнике и стала помешивать.

Весь путь домой Натали думала, что будет говорить, как ей рассказать о своих способностях и о том, что она узнала от месье Патинода. Она так устала играть в игры.

– Мама, я узнала кое-что. О папе. И о себе, кажется.

Мама замерла на секунду, а потом стала мешать еще усерднее.

– Кое-что.

– Тетя Бриджит не единственный член нашей семьи среди пациентов доктора Энара, – сказала Натали твердо и четко. – Папа – тоже. Он целитель. Месье Патинод мне рассказал.

Мама положила деревянную ложку на столешницу и потянулась за лимоном напряженной правой рукой.

– Натали, это чушь. Месье Патинод кормится сплетнями. Подумай сама.

– У него нет причин лгать. Зачем?

– Кто знает, почему люди делают то, что они делают? – сказала мама, нарезаая лимон. Она выжала немного в кастрюлю с клубникой и продолжила мешать.

– Мама, мы еще долго будем вокруг этого плясать? Я была права насчет тети Бриджит и права насчет этого. Чего я не понимаю, так это почему ты мне врешь.

– Вру?

– Ты бы это назвала так, если бы я скрывала правду, меняла тему, отвечала вопросами на вопросы и выбрасывала неудобные факты.

Мама грохнула ложку на стол.

– То, что ты зовешь враньем, я называю защитой. – Она резко обернулась, как сокол, почувствовавший добычу. – Я рассказывала тебе, каким позором было то, что тетя Бриджит попала в психиатрическую лечебницу. Стыдно признавать, что ты часть этого.

– Месье Патинод не стыдится быть одним из Озаренных.

Мама шагнула к Натали.

– Никогда не используй это слово. Оно оскорбительно.

– Оно оскорбительно, только если хочешь оскорбиться.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – сказала мама, придвинувшись так близко, что практически касалась ее подбородка. – Тебе неизвестно, как насмехались над тетушкой и как издевались над папой, когда доктор Энар из героя превратился в дурака. Да, я скрыла это от тебя и не жалею об этом.

Лицо Натали разгорелось.

– Может, тебе стоит жалеть: потому что папа передал это мне.

– Что?

– У меня видения, *мама*. – Натали выплюнула эти слова, как кислое молоко. – В морге. Каждый раз, когда демонстрируют жертву Темного художника, я прикасаюсь к витрине и вижу сцену убийства.

– Врешь. – Мама сделала шаг назад.

– Я вру? Нет. Я вижу раны, которые он наносит их лицам, мама. Вижу, как лезвие вонзается в их плоть, как девушки кричат, пока не умрут, как из

них вытекает кровь. Я вижу это все, как будто сама их убиваю, своими руками.

ШЛЕП.

Мама, стремительная как оса, которая в жизни не била ее по лицу, никогда.

Натали отвернулась, рукой закрыв место удара. Горячие слезы полились сквозь пальцы, и она не успела их остановить.

Она убрала руку, слезы перестали литься, и она повернулась лицом к матери.

Ярости, которую она ожидала увидеть, не было. Вместо этого на лице мамы был страх, даже ужас.

Мама отступила назад, спиной к плите.

– Почему ты отходишь?

Мама вздернула подбородок.

– Ты сама на себя непохожа.

– Ты тоже!

Мама схватилась руками за свой фартук.

– С тобой что-то не так. Или ты выдумываешь, или обладаешь магическими способностями, на которые не имеешь права. Вы с Симоной вечно во что-то ввязываетесь. Ее мама упоминала карты Таро, ты... вы что-то задумали? Оккультное?

Натали сузила глаза до щелочек.

– Я не буду опускаться до ответа на такой абсурд.

– Я спрашиваю, потому что *это* невозможно, – сказала мама скорее себе, чем ей. – Никто никогда еще... Если только ты не сошла с ума.

– И это твой ответ? Дать мне пощечину и стоять у кастрюли с клубникой? – Натали всплеснула руками. – Ты не можешь от этого убежать, мама! Я НЕ сумасшедшая. У меня ЕСТЬ способности. Бояться меня – это самое жестокое, что ты могла сделать в ответ. Мерси за понимание. А потом ты удивляешься, что я не все тебе рассказываю.

– Может, это и к лучшему для нас обеих.

Натали повернулась на каблуках и пошла ко входной двери.

– А, да, – сказала она, держа ладонь на дверной ручке, – ты будешь рада узнать, что я никогда больше не собираюсь прикасаться к стеклу в морге. Может, это ослабит твой страх.

– Что ты хочешь этим сказать: никогда больше? Почему?

Натали выбежала из квартиры без ответа. Она прошла по коридору до двери на крышу и пошарила рукой в поисках ключа на притолоке.

«Где он? Кто-то его забрал?»

Она посмотрела обратно в сторону квартиры, ужасаясь мысли, что нужно вернуться туда. Затем заметила ключ на полу, в самом углу, открыла дверь, заперла ее за собой и поднялась по лестнке. Она растянулась на плоской крыше и лежала там, размышляя, плача, и в один момент даже подумала о том, чтобы сброситься вниз. Это не было всерьез – стоило мысленно пробежаться по этому сценарию, как ее воображение затормозило еще на стадии приближения к краю.

Цвет неба сменился с синего на желтовато-голубой у горизонта, а затем на ярко-оранжевый. Темнота стала сгущаться по капле, и вот Натали уже увидела звезды. Наконец она задремала, а потом резко проснулась.

Гром.

Она спустилась вниз, к теплу своей кровати, со Стэнли, лежащим под боком. Началась гроза, громче и сильнее всех за это лето, по крайней мере, казалось именно так.

Глава 27

Проснувшись следующим утром, она нашла записку от мамы на кухонном столе.

«На мессе. Вернусь до полудня».

Натали смяла бумажку и бросила на пол. Месса? Они только ходили в церковь по праздникам или на похороны. По другим поводам мама на мессу не ходила.

Впрочем, и по лицу мама никогда ее раньше не била.

Наскоро позавтракав, Натали вернулась в постель и стала писать в дневник.

Ждать.

Раздумывать.

Вскоре она услышала поворот ключа в скважине входной двери.

Сердце застучало. Она слышала, как мама открыла дверь и покашляла. Следующим звуком был шорох бумаги: наверное, мама подняла свою записку. Каждый обыденный звук был теперь наполнен напряжением, в любом из них присутствовал призрак неприятного развития событий, который пугал ее, а потом прятался в тенях.

Будто она может навсегда избежать разговора с мамой.

В следующий момент она услышала, как мамины шаги приближаются. Сердце Натали забило еще быстрее, и она перевесилась через край кровати, задвинув под нее дневник.

Мама снова кашлянула, на этот раз на пороге спальни. Она сняла шляпу с белыми цветами.

– Можно войти?

Натали пожала плечами.

– Я сегодня ходила на мессу.

– Я прочитала записку.

– Я молилась за тебя, – сказала мама голосом ни резким, ни мягким.

– На случай, если я какой-то монстр? Может, из меня нужно изгнать дьявола? – Натали изобразила крестное знамение в воздухе, а потом ее руки бессильно упали обратно на постель.

Мама вошла в комнату и села на уголок кровати.

– Я и за себя молилась тоже.

– Чтобы понять, как обращаться со своим ребенком-демоном, или сумасшедшей дочерью, или чудовищем после научного эксперимента?

Должно быть что-то из этого.

– Перестань. Ты у себя в комнате, а не на сцене, – тон голоса впервые показался напряженным с момента, как она сегодня заговорила. Она вздохнула устало и обеспокоенно. – Пожалуйста, расскажи мне, что происходило. Все. Я выслушаю и не рассержусь.

Натали выпрямилась.

– Non.

– Ma bichette, – мама приблизилась, положила руку Натали на голову, – прошу тебя.

Стэнли спрыгнул с кровати.

– Хочешь нам дать поговорить наедине? – Натали смотрела, как он выходит из комнаты. Она помедлила, глядя на пустой дверной проем, прежде чем повернуться обратно к маме.

– Это началось чуть больше трех недель назад.

Натали описала видения и провалы в памяти. Она не стала упоминать гипноз или ссору с Симоной, а также все связанное с угрозами Темного художника. Делиться с мамой секретами и так было сложно; она не хотела добавлять еще и это. А что касается ее решения не вызывать больше видения, Натали объяснила это тем, что не хочет больше с ними мучиться. Мама поняла.

Когда Натали закончила, мама встала.

– Если бы я не была уверена, что это не так, то сочла бы тебя одной из пациенток Энара.

– О чем я тебе и толкую.

– Я ничего не понимаю. Такого ни с кем еще не случалось, по крайней мере, я не слышала, но, может, это вызвано чем-то другим. – Мама провела несколько раз руками по шрамам, прежде чем продолжила: – Мне тоже делали переливание, Натали.

– Что? У тебя есть магические способности?

– Нет. Я... это не сработало на мне. Несколько человек пробовало и не получило никаких даров. Я – из них. Никто, кроме папы, не знает этого.

Она почувствовала, будто мама не сказала эти слова, а ткнула ее ими в живот. В этом причина? Если оба ее родителя получали переливание, может, то, что не сработало на матери, передалось Натали.

Но ведь не было способа узнать наверняка?

«Может, я унаследовала тот дар, который предназначался ей?»

– Что случилось?

– Мы с твоим папой встретились вскоре после того, как им с Бриджит сделали переливания, – сказала мама, голос ее казался почти

извиняющимся. – Время тогда было другое. Ты не понимаешь. Это было многообещающее открытие, возможность чего-то невероятного, сверхчеловеческого.

Натали покачала головой.

– Вы не подумали, что есть риски, поверили, что нечто настолько невообразимое случится без последствий.

– Да, – сказала мама, голос ее звучал теперь куда увереннее. – Мы в это верили. Сначала доказательства этому были, и магия была новым, привлекательным открытием. За исключением очень религиозных или очень консервативных людей, почти все в Париже считали это следующим большим шагом для человечества. Сейчас это сложно понять, но тогда доктора Энара превозносили за его работу. Он старался быть хорошим человеком, думаю, – несколько последних слов застряли у мамы в горле, и она прервалась.

Натали скрестила руки. «Если бы я жила в то время, попробовала бы это?»

– Я была очарована дарами папы и Бриджит, – сказала мама, в ее карих глазах был сентиментальный блеск. – Я тоже так хотела. Когда мне сделали переливание и оно не сработало, я была так расстроена. Сотни прошли успешно, и менее двадцати – неудачно. Я себя жалела за такую неудачливость и завидовала, очень завидовала твоим папе и тетушке. Я чувствовала себя неполноценной и чуть не разорвала отношения с Августином, потому что не считала себя достойной.

Натали прижала руки к сердцу. Она кивнула маме, чтобы та продолжала.

– Вскоре после этого начали скапливаться истории. Мы думали, что проблемы были аномалиями, как и я была одной из редких аномалий в этих экспериментах. – Мама развязала ленту шляпки. Она сняла ее с головы и стала тереть ткань. – Мы были какое-то время в безопасности, пока не появились симптомы у твоего папы. Потом поведение Бриджит стало постепенно меняться.

– Как именно? – спросила Натали. – Какие были первые знаки?

Мама положила шляпку рядом с собой.

– Она с трудом отличала сны от реальности, случившееся – от будущего. Когда она стала на основе этого действовать, да еще и с применением насилия...

Натали знала остальное. От мадам Плурфф до лечебницы. Она гадала, сколько еще женщин в Св. Матурина были пациентками Энара.

– Что насчет папы? – спросила Натали шепотом, вода рукой по

постельному белью.

«Он сойдет с ума?»

«И я?»

– Он использует свои способности, чтобы ухаживать за заболевшими моряками, но незаметно, чтобы люди не догадывались, что он их исцелил.

«Боже мой. Какая скромность». Она полюбила папу еще сильнее.

– Что бы у них ни было, – продолжила мама со вздохом, – он забирает себе небольшую часть. Если это сломанная нога, то у него будет болеть нога. Если лающий кашель, то у него тоже будет кашель. Никогда ничего смертельного, упаси боже. Пациенты Энара страдают, но не умирают от симптомов. При этом ему все равно приходится ограничивать частоту излечений, иначе он сам постоянно болел бы, а себя он исцелить не может.

– Он сможет вылечить твои руки.

– Не полностью. Он не сможет сделать их снова идеальными, – она осмотрела свои руки, лицо ее потемнело от грусти, – но способен забрать боль и помочь им лучше двигаться. Он умеет предотвратить потерю сил, помочь телу стать сильнее, здоровее. Думаю, можно сказать, что он помогает телу вылечить себя.

Натали ощутила прилив гордости, осознавая, что все это на самом деле значит. Ее отец помогал людям лучше врача, лучше кого бы то ни было. И он делал это, несмотря на то что оно временно ухудшало его собственное здоровье.

Она помнила, как часто в детстве он прикасался к ее содранной коленке или целовал в лоб, когда она болела, говоря, что это сделает ее сильнее. Она думала, что папы просто всегда так говорят, что это такая игра, а он ей действительно помогал.

– Это звучит как потрясающий дар. Не понимаю, почему это должно быть семейным секретом или поводом для стыда.

Мама закрыла глаза и снова открыла.

– К скандалу с Энаром прибавились скандалы с его пациентами. Однажды, – она прервалась, качая головой, – толпа промаршировала по Елисейским полям со словами, что пациенты Энара больны или неестественны. «Энар – не бог», – кричали они, а еще: «Вы недочеловеки, а не сверхчеловеки» и кое-что похуже.

Натали свесила ноги с кровати, встала и обняла мать.

Она утаила от мамы некоторые детали и не сомневалась, что та поступила так же. Она все еще обижалась на то, что мама все это скрывала, но это была та обида, которая, как она впервые осознала, может со временем исчезнуть. Злость не приведет ни к чему.

Хрупкое перемирие установилось на остаток дня, усталость просачивалась в трещины. Натали могла доверить маме некоторые секреты, но не все. Пока этого достаточно.

Глава 28

Следующим утром по дороге в морг Натали остановилась у почтового ящика. Когда она увидела летящий почерк Агнес, то ее внутренности превратились в корявые корни дерева. Простила ли ее Агнес? Наверняка она поймет. Но Натали и от Симоны ожидала понимания. Что если Агнес так же неспособна к сочувствию, а то и хуже? Натали не перенесет еще одной ссоры за это лето.

Она засунула письмо в сумку, решив прочитать его потом, когда будет готова.

Это решение продержалось не больше минуты.

Прикусив губу, она прислонилась к стене и достала письмо.

Дорогая Ната,

признаюсь: моя первая реакция была недоброй. Прочитав твое письмо об этом твоём даре, я сразу написала ответ.

Потом я сделала то, что советовала бабушка. Я отложила письмо и пошла спать. Когда проснулась, прочитала снова. Я его разорвала и выбросила.

Неважно, что я там писала, потому что то письмо было эгоистичным и импульсивным; я рассказываю тебе о нём только из чувства вины. Вот те слова, которые действительно отражают мои мысли.

Я не обижаюсь на тебя вовсе, моя дорогая подруга. Такой секрет не просто хранить, но им не просто и делиться. Ты перенесла этим летом столько, сколько все наши одноклассницы вместе взятые, и меня потрясает то, что ты можешь вообще говорить об этом нормально. Я была бы просто клубком печали и нервов. А ты, даже в твоём возрасте, как воплощение одновременно храбрости и стойкости.

В гипноз я не верю – или, скорее, не верила до твоего письма. Сейчас я уже не уверена, что и думать. Полагаю, это не просто дешёвый трюк, как я раньше считала.

Что касается Озаренных, то я знаю, что 2 мои родители как-то сказали. Они осуждают тех, кто участвовал, боюсь, и верят, что его пациентами становились только те, кто считал себя лучше других. Я их мнения не разделяю. Думаешь, твои способности с

ними как-то связаны?

Наша встреча в *Le Canard Curieux* все еще в силе. Это мое последнее письмо, потому что, пока ты его получишь, мы будем уже в двух днях от отъезда. Кроме сбора вещей я планирую потратить время, погрузив руки в землю (папа все еще на этом настаивает) и в тесто (но не одновременно, конечно).

С нетерпением жду нашей встречи. Так здорово читать твои слова, но я хочу их услышать лично. Несмотря на тон наших последних писем, я предрекаю, что мы еще как следует посмеемся. Не все же время нам быть серьезными, даже в сложных обстоятельствах, и я знаю, ты с этим согласишься.

До встречи.

Bisous,

Агнес

Натали шумно выдохнула. «Спасибо тебе за понимание, Агнес».

Она узнала так много о себе и об окружающем мире, что сложно было поверить: отправленное неделю назад письмо уже устарело. Многие уже переменялись.

Она не могла дождаться встречи с Агнес.

В морге ничего не случилось; четвертая жертва все еще лежала на плите. Когда Натали после села в паровой трамвай, брошенная копия *Le Petit Journal* лежала на пустом сиденье рядом с ней.

ЧЕТВЕРТАЯ ЖЕРТВА ОПОЗНАНА КАК УЛИЧНАЯ ПРОСТИТУТКА ШАРЛОТТ БЕНУА

Шарлотт Бенуа. У нее было имя, но ее тело продолжали демонстрировать: ради шоу.

Натали не чувствовала с ней связи, так как не касалась стекла, и теперь она ощущала свою вину за это. Она не думала о ней столько же, сколько об Одетт, безымянной второй жертве и Мирабель.

«Разве не этого ты хотела? Чтобы тебя перестало поглощать безумие Темного художника?»

Теперь она чувствовала себя иначе, узнав имя: Шарлотт. Ощущение было новое, некая смесь с привкусом сожаления, капелькой

неудовлетворенного любопытства, щепоткой облегчения. Может, так она себя и будет чувствовать теперь, когда отдалилась. Или, возможно, это соотношение изменится – больше того, меньше этого, полностью то, совсем без этого – со временем.

А может, Темный художник остановится или его поймают. Ей тогда надо будет обо всем этом подумать. И что станет с ее даром, когда убийства прекратятся? Случится ли это снова? Будет ли она видеть другие убийства? Почему именно *эти*? Есть ли в них что-то особенное, пробудившее ее дар?

«Все это неважно. Я все равно больше не буду использовать эти способности».

Но они казались важными. Она по-прежнему хотела понять как можно больше.

Вскоре, когда передавала месье Патиноду статью, она спросила, есть ли у него пара минут, чтобы продолжить тот разговор.

– С радостью, – сказал он, закрывая дверь офиса. Арианны не было на месте.

– Наверное, мне не стоило бы это рассказывать, но... вы единственный, с кем я сейчас могу поговорить. После всего, что мы тогда обсудили, я не могу это от вас скрывать, – сказала она, кусая губу. Со вздохом она устроилась на стуле напротив его стола и объяснила, что мама получила переливание Энара, но не смогла получить магический дар. Несмотря на чувство вины из-за того, что выдала мамин секрет, она не знала, как поступить иначе. Месье Патинод имел способность отличать правду от лжи и почувствовал бы, если бы было что-то не так.

– Я храню много секретов, Натали. И обещаю никому не рассказывать.

Она посмотрела на месье Патинода, с его не такими уж толстыми сегодня очками, и подумала, как это должно быть сложно: знать всю правду, когда иногда легче принять меньшую ее версию.

Натали кашлянула.

– Я понимаю, что могу никогда не узнать, как и зачем у меня такой дар. И предпочитаю думать, что я получила то, чего не получила мама, а папина магия это как-то усилила. Что бы ни случилось и правильно это или нет, считаю себя одной из вас, Озаренных.

Может, маме и не нравилось это слово, но оно приглянулось Натали. Ей импонировало, что у нее есть выбор: прикоснуться к стеклу или нет – и что она сама может решить, как себя называть.

Он улыбнулся.

– Такова человеческая натура – желать понять. Мы говорили об этом применительно к журналистике – это один из наших основных принципов.

Так что, во-первых, я думаю, что твоя гипотеза отличная. Во-вторых, я бы тоже на твоём месте относил себя к Озаренным.

Натали сняла кепку газетчика, и волосы рассыпались по плечам. Пока она сидела здесь, с месье Патинодом, раскрывая секреты своей сущности, было абсурдно оставаться в образе мальчика.

Затем она задала вопрос, который ее беспокоил еще с момента, когда она увидела тот заголовок.

– Как вы думаете, я неправильно делаю, что отказываюсь от этих видений? Веду себя эгоистично?

– Совсем нет, – тон его был решительным, что ее приободрило. – Нет двух людей с одинаковым даром. Способности, симптомы, что для тебя значит приносить эту магию в мир... Все это очень индивидуально.

Ей пришло в голову, что она не знала, какой побочный эффект, или, как он сам это называл, симптом, испытывал месье Патинод.

– Каково это для вас?

Он подошел к своему столу и сел за него, отодвигая стопку газет.

– Иногда благословение, а порой проклятие.

Так Натали и думала об этом. Она кивнула.

Месье Патинод подвинул очки на переносицу и продолжил:

– Благословение – это ощущение ясности, прорезающееся через любую ерунду в общении с людьми. Но оно же и проклятие. Хочешь – верь, хочешь – нет, но бывают времена, когда проще услышать ложь, чем правду.

Иногда проще услышать, проще сказать.

– И, как тебе известно, – продолжил он, – мы все чем-то жертвуем. В моем случае это потеря зрения разной степени. Оно возвращается, но нестабильно.

Она посмотрела на его очки. Вот почему иногда они казались толстыми, а порой – тонкими. Он и правда носил разные очки в разное время, ей это не мерещилось.

– Вы бы это сделали, если бы знали о проблемах со зрением?

– Я много раз задавал себе этот вопрос, и ответ меняется. Так что перестал спрашивать, – он взял очки за дужку. – Чаще всего думаю, что да.

– Вы сделали много добра со своим даром, как папа. Наверняка это приносит удовлетворение.

– Да, но сам дар – не моя заслуга, – сказал он. – Ты не выбираешь свою способность. Она зависит от того, кто ты на самом деле.

Натали об этом не думала, а как только задумалась, живот ее скрутило. Видеть убийства изнутри?

– Это не очень обнадеживает.

– А должно: узнаешь что-то о себе, о том, что для тебя важно, – он откинулся на спинку стула и скрестил ноги. – У тебя папины глаза и рост, но мамин нос. Никто не может предугадать, какие физические свойства унаследует ребенок. Магия работает примерно так же: некое твое качество, характерное именно для тебя, вплетается в твою способность. Например, правда всегда меня интересовала, а слова – захватывали.

– То есть эти две вещи проявили вашу силу, – сказала она, заинтригованная таким выводом. Что ее видения говорили о ней?

Стук в дверь прервал их.

– Почта, – произнес голос с другой стороны.

Месье Патинод встал из-за стола и открыл дверь. После быстрого, несколько приглушенного разговора он вернулся с пачкой писем.

– Я попросил твою почту тоже, – сказал он и передал ей несколько неважных конвертов, а потом замешкался. Взгляд его на секунду замер на одном из них, прежде чем он показал его.

Неприятно знакомый почерк. Адресовано «Репортеру из морга», на обратном адресе – «Коллега-писатель».

Ее пульс взмыл вверх, как испуганный кот по стволу дерева.

– Можно? – спросил месье Патинод.

– Пожалуйста.

Он распечатал письмо и стал читать вслух.

– Мой дорогой писарь, вижу, что мой подарок оказался для вас весьма вдохновляющим. Bravo за последнее описание моего нового экспоната. Я доволен. Продолжайте обязательно.

Натали показалось, будто по шее сзади пробежал холодный ветерок.

– Он отвратителен.

– Да, – сказал месье Патинод, кивнув, – но его настрой хотя и противный, при этом искренний. Что заставляет меня считать самым безопасным вариантом продолжать делать так, как хочет он.

– Это ужасно. – Одно дело было читать По и совсем другое – писать о настоящих людях и реальных преступлениях, чтобы порадовать убийцу.

Месье Патинод вложил письмо обратно в конверт.

– Я мог бы дать задание...

– Non, – Натали отодвинула стул. Она вынула несколько шпилек из кармана брюк, заколола волосы сзади и снова надела кепку газетчика. – Я журналист. И уже отказалась от видений ради собственного благополучия. Так что не собираюсь отказываться еще и от этого.

Это не было приятным компромиссом, но она могла его принять, пока.

Шли дни, и спокойствие ей внушало решение не прикасаться к стеклу, а силу поддерживали надежные, всегда в поле зрения, полицейские. Обретение некоего контроля принесло ей уверенность.

Без тревоги от видений, потери памяти или вплетения секретов в душу. Она просто будет Натали Боден, анонимным репортером в государственном морге. Не Натали Боден – странной девушкой, впадавшей в зловещий транс, когда Темный художник присылал новую жертву, и чувствовавшей на себе взгляды других посетителей морга.

Правильно?

«Я ощущаю себя в безопасности».

«Я чувствую себя нормальной».

Чтобы отпраздновать первую неделю своей новообретенной свободы, она купила маме цветы у мадам Валуа. Ее радовала мысль, что на этот раз она запомнит их покупку.

Натали внесла букет желтых, розовых и белых маргариток в морг. Она ожидала, что судьба уколется ее иронией и покажет новую жертву, но, к счастью, жестоко убитых девушек на плитах морга не было. Все несчастные мужчины и женщины там (кроме одного человека, следы на шее которого выдавали самоубийство через повешение) выглядели просто как спящие. Их смерти были холодными, жалкими и одинокими – противоположность зрелищности. Легко забыть. Отчасти поэтому Натали считала их такими трагическими.

Через пять дней после появления в морге тела Шарлотт Париж вслух стал гадать, не остановился ли убийца. Хотя у него был перерыв в две недели между вторым и третьим убийствами, аппетит публики был уже подстегнут. Он их поддразнивал, приучил ожидать большего, создал предвкушение. Нельзя было пройти мимо трамвайной остановки, или постоять в очереди в морге, или посидеть в кафе и не услышать, как кто-нибудь рассуждает, будут ли еще убийства. Может, его убили, либо он уехал из города, либо его обнаружили и шантажируют. *Le Petit Journal* спросил: «Темный художник выпустил нож из рук?»

Остановился ли Темный художник или нет, она уж точно остановилась.

Натали посмотрела на Кристофа, который ей вежливо кивнул.

Представляя встречу с Кристофом и обсуждение других тем, не смерти, не видений и не магии, она улыбалась. Она хотела поговорить с ним, действительно поговорить и собиралась с духом, чтобы пригласить его на кофе с пирожным.

Да, она сделала правильный выбор и была готова к новым, радостным

событиям.

Жизнь должна наладиться – и наверняка наладится.

Глава 29

На следующий день Натали вошла в торговую галерею и остановилась, чтобы глаза привыкли. Как бы ни нравилось ей снаружи, пройти по людному пассажи со сводчатым стеклянным потолком и гранитовым полом было так же занято. Скопление магазинов и ресторанов по обеим сторонам будто привнесло бульвар внутрь, и Натали это казалось отличной идеей.

Она гуляла по галерее, прошла под декоративным кованым указателем, изгибавшимся над головой. Где-то между канцелярской лавкой и парфюмерной она остановилась. Люди сновали туда-сюда, но что-то было не так.

Кто-то следил за ней?

Она повернулась и увидела своего полицейского на привычном расстоянии. Никто не останавливался и не притворялся, что смотрит в другую сторону; все выглядело повседневно. (Если уж на то пошло, люди были раздражены, что она застряла на ходу.) Осмотрев все лица в поле своего зрения, она заключила, что ошиблась. Должно быть, это сочетание полицейского сопровождения и замкнутого, людного пространства.

Покачав головой, Натали отправилась дальше по проходу. Когда она приблизилась к Le Canard Curieux, Агнес подошла с другой стороны. Ей захотелось побежать и сгрести миниатюрную Агнес в объятия.

Они встретились у входа, журча приветствиями, объятиями и поцелуями. Официант усадил их внутри ресторана и предложил меню.

– Ты выглядишь такой отдохнувшей! – сказала Натали. – Если бы лето было шестнадцатилетней парижанкой, оно бы выглядело точно как ты.

Светло-каштановые волосы Агнес посветлели за лето, а персиковая кожа была на несколько тонов более загорелой. Ее ясные голубые глаза сияли ярко, а розовое хлопковое платье с белыми пионами идеально дополняло летний образ. Натали внезапно осознала, что у нее волосы были неухоженными, а щеки обгорели.

– Спасибо, – сказала Агнес, сияя. – А это твое платье просто божественно. Мне нравится желтый, но особенно нравится вышивка бусинами. Если бы ты не была настолько выше меня, я бы попросила его поносить.

Натали сделала себе мысленную заметку: попросить маму показать ей, как сшить похожее платье для Агнес. Если она поработает над ним пару

месяцев, то как раз сможет подарить ей на Рождество.

– Я тебе кое-что привезла, – взволнованно сказала Агнес.

– О! – Глаза Натали загорелись. – Те сладости со вкусом фиалки?

Лицо Агнес потемнело.

– Я собиралась привезти тебе две вещи. Эта должна была быть первой. Но этот плут Роже залез в мою сумку и вытащил конфеты, которые я купила тебе.

– Он хорошо справляется с ролью раздражающего младшего брата, не так ли?

– Слишком хорошо. – Подруга закатила глаза. – Повезло, что твой несъедобный подарок в порядке.

Агнес достала из сумки зелено-голубую банку, похожую на те, что мама использовала для варенья, и передала ее Натали.

– Так как ты не смогла приехать на пляж, я привезла пляж к тебе.

– И мне даже не нужна шляпа! Отлично, потому что они неудобные, – сказала Натали со смехом.

Внутри банки был песок с ракушками. Она вытащила три красновато-золотые ракушки, еще не успевшие поблекнуть на солнце, и пробежалась пальцами по их тонким краям.

– Какие истории они могли бы рассказать! – Она взяла щепотку песка и дала ему просочиться сквозь пальцы. Это не был крупный парижский песок с камешками. Этот был мельче, с оттенками цвета, сложнее.

Официант прервал их, чтобы принять заказ. Ни одна из них не успела посмотреть в меню, так что выбор был сделан поспешно: крок-мадам для обеих – и не успел официант еще отойти, как они возобновили разговор.

Агнес склонилась ниже.

– У нас был семейный пикник на пляже в Довиле. Что звучит привлекательно, но песок тебе попадает в еду, несмотря ни на что. – Она протерла пустую тарелку в качестве демонстрации. – Я зачерпнула его у края пледа.

– Спасибо, Агнес. – Натали была тронута тем, что Агнес постаралась принести ей частичку отдыха, которым они должны были наслаждаться вместе. – Это много значит.

– Не благодари сильно. Это просто временный подарок. Через год тебе его придется вернуть.

Натали подняла брови.

– Не мне. Пляжу. Я хочу, чтобы ты привезла его с собой, когда мы поедем следующим летом. Сможешь высыпать его на пляже и собрать свой! – она залилась своим «смехом Агнес», который звенел как

драгоценные камушки в винном бокале.

Натали улыбнулась. Она не знала, получится ли следующим летом поехать с Агнес; это будет зависеть от маминой способности работать, от денег и еще много от чего. Но она не хотела бы, чтобы Агнес сомневалась даже секунду.

– Это чудесная идея. Обещаю сделать именно так.

Официант вскоре принес их заказ. Ветчина и сыр на масляном, пышном хлебе были свежими и ароматными, а яйцо сверху – приготовлено идеально. Пока они ели, разговор свернул с беззаботной болтовни об однодневной влюбленности Агнес в парня из Руана на тяжелую тему видений Натали, Темного художника и Озаренных. Натали еще раз попросила прощения за то, что скрывала это от Агнес, и искупила вину тем, что рассказала ей все случившееся с самого первого прикосновения к стеклу.

– Это благословение, Натали, – сказала Агнес с восхищением в голосе. – Для меня не играет роли, как ты обрела этот дар. И не беспокойся: я ни за что не расскажу об этом родителям. Я не разделяю их мнения об Озаренных, как ты уже поняла. Твоя сила невероятна. Она имеет значение. Ты и так уже делаешь много хорошего как журналист. А теперь сможешь использовать для дела и свой дар.

– Ты ко мне чересчур добра, – сказала Натали, краснея. – Впрочем, я отказалась от своего дара. И ты сама знаешь, как все было с этими экспериментами Энара. Иногда магические способности со временем слабеют или меняются.

Агнес покачала головой.

– Он еще на месте. Если хочешь его, нуждаешься в нем, то можешь до него дотянуться. Он так быстро стал частью тебя, что я готова поспорить: он с тобой навсегда, – она заправила волосы за ухо, пока молчала. – Это твоя сущность, даже если ты не используешь его. Как цветок, который исчезает в земле на зиму. Он остается цветком.

Натали никогда не думала об этом так. Аналогия была милой и приятной, как и ее дружба с Агнес.

Они провели остаток дня вместе, даже сходили в морг. (Кристоф был там и помахал ей, так что Натали, конечно, призналась Агнес, что он ей нравится. «Чего ты тогда ждешь?» – спросила Агнес.) После морга они съели на двоих булочку с шоколадом в Café Maxime, по своему обычаю. Агнес была в таком прекрасном настроении, что стала напевать. У нее был голос певчей птички, и она состояла в хоре собора Парижской Богоматери, но сейчас пела не церковную музыку. Нет, Агнес игриво напевала

французские народные песни, заставила Натали присоединиться, а людей за соседним столиком – подпевать. Вскоре половина кафе уже пела и смеялась.

Натали вбирала в себя окружавшую ее радость, желая, чтобы это длилось вечно. Это был ее лучший день за долгое время.

Они договорились встретиться снова в Le Canard Curieux через неделю. Симона пропала из виду, но Агнес была здесь, и Натали ценила ее компанию больше чем когда-либо.

И у нее есть почти год, чтобы убедить маму отпустить ее на месяц на побережье Нормандии следующим летом. В конце концов, у нее есть миссия. Она должна вернуть песок морю.

Спустя несколько дней, после визита в морг, Натали прогуливалась к Сене. Она стояла на близлежащем мосту Архиепархии и смотрела, как лодки проплывают под ним.

– Добрый день, мадемуазель Боден.

Ее любимый голос этим летом.

– Здравствуй, Кристоф. – Она обернулась, надеясь, что он не заметит ее румянца на ярком солнце. – Вышел подышать свежим воздухом?

– Уж посвежее, чем трупы. – Он оперся локтями о перила. Теперь они вместе смотрели на реку. – Вижу, твой сопровождающий неподалеку. Полагаю, все идет хорошо?

– Да, – сказала она, поглядывая на его красивый профиль. – Обо мне так никто еще не заботился. Я польщена.

Кристоф раздвинул руки шире на перилах.

– Это часть нашей работы, особенно во времена повышенной бдительности. Что важнее, так это то, что... ты мне напоминаешь одного близкого человека: любознательностью и умом.

– Правда? – Тело Натали защекотало в предвкушении. Она хотела положить свою руку на его, но не стала. – Кого?

– Мою сестру. Я стал полицейским из-за нее, – сказал он. – Ее муж приходил домой пьяным и часто бил ее. Однажды он вытолкнул ее из окна, и...

Можно было не продолжать.

– Мне так жаль. Я... я даже подумать не могла, – ей было жаль его, и теперь она чувствовала себя глупо. – Парижу очень повезло, что ты его защищаешь.

Он легонько улыбнулся.

– Как умею. Это самая зловещая серия преступлений, что я только

видел, и непредсказуемая. Нет закономерности в том, как или почему Темный художник их выбирает. Как минимум двое работают целыми днями, пытаюсь понять, что объединяет всех этих девушек, и все еще нет четкого ответа, – сказал он, переступая с ноги на ногу. – Моя невеста уехала с семьей в Америку на лето. Хотя я по ней скучаю, но рад, что она сейчас не в Париже.

Натали поняла, что вцепилась в перила.

– Невеста?

– А, да. Разве я о ней не рассказывал? Я сделал ей предложение незадолго до их отъезда, в мае.

Несколько чувств охватило ее, кружась в кадрили вокруг ее сердца. Жалость к Кристофу, печаль по его сестре, восхищение его чистым сердцем, а также смущение, что оно принадлежит не ей, не в этом смысле, несмотря на глубоко скрытую надежду на это.

– Нет, не рассказывал. – Натали сосредоточилась на реке. – Как это, наверное, волнительно.

Он еще что-то добавил, но она его уже не слышала. Заметив слезы в ее глазах, она сказала бы, что это от солнца. К счастью, к нему подошел знакомый, дав ей шанс уйти без объяснений.

Морг всегда выглядел поразительным, жутким калейдоскопом смертей: насильственных и естественных. Но само место было очень тихим, находясь между церковью и пустым рестораном. Люди глазели на трупы, не пряча выражения ужаса на лице, и зачастую замолкали. Иногда они ахали или молились; иногда шептали что-то своим спутникам или близстоящему незнакомцу. В целом, впрочем, морг был местом задумчивости и уважения, и громким звукам там было не место.

Но не в этот день.

Через восемь дней после идентификации четвертой жертвы, Шарлотт Бенуа, и через шесть дней после того, как ее тело убрали с глаз публики, морг огласился рыданиями. Комната была набита битком, и Натали никак не могла увидеть тела.

Впрочем, она увидела спину женщины: маминого возраста, крепкого сложения, в шляпе. Та стояла у витрины, спрятав лицо в ладонях.

Мадам Жалбер?

Ее разум стал формулировать вопросы о том, почему и как так могло совпасть, но руки ее, будто одержимые собственной волей, растолкали толпу. Она не потрудилась извиниться, потому что, когда пробилась к стеклу, часть ее души раскрошилась.

Там, на плите, с желтушным стариком по одну сторону и беззубой женщиной – по другую, лежала девушка с выгоревшими на солнце волосами, пустым взглядом голубых глаз и нежными руками, которые никогда больше не напишут ни слова.

Тело красавицы.

Агнес.

Глава 30

Нет, это был сон.

Один за другим ей снились кошмары о морге.

Это был просто сон. Худший из всех, но сон. Или какая-то иллюзия. Натали видела ее всего пару дней назад. Агнес была такой живой. Такой Агнес.

Затем она услышала всхлипывания мадам Жалбер. Отец Агнес вышел из-за двери с Медузой и обнял свою жену. Затем они, крепко прижавшись друг к другу, стали смотреть на свою мертвую дочь.

Это было правдой.

Натали посмотрела на свои ладони. Она их не чувствовала. Ничего не чувствовала. Ее внутренности растаяли, а тело обрушилось под собственным весом, и она стекла на пол морга как жидкость.

Только когда чья-то сумка задела ее локоть, Натали снова стала человеком из плоти и крови.

Она сразу же отвела взгляд от Агнес, но сейчас заставила себя посмотреть на нее снова. Сердце застряло у нее в горле, и она заметила тошнотворные детали, что у Агнес, как и у других, были ножевые раны на лице, рана на виске, как у убитой Мирабель Грегуар, и еще кое-кто, чего Темный художник раньше не делал: два надреза поперек живота.

Отец Агнес повел жену к выходу. Натали не знала, пойти ли за ними или дать им уединиться. Она помедлила, а потом выбрала утешение, хотя у нее не было голоса, не было слов, чтобы признать, что это действительно произошло.

Она только шагнула к ним, как мадам Жалбер вырвалась из рук мужа. Она рванулась к витрине, бросилась на нее с глухим стуком и заголосила.

– Моя малышка! – Она стукнула несколько раз по стеклу, каждый удар был слабее предыдущего. С отчаянием в голосе она прислонилась к стеклу, будто это было ухом мертвых. – Ты все еще прекрасна, Агнес.

Натали почувствовала изжогу.

«Я должна. У меня нет выбора».

Отец Агнес приблизился к своей жене, нежно отводя ее от витрины. Кристоф появился в комнате в сопровождении двух мужчин. Один нес простыню, другой – носилки.

– Non! Не забирайте ее! Нет! – кричала мадам Жалбер, по лицу ее струились слезы.

«Ради Агнес».

Кристоф положил руку на шторку, чтобы задвинуть ее.

«Это благословение, Натали».

– Почему? – кричала мать Агнес. – Почему моя девочка?

Натали сделала единственное, что могла. Она притронулась к стеклу.

В этот раз что-то изменилось.

Видение не происходило обратным ходом, и оно не было беззвучным, как ранее. Все разыгрывалось как на театральной сцене, затягивая Натали глубже, чем когда-либо до этого.

Она чувствовала то, что чувствовали его руки.

Дышала его дыханием.

Агнес выглядела сонной, будто теряла сознание и только приходила в себя.

– Где я? – она пошевелила губами. Натали не слышала звука.

– В безопасности. Ты упала, когда выходила из экипажа. Ничего серьезного. – Это она уже услышала: собственным голосом Темного художника, четко и ясно. Своими ушами.

Агнес помотала головой, не понимая, что происходит.

– Я не помню. – Снова беззвучно.

Она пошевелилась, пытаясь встать, но он толкнул ее обратно за плечи. Страх мелькнул в ее глазах, будто она была зверем в клетке. Она закричала так сильно, что на шее пульсировала вена, но звука не было слышно.

Темный художник сел на нее сверху, прижимая ее запястья левой рукой. Слезы струились по ее щекам, смешиваясь с кровью, которая шла изо рта.

Темный художник прижал одну руку в белой перчатке к ее шее и потянулся другой за чем-то позади себя. Обратно в поле зрения рука вернулась уже с ножом.

– Нет! – пошевелила она губами, мотая головой.

Темный художник хихикнул.

– Да, конечно!

Он вонзил лезвие в горло Агнес, и Натали очутилась в настоящем моменте.

Ее сильно тошнило. Шторку за стеклом задернули. Она прислонилась к стеклу и поискала глазами родителей Агнес. Они ушли.

– Агнес, – произнесла она имя подруги, теперь труп. Она постучала по стеклу, будто могла пробудить Агнес, просто спрыгнуть с плиты и уйти с ней.

Натали стало трясти. Она будто стояла обнаженной на улице зимой.

Никто не обращал на нее внимания. Остальная публика тесно сбилась, этих незнакомцев объединяло то, что они вместе наблюдали драматичную реакцию матери Агнес.

Натали аккуратно дышала, пока пульс, стучавший в ее шее, не успокоился. Вопросы колотили ее изнутри. Почему эта сцена не была обратным ходом? Почему она слышала Темного художника, а не Агнес? Было ли это видение другим потому, что это Агнес?

Агнес, ее красивая подруга, которая провела лето у моря, в кухне, в тепле бабушкиного дома.

А закончила его в морге.

Натали все еще была слишком потрясена, чтобы заплакать, и она боялась, что если расплачется, то не сможет остановиться.

Она смотрела через стекло морга, изучая остальные одиннадцать тел, но Агнес стояла у нее перед глазами.

«Я найду его ради тебя, Агнес. Найду его и отдам правосудию».

Она подошла к деревянной двери с Медузой и постучала. Один из зрителей впустил ее, закрывая за ней дверь. Она как раз собиралась объяснить, что у нее дело к Кристофу, как он вышел из комнаты, снимая перчатки.

«Он только что осматривал тело Агнес?»

– Это моя подруга, Агнес Жалбер.

Кристоф показал на комнату, откуда только что вышел.

– Эта... жертва?

Она кивнула, потому что потеряла дар речи. Казалось, что в горле застряла губка, распухшая от слез, которыми она плакала внутри себя.

– О боже, я... – Он замолчал, несколько раз начиная что-то говорить и каждый раз прерываясь. Затем он прокашлялся. – Мне так жаль, Натали. Поговорим в моем кабинете?

Она снова кивнула. Губка все еще была очень плотной и не пропускала слова.

Ее путь по коридору в этот раз так отличался от первого, в день ее первого видения. Тогда она была так заморожена закулисным устройством морга, заинтригована каждым видом и звуком, поглощая каждую деталь его патологической стерильности. Все это осталось на периферии, и с учетом всего произошедшего с тех пор она чувствовала себя почти глупой из-за того, что однажды так думала. Теперь ее жизнь полностью состояла из смерти.

Ничего, кроме смерти.

«Агнес мертва».

– Агнес мертва.

Вот и все. Сказанные вслух, эти два слова прорвали плотину слез.

Она не хотела плакать на глазах у Кристофа, но не смогла сдержаться. Все в ней просто полилось мощным потоком. Он помог ей присесть на стул и подвинул свой поближе. Она взяла предложенный им платок и вымочила его в своих слезах. Она плакала, плечи ее тряслись, а Кристоф похлопывал ее по руке.

Она собралась ровно настолько, чтобы рассказать Кристофу про Агнес: об их недавней встрече, о своем визите в морг, о решении прикоснуться к витрине и о том, что она увидела.

«Могла бы я помочь поймать Темного художника? Могла бы я *спасти* Агнес?» – эти вопросы повисали в воздухе как туман; она не ожидала от Кристофа ответа. Ответить на них было невозможно.

– Я сделаю все возможное для его поимки. Я хочу посмотреть, как он будет шагать к гильотине.

Сила в ее голосе, который лишь недавно срывался, удивил даже ее саму.

– Я понимаю, – сказал он, и все в нем, от глаз до тона речи и позы на стуле, выражало сочувствие. – Это самоотверженный, осязаемый способ почтить жизнь Агнес. Если устанешь от этого снова, то это тоже нормально. Как пожелаешь, Натали. Можешь прийти ко мне в любой момент за помощью или... или поговорить. И, конечно, мы оставим твой патруль в силе, несмотря ни на что.

Она поблагодарила его и замолчала. Это не было приятным молчанием. Надоедливые мысли, которые она сдерживала, использовали момент тишины, чтобы прорваться на поверхность.

Убил ли Темный художник Агнес из-за Натали или, может, вместо нее?

Вопрос был у Натали на языке, но она вернула его обратно. Нет, она не хочет произносить это вслух. Кристоф знал, что такой вопрос у нее был; он и сам им задавался. Иначе он не сказал бы то, что сказал о ее защите.

Она поблагодарила его за доброту и уверила снова, что будет продолжать помогать. Он провел ее обратно и попросил быть осторожной, как в день их первой встречи. Она уже собралась уходить, как Кристоф положил руку на ее плечо.

Натали повернулась к нему лицом, удивленная этим жестом.

– Я... Мне очень жаль Агнес, – сказал он. Кристоф нерешительно вытянул руки и обнял ее сильными, но нежными руками.

Момент этот был краток, но она держала его в памяти как

драгоценный подарок. Она надеялась, что это сохранится, какое бы воспоминание ни было забрано из ее памяти об этом ужасном дне.

Глава 31

В последующие дни несколько волн эмоций захлестывали Натали, как наступающие армии, ряд за рядом. Они оставляли за собой изрытую землю, уставшую от войны душу, изменившуюся навсегда.

И когда они проходили, эти волны грусти, злости, отрицания и вины, они исчезали в никуда. Помимо этих насыщенных чувств параллельно существовала и пустота.

Все или ничего. Шум или тишина.

Пик этой ужасной дихотомии пришелся на прощание с Агнес, когда Натали погружалась глубоко в себя несколько раз.

Квартира Жалберов бурлила черными одеждами. Люди входили и выходили, вытягивали черные кружевные платки и плакали, приносили еду. Шепотки наполняли воздух, как шелест крыльев тысячи птиц.

Натали не обращала ни на что внимания. Она не говорила ни с кем, даже с мамой, когда они стояли в гостиной. Она не отводила взгляда от Агнес, которая лежала в белом шелковом платье, отделанном изящным кружевом. Натали испытала облегчение, когда увидела посмертную маску, отлитую в воске в морге. Никаких порезов, никаких синяков, не изуродована. Она умерла достойно и каким-то образом, несмотря на то, что случилось с ее телом, красиво.

Те, кто не знал, что ее зарезали, могли подумать, что она умерла во сне.

Рой «если бы» носился в голове Натали. Если бы Агнес провела эту ночь со своей кухней Мари, как планировала. Если бы Мари не заболела во время концерта, на который они вместе ходили, и не вернулась бы к себе домой. Если бы Агнес не решила побыть у Мари и вернуться домой этим вечером. Если бы она добралась до дома.

Конечно, ее кухня была здесь, в комнате. Натали не хотела знать, которая из насупленных девушек, выстроившихся вдоль стен, была Мари.

Натали с матерью приблизились к мадам и месье Жалбер, укутанным в черную шерсть и креп, и сказали все, что положено говорить людям в неопикуемой скорби. Роже стоял рядом с ними с большой серьезностью, посматривая на труп сестры. Его черная одежда заставляла светлые, почти белые, волосы и бледный цвет лица выглядеть пустыми, почти призрачными.

Она решила не рассказывать Жалберам о своем видении ни сейчас, ни

когда-либо в будущем. Не было никакого смысла признаться в этом или сказать, что она видела момент смерти Агнес либо что смотрела на нее глазами сделавшего это чудовища.

Выразив соболезнования, Натали с матерью приблизились к гробу. Мама встала на колени, чтобы прочитать молитву. Натали сделала то же самое, и после того, как помолилась, мысленно обратилась к Агнес. Она много раз уже это делала после того, как увидела ее в морге, и, возможно, сохранит эту привычку навсегда. Похороны будут в сотнях километров отсюда, в соборе Байе, а захоронение – во дворе бабушки Агнес. Так что сейчас она в последний раз видела Агнес перед тем, как та превратится в воспоминание.

«Моя Агнес.

Я совершила это над тобой. Не прощай меня, потому что я сама себя не прощу никогда. Обещаю, что буду искать справедливости для тебя и никогда больше не отказываться от своего дара. Все, что к нему прилагается, и штраф, который плачу,.. я получаю за свою вину».

Она поймала взгляд Роже, который быстро моргал и изо всех сил старался не плакать. «Я обещаю присматривать за Роже».

Натали встала и прикоснулась к холодным ладоням Агнес, сложенным в молитвенном жесте. «Спасибо тебе за все».

Мама встретилась с ней глазами, и Натали ответила кивком. Они направились к выходу из полной людей квартиры, как вдруг кто-то дотронулся до ее плеча.

Симона.

Она стояла в платье из черного кружева, которое идеально облегло ее силуэт, и благоухала розовой водой.

Как же Натали скучала по этому аромату!

– Мне так жаль, – сказала Симона. Луи стоял рядом с ней и мрачно повторил те же слова.

– Я... я... Спасибо, – она сглотнула слезы. Это уже слишком: Симона, здесь и сейчас. – Спасибо вам обеим.

Боясь разрыдаться и выставить себя дурой, она резко отвернулась. Мама не видела, что она остановилась, и уже вышла за дверь.

– Я буду присматривать за Селестой завтра днем, – крикнула ей в спину Симона. – Пожалуйста... пожалуйста, заходи.

Натали прикусила щеку и снова повернулась лицом к Симоне.

– Зайду.

На следующий день, после обеда, Натали постучала в дверь квартиры

Маршанов. Она опустила руку в карман платья, но земли из катакомб там не было – так она делала уже который раз за последние дни. Она решила сходить завтра в катакомбы за новой горсткой. Ей нужно успокоиться любым возможным способом, даже если это наполненная землей склянка.

Симона открыла дверь быстро, даже слишком быстро, будто ждала, держа ладонь на дверной ручке. Глаза ее были тусклы, а слабой приветственной улыбке недоставало Симониной искры.

Натали не была готова к состоянию квартиры, когда вошла. Немытая посуда, разбросанная по стульям и дивану одежда, валяющиеся бумаги – и все это в доме, обычно прибранном чище, чем ее собственный. Свечи горели перед небольшим изображением страдающего Христа и еще одним – Богородицы с нимбом. Темное настроение висело в воздухе, скорбь, смешанная со страхом и угасающей надеждой.

Дверь в комнату Селесты, которую раньше с ней делила Симона, была приоткрыта. Натали слышала хриплое, размеренное дыхание спящего там ребенка.

– Мне так жаль Селесту. Мама сказала, что ей даже хуже, чем раньше.

– Оці, – сказала Симона ровным тоном. Она села на обитый гобеленовой тканью стул, подвинув свернутую в рулон блузку. – Какое-то время ей становилось лучше, потом – снова хуже, затем опять лучше. Сейчас только хуже и хуже. Доктор приходит каждый день, но нам, наверное, придется отвезти ее в больницу.

Натали сидела в центре дивана, не прямо рядом со стулом Симоны, но и не так далеко.

– Я молюсь за нее каждый вечер.

– Спасибо, – сказала Симона.

Неясное молчание повисло между ними. Минуты шли.

А может, лишь секунды.

Натали сплела пальцы, изучая их, крутя друг вокруг друга.

– Итак, – начала Симона, – Агнес. Я... даже не знаю, с чего начать. Я ее не очень хорошо знала, а теперь ее лицо стоит у меня перед глазами, стоит мне закрыть веки.

Натали сглотнула.

– У меня тоже.

– Как только я услышала об Агнес, поняла, какой глупой была наша ссора... И мне стыдно, что это продолжалось так долго.

– Согласна. – Натали не могла заставить себя поднять глаза на Симону, потому что боялась расплакаться. Она и так плакала слишком много за последние дни. Она смотрела прямо перед собой. – Я не дотрагивалась до

стекла ради Шарлотт. Мне нужно было проветрить голову. Но ради Агнес... – голос ее сорвался.

Симона села с ней рядом и обняла, а Натали склонила голову на ее плечо. Они помолчали. Молчание это было уютным. Когда Натали почувствовала, что собралась с силами, она рассказала Симоне все, что случилось, начиная с проведенного вместе с Агнес дня до видения в морге и разговора с Кристофом после него.

– Так много изменилось этим летом, – сказала Натали.

Симона расплела кончик своей косы и стала заново заплетать светлые пряди.

– По крайней мере, я – это все еще я, а ты – все еще ты. Мы вместе выросли и по-прежнему вместе растем.

– И когда это закончится?

– Надеюсь, никогда.

Натали покачала головой.

– Если нам будет по шестьдесят лет и ты продолжишь работать в кабаре, а я – одеваться как мальчишка-посыльный, то это может стать проблемой.

Они посмеялись вместе, возможно, громче, чем шутка того заслуживала.

Это было приятно.

– Луи рассказывал тебе, как случайно меня встретил?

Симона кивнула.

– Когда ты шла к гипнотизеру, что... как *это* было?

Когда Натали объяснила, что Симона, вообще-то, была «вместе» с Натали во время ее полугипноза, Симона остолбенела.

Невысказанная бережность обрамляла время их примирения так, как робкий пианист боится в полную силу играть Моцарта или Шопена, когда делает это впервые. Каждое предложение сближало их.

В конце концов они обе рассказали друг другу, что случилось с момента их ссоры в музее Гревен, – эта размолвка, хоть и длилась всего несколько недель, казалась такой же долгой, как одна из папиных морских экспедиций. Чем больше они говорили, тем легче становилось. В какой-то момент Селеста проснулась, и Симона спела им с Натали глупую песенку про тигра и щенка, которую узнала из нового представления в Le Chat Noir.

Селеста приподнялась и захихикала.

– Научишь меня ее петь?

– И меня, – добавила Натали. – Я буду петь Стэнли. Уверена, что он будет рад послушать про тигров и щенят.

Симона рассмеялась.

– Ради моей сестры и кота моей лучшей подруги? Конечно же.

Пока она разучивала с ними слова песенки, вина схватила Натали, как судорога. Растерзанное тело Агнес везли в Байе, чтобы предать земле, а они здесь учили глупые песни. Это же неправильно?

Может, и неправильно. А возможно, это просто способ пережить случившееся и вспомнить, хотя бы на несколько мимолетных секунд, какова нормальная жизнь.

Глава 32

Она не писала репортаж из морга в день, когда там была Агнес. Кристоф отправил весточку месье Патиноду, и Кируак замещал ее в тот день. Она все еще не прочитала эту статью.

Ей с трудом давалось написание последующих репортажей из морга, и путь до *Le Petit Journal* теперь казался бесконечным. Возможно, из-за ее настороженности. Даже с полицейским сопровождением она осознала, что изучает лицо каждого встречного мужчины, которого только можно рассмотреть, думая, не он ли тот, кто забрал у нее Агнес. И она все запускала руку в карман, ища склянку с землей из катакомб, которой не было.

На следующий день после их прочувствованного разговора с Симоной она занесла свою статью и осмотрела почтовую комнату в поисках маленькой коробочки. И нашла одну с крышкой. В точности то, что нужно.

Когда она вернулась на улицу, там была суматоха вокруг столкновения экипажей. Зеваки наводнили улицу, включая остановку парового трамвая. Натали прошла несколько кварталов до другой остановки и уточнила у мужчины, похожего на профессора, что маршрут проходил через площадь Данфер-Рошро.

Тридцать минут спустя она вышла на остановке рядом со скульптурой Бельфорского льва, которая ей нравилась (прежде всего потому, что это был лев, но как символ французского сопротивления немецкой блокаде он тоже впечатлял). Очереди на вход в катакомбы не было, и она надеялась, что туристов внутри не будет тоже.

Не то чтобы она заметила обратное, пока не приблизилась бы на близкое расстояние к группе. Подземные склепы Парижа, полные костей, оставленных душами столетия назад, являлись местом захоронения шести миллионов. Папа говорил, что можно было дойти от Парижа до Германии, если вытянуть тоннели один за другим в прямую линию.

Один шаг на витую лестницу вниз, в катакомбы, один вдох затхлого, влажного воздуха, который звенел смертью, и Натали будто перенеслась назад на много лет, к тому первому разу, когда она попала в подземный склеп.

Папа ее привел. Они с мамой долго не соглашались, несмотря на ее непрерывные просьбы на протяжении многих месяцев. Но когда Жюльетт Лавинь похвасталась, что уже побывала там, Натали было необходимо

пойти. (Жюльетт хвалилась тем, как делала необычные «взрослые» вещи, и когда она на следующий год перешла в другую школу, Натали испытала одновременно и облегчение, и сожаление, что теряет достойную соперницу.) Дело было не только в зависти, но еще и в том, и даже, скорее, в том, какие истории она читала и слышала в школе: о бродячих духах, танцующих скелетах и, по рассказам Симоны, которая там была дважды до Натали, о проклятиях, которые навлекали на себя те, кто прошел по некоему особому маршруту внутри катакомб.

Натали просто обязана была это увидеть собственными глазами.

Она просила разными способами, много раз. Наконец, когда это уже почти превратилось в игру, потому что она ожидала отказа, папа сдался. «На мой день рождения, папочка. Мне уже восемь. Я больше не маленькая». Это сработало.

К удивлению Натали, мама тоже не возражала.

Так что на ее восьмой день рождения они отправились в катакомбы, только она и папа. Она была очень горда и входила туда практически вприпрыжку.

Темнота внутри катакомб была гуще и чернее, чем она могла себе представить. Свечи, закрепленные на стенах, освещали лишь краткие участки пути, но у папы была в руках керосиновая лампа, и он шел вперед уверенно, сворачивая на узкие неосвещенные дорожки. Она следовала в нескольких метрах за ним.

Вдоль стен рядами были сложены кости: черепа, конечности, ребра, бедра – все складывалось в причудливые формы и узоры. Она взяла горсть земли с пола около кучи черепов и положила в кармашек. Что было запрещено, как гласили установленные в Париже каким-то взрослым правила «не трогать то» и «не трогать это». Она сделала это втайне от папы.

Каждый сантиметр от пола до потолка. Больше костей, чем она могла сосчитать, комната за комнатой. Отель для мертвецов.

Зловещая атмосфера ее завораживала.

Поначалу.

Через некоторое время она приблизилась, потом еще и вскоре шла так близко, что наступила папе на пятки. Он споткнулся, и лампа отлетела прочь, осветив группу целых скелетов, выстроившихся в ряд, как зрители на представлении. Затем папа встал на ноги, а скелеты исчезли в темноте.

– Ma bichette, держись за меня.

Наугад она потянулась к его ладони и ощутила облегчение, когда ее маленькие пальчики обхватили его сильную, мозолистую руку.

Потом она услышала голоса в проходах между склепами. Они говорили на другом языке – вероятно, испанском – и были, скорее всего, туристами.

«Что если это привидения?»

Воображение Натали никак не хотело после этого успокаиваться, просто не могло. «Миллионы скелетов сложены здесь. Конечно, это место кишит привидениями. Глупо было бы думать иначе».

Даже несмотря на папину уверенную руку, сжимавшую ее, она не доверяла этим катакомбам. Наверняка привидения повсюду. *Повсюду!* Они почувствуют ее страх и утащат от папы на одну из темных извилистых тропинок, откуда никто никогда не возвращался, и...

Она остановилась как вкопанная, будто ее шнурки привязали к полу.

Папа повернулся к ней.

– Что такое?

– Я хочу уйти.

– Ты испугалась?

– Нет, но я... я думаю, что мы потерялись. Я не хочу здесь теряться, – она не хотела, чтобы папа думал, что она маленькая.

– Не беспокойся об этом! – он сжал ее ручку. – Я знаю здешние тропинки. Обещаю, мы не потеряемся.

С папой она и правда в безопасности. С ним она всегда в безопасности. Кроме того, он не был испуган, так зачем тогда ей пугаться?

Она положила свободную руку в кармашек и дала зернистой земле просыпаться сквозь пальцы. Спустя пару секунд ее охватило незнакомое ощущение: холод, за ним жар, а потом то, что она находилась вне собственного тела.

Затем что-то случилось с ее сознанием.

Она могла видеть, так ясно, будто это происходило у нее на глазах: как задушили девушку, затем забили старика камнем по голове, застрелили мужчину, как маленький мальчик получил стрелу в грудь, а маленькую девочку столкнули в колодец – картинка за картинкой, одно за другим...

Натали тряхнула головой, чтобы избавиться от воспоминания, и вдохнула прохладный, стоячий воздух катакомб.

Было ли это просто игрой воображения восьмилетнего ребенка, первым проблеском ее дара или сверхъестественным наказанием за то, что она забрала горсть земли?

В тот раз она заплакала и попросила папу вывести ее оттуда. Позже она приукрасила историю перед своими одноклассницами, Симоной, а также самой собой, добавив, какой она была храброй в катакомбах. Правда,

она чувствовала вину за то, что несколько месяцев умоляла папу ее туда отвести, чтобы доказать, что она там не испугается. В тот раз ей не показалось, что она видит человеческие смерти или чувствует зов духов, и с тех пор не казалось больше.

Что она ощутит сегодня?

Достигнув конца лестницы, она услышала голос дюжего полицейского, доносившийся с верхних ступенек, и голоса впереди, в тоннелях. Кажется, на итальянском, похоже на группу с гидом. Натали столкнулась с ними у каменного портала, который вел к захоронениям, отступая в сторону, чтобы те могли выйти. Пока они проходили мимо, она рассмотрела надпись, высеченную на портале.

“Arrête! C’est ici l’empire de la Mort”^[21].

Предупреждающий знак, который больше звучит как приглашение исследовать. Чье любопытство не пробудят «владения Смерти»?

Она несколько минут следовала по главной, освещенной свечами дорожке, глядя направо и налево. Вокруг никого.

Было тихо, слишком тихо.

Тихо как в могиле.

Она повернулась, ища глазами своего полицейского. Он стоял вдали, у портала, опершись обеими руками о трость. Он кивнул. Если глаза ее не обманывали, он при этом еще и ухмыльнулся. Впервые кто-то из полицейских контактировал с ней открыто. Она легонько махнула ему рукой, прежде чем снова повернуться спиной.

Натали поглядела в следующий освещенный проход, уходящий влево. Он был ничем не хуже других.

Она шагнула туда, убирая волосы под кепку. Аккуратные колонны позвонков, разделенные рядом черепов, тянулись вдоль стен. Она сунула руку в сумку за своей коробочкой, найденной в *Le Petit Journal*. Сняв крышку, она опустила ее на колени у стены, сгребла немного земли и пересыпала ее в коробку.

И стала ждать.

И еще немного.

Никаких галлюцинаций, привидений, голосов –вообще ничего. Что бы ни случилось с ней в возрасте восьми лет, это ей либо померещилось, либо было связано с ее способностями. Это не было каким-то проклятием, связанным с землей катакомб.

Она закрыла крышку, проверяя, что она плотно прилегает, и положила

коробку в сумку.

Вскрик.

«Вот оно. Дело и правда в земле. Оставь ее здесь».

Но звук был не от привидения и не из видения, он был настоящим мужским криком.

Еще один вскрик, прерванный.

Она побежала к главному проходу. Худой мужчина в шляпе стоял над полицейским, держа в руках трость. Только теперь у нее на месте ствола было длинное узкое лезвие. Все это время трость была тайным оружием.

Мужчина посмотрел на Натали.

«У него нет лица».

Мужчина бросился к ней.

Она повернула обратно в тоннель, из которого только что выбежала, и понеслась, пока не достигла разделения на три тоннеля. Справа и слева – неосвещенные, прямо – освещенный. Она обернулась через плечо – он еще не завернул за угол.

«Исчезнуть».

Она вбежала в правый, неосвещенный тоннель. Через несколько метров остановилась и развернулась, неслышно шагая спиной вперед по тропинке. Если он последует за ней, то она будет к нему лицом.

Вскоре дорожка сделала изгиб, и развилка скрылась из виду. Шаги громыхали и вдруг перестали: он достиг развилки.

«Это тот же, кто тогда за мной следил. Та же шляпа, та же фигура. Что насчет лица?»

Дрожа, она отступила в темноту, заворачивая за еще один изгиб. Она шла дальше и дальше, пока рука ее не натолкнулась на что-то холодное. Кости? Нет, металл.

Ворота. Запертые.

Она присела, прикусив язык, чтобы не закричать, вся кожа ее была покрыта потом. Она ждала секунды, или минуты, или часы, или дни.

Нет, минуты. Только минуты.

Может, он уже ушел или сдался?

Вдали, у изгиба, появился огонек. Натали сжала кулаки, глядя, как отблески пламени танцуют на стене, пока не показался мужчина со свечой в руке.

– О, здравствуйте.

Глава 33

Лицо у него все-таки было.

Хотя издалека было легко подумать, что не было. Оно было замотано белым шарфом, как у мумии. Прорези для глаз, носа, рта, а больше ничего.

Маскировка.

«Он – Темный художник».

Натали встала и скользнула вправо, прижимаясь к стене из костей. Она завела руку назад, нащупала череп и попробовала вытащить его.

Череп не поддавался.

– Оружие ни к чему, мой дорогой Писарь. Вы все равно не сможете вытащить ничего. Они сложены плотнее, чем в поленнице, – голос его был мягким, почти снисходительным. – Я не причиню вам вреда. Впрочем, у меня есть пара вопросов, – он вставил свечу в настенное крепление, и свет попал на его руку.

Белые перчатки.

Натали вздрогнула, глаза ее метнулись к пространству за его спиной.

«Смогу ли я пробежать мимо него?»

Он перевел взгляд на нее.

– Нет, вы не сможете сбежать. И даже если смогли бы, то спрятаться не сможете. Я вас услышу.

Она уставилась на него. Это не могло быть правдой. Это не мог быть он. Этот мужчина наверняка просто притворялся, он разыгрывал ее, жестоко и ужасно. Полицейский не был мертв. Он просто без сознания. Это все подвох, подстроенный каким-то отвратительным типом, который решил преследовать ее, угрожать ей и надел белые перчатки, чтобы напугать, и...

– Вы – Темный художник? – Страх выпалил слова из горла Натали высоким, злым голосом.

Мужчина прикоснулся к шляпе и слегка поклонился.

– C'est moi^[22].

Внутренности Натали превратились в жидкость. Ее стало колотить, а затем это вырвалось в крик, настолько громкий, насколько позволял ее голос.

– Ты убил мою подругу!

Слова отразились эхом от стен комнаты, от костяных стен и исчезли в темноте.

– Ты убил мою подругу, – повторила она еле слышно. – Мою

красавицу-подругу, которая любила жизнь и дарила эту любовь каждому, кого встречала.

– Она меня тоже сильно впечатлила, – сказал он. – За то краткое время, что я знал ее.

Натали хотела убить его, разрезать на кусочки осколком кости.

– Это была ее идея, а не моя.

– Ее идея? Агнес не просила, чтобы ее убили. Ты сумасшедший.

Отблеск пламени свечи мерцал на его сокрытом лице.

– Нет, я вполне в разуме. К следующей теме. У меня есть вопрос к тебе, вообще даже два.

– У меня пятьдесят вопросов к тебе.

– Очень забавно, Натали.

Ее имя прозвучало жутко в его устах. Она хотела, чтобы оно его задушило, пока выходило.

Он прокашлялся.

– Нечто происходит, когда мои произведения демонстрируются публике, и ты прикасаешься к витрине, впадаешь во что-то вроде транса и произносишь имя жертвы.

Она нахмурилась, готовая все отрицать, но Темный художник ее оборвал:

– Я был там с Одетт, помнишь? Так что скажи-ка мне: что именно происходит?

Натали вытерла потные ладони о брюки и выпрямилась.

– Почему... с чего я вообще что-то буду рассказывать?

С демонстративной небрежностью Темный художник вытащил из кармана сюртука нож и достал его из ножен.

Тот же нож, который являлся ей в видениях.

– Я думала, ты не собирался причинять мне вред.

– Я могу передумать, – он крепко сжал нож и сделал шаг ближе. –

Отвечай на вопросы.

«Отвлекай его разговорами».

Она не сводила глаз с ножа, пока отвечала.

– Да, у меня есть дар.

– Подробнее! – Темный художник переступил с ноги на ногу.

Натали выдохнула, чувствуя себя дальше от реальности, чем когда-либо.

– Я... я вижу части сцены убийства через... через твои глаза.

– Жаль, что *эти* детали нельзя включать в твои репортажи, а? – Его губы раздвинули слои шарфа в ухмылке. – То есть ты не видишь меня, ты

видишь *через* меня. Идеально. Я скрыл свое лицо перед входом в катакомбы на всякий случай. Хотя этот мерзкий полицейский был проблемой. – Он помотал головой.

– Он мертв?

– Вопросы задаю я, – оскалился он, поднимая нож. – Итак, ты выглядишь довольно молодо, так что прости, если я в замешательстве, но ты – одна из нас?

«Нас?»

– Ну, учитывая твой вид, полагаю, будет справедливо сказать, что мы оба в замешательстве, – засмеялся Темный художник. – А я-то подумал, что ты знаешь или догадываешься.

Она стиснула зубы.

– *Озаренные*, – сказал он драматическим шепотом.

«Что?» Она еще плотнее прижалась спиной и руками к стене черепов.

Темный художник усмехнулся.

– У меня непревзойденный слух благодаря доктору Энару. Мои родители оба были глухими, так что в детстве мне приходилось слушать за троих. Великолепно закольцовано, не так ли?

Натали не ответила.

– Слух мне особенно пригодился сегодня, – продолжил он. – Я слышал, как ты спросила того мужчину на остановке, идет ли трамвай до площади Данфер-Рошро, на расстоянии квартала. – Он крутил в пальцах рукоятку ножа с потусторонним изяществом. – Я тебя слушал какое-то время, пытался тебя застать одну. Однажды у меня почти получилось, если бы я не был таким неуклюжим, я поймал бы тебя до того, как ты впрыгнула в тот экипаж.

Она подавила вскрик. «Я так и знала».

– После этого я стал намного осторожнее, – продолжил он. – Ты меня почти не замечала, хотя была близка к этому в торговой галерее, но какая теперь разница? Это было непросто. Эти чертовы полицейские и эти чертовы общественные места со всеми этими чертовыми парижанами.

Ее пальцы потянулись назад, к черепу, еще раз.

– Еще раз, – сказал он. – Ты одна из нас?

Мускулы в ее ногах напряглись, готовые к прыжку.

– Мои родители были пациентами Энара. У моего отца была магическая способность. У матери – нет, она... Ей делали переливание, но ничего не произошло. Так что я... каким-то образом это унаследовала.

Темный художник склонил свою закутанную голову.

– Так у тебя это *от природы*?

– Видимо, так. – «Я намного выше его. Один удар по голове – и я смогу пробежать мимо него».

– Какова твоя кровь, интересно... – Заявление, мысль вслух. Не вопрос.

У Натали в ребрах бились летучие мыши, пытаюсь вырваться наружу. Она схватила череп, продев пальцы через глазницы.

– Могу ли попробовать твою кровь? – Темный художник шагнул ближе. – Всего пару капель?

Она легонько потянула череп, и весь ряд немного сдвинулся.

– Не беспокойся. Обещаю тебя не убивать. – Он боком придвинулся к свече на стене и задул ее. – Если ты пообещаешь не использовать эту свою впечатляющую способность, чтобы меня сдать.

Она дернула череп из стены и бросила в темноту между ними. Череп влетел ему в голову с приятным треском.

– Ведьма!

Лезвие метнулось к ней со скоростью гадюки. Она почувствовала, как оно задело ее сумку, пока она, споткнувшись, падала на пол за спиной Темного художника.

Чернота, невероятная в своей чистоте, поглотила ее, когда она поднялась на ноги. Ни одной свечи, ни одного проблеска.

– Я задул их все, – прошипел он.

Она бросилась в темноту, ведя пальцами руки вдоль левой стены в поисках пути к тропинке, любой тропинке.

В конце концов она нашла проем и повернула в него. Но не сделала и двух шагов, как растянулась на куче острых камней.

Нет.

Не камней.

Костей.

– Неправильный поворот, – его шепот настиг ее как призрак.

Ее руки нашарили длинную тяжелую кость. Она схватила ее и стала размахивать ею во все стороны, поднимаясь на ноги.

– Показать тебе, где выход? – Шепот, казалось, идет со всех сторон сразу.

Темный художник был прямо перед ней.

Или слева.

Позади?

Полная тишина. Она не слышала ничего, кроме своего сбившегося дыхания.

Затем острое лезвие поцеловало ее в щеку.

Может, Темный художник думал, что Натали сдастся или что она слишком испугается, чтобы шевельнуться?

Ошибался.

В нее будто вселилась молния. Она махнула своим оружием и услышала, как нож отскочил от каких-то костей. Бросилась вправо; он устремился за ней, схватил ее за локоть на секунду, перед тем как поскользнуться и упасть на кучу костей.

Натали вытянула руки, ведя ими по стенам, пока не нашла проем снова. Повернула налево, туда, откуда пришла. Она бежала и бежала, пока не заметила крошечный проблеск приглушенного света в конце другого тоннеля по левую руку.

Его шаги громыхали за ее спиной, громче и ближе с каждой секундой.

Она ускорила по направлению по тусклому коридору, не спуская глаз с крохотного огонька, размахивая руками, передвигая ногами быстрее, чем когда-либо.

Темный художник был так близко, что она уже слышала его неглубокое свистящее дыхание.

Натали добежала до источника света и повернула за угол направо.

«Главный тоннель».

Она продолжила бежать, но позади нее не раздавалось ни звука: ни шагов, ни свистящего дыхания – ничего.

Она разрешила себе быстро повернуть голову.

Его там не было.

Она бежала к выходу так быстро, как только ее могли нести худые ноги, и увидела группу туристов, спускавшихся по ступеням вместе с гидом. Стоило им увидеть тело полицейского, как раздались крики.

«Темный художник услышал, что они идут. Он прячется».

– Прочь! – крикнула она между вдохами. – Убегайте из катакомб!

Пятеро или шестеро бросилось обратно вверх по лестнице; гид и еще несколько человек склонились над телом, будто боялись оставить его одного.

– Убийца за мной! Бегите!

Они спешно стали подниматься по лестнице, гид замыкал цепочку. Он не сводил с нее глаз, пока Натали не исчезла из вида.

Она побежала по тоннелю, остановившись в паре метров от тела.

Дюжий полицейский лежал там с открытыми глазами, безжизненная рука покоилась на груди. Горло было перерезано лезвием из его собственной трости. Там она и лежала, в сцене своего коварства, окруженная лужей крови.

Натали отвела взгляд. Тяжелый покров печали обернул ее сердце. «Он умер, защищая меня. Его смерть – это моя вина».

Сначала Агнес.

Теперь он.

«Я даже не знаю его имени».

Она посмотрела обратно в тоннель. Пусто. Обманчиво тихо.

Натали опустилась на колени и закрыла глаза полицейского, затем поднялась по этой бесконечной лестнице так быстро, как только могла. Увидев дневной свет, она заметила стоявшую сбоку группу туристов, а также двух приближавшихся полицейских в сопровождении гида. Она подбежала к ним.

– Темный художник пошел за мной в катакомбы и преследовал меня. Он еще там!

Они покосились на нее с недоверием.

Она указала на вход в катакомбы.

– Ваш коллега погиб, сопровождая меня! Я Натали Боден, из морга. Кристоф Ганьон приставил ко мне патруль.

Тут узнавание догнало их, как гром после вспышки молнии. Ее слова вырывались бурным потоком, объясняя, что случилось, прежде чем они успели спросить. Один из полицейских заверил ее, что теперь она в безопасности.

Натали не поверила. Покуда есть Темный художник, Париж будет душить опасность.

Но она отказывалась задыхаться.

Глава 34

Следующие два часа были круговертью полицейских, вопросов и ответов.

Но без Темного художника.

Кристоф был с ней все это время, даже держал ее за руку, что одновременно облегчало и осложняло ее задачу.

Катакомбы были полны тайных ходов, как позже объяснил Кристоф, которые вели к церквям, тавернам и жилым домам. Пока она вышла из полицейского участка, следователи уже прочесывали город, перекрывая известные секретные входы в тоннели.

– Выглядит не очень перспективно, – Кристоф поделился с ней. – Если только кто-нибудь не придет и не расскажет, как что-то видел, он, вероятнее всего, вышел незамеченным в заброшенном месте.

Так близко к Темному художнику. И все зря.

«Он меня перехитрил. Он бы выиграл в любом случае: причинил боль, убил, смотрел, как я убегаю. И скрылся бы оттуда в любом случае».

Она ненавидела доктора Энара за то, что тот наградил Темного художника сверхъестественной остротой слуха.

Вернувшись домой в тот вечер, она рассказала матери о Темном художнике, начиная с того первого раза, когда он преследовал ее до дома, до склянки с кровью, писем и происшествия в катакомбах. Мама была просто вне себя, она клялась, что Натали не выйдет больше из дома в одиночку, пока Темного художника не поймают.

Маму можно было понять.

Натали не винила ее за то, что она была в ярости, ужасе, истерике, шоке и во всех эмоциях между ними.

Она бы на ее месте чувствовала себя так же.

В некотором смысле она завидовала маме, оттого что та чувствовала хоть что-то, потому что сама не могла. Натали будто оцепенела, практически впала в транс к концу рассказа.

И она была рада, что рассказала все Кристофу и маме, потому что, когда готовилась ко сну этой ночью, села сделать запись в дневнике.

Детали ускользали от нее.

Чего-то не хватало, многого. Она помнила, как Темный художник коснулся шляпы и сказал: “C’est moi”. Следующее, что она помнила, – это бег по главному тоннелю к людям, стоявшим около тела полицейского.

Потеря памяти все же не обошла ее, и она опоздала на пару дней. Но в этот раз она не возражала. В забывании есть свои плюсы.

Веки Натали распахнулись. Она была в комнате, лежала на чем-то холодном и влажном.

На бетонной плите с водой, которая охлаждала тела.

Она была в демонстрационной комнате морга.

Выверенным, осторожным движением она повернула голову вправо. Одетт Ру смотрела на нее мертвыми глазами. Она посмотрела влево и увидела, что безымянная вторая жертва смотрит на нее тоже.

«Сестры по смерти».

Она села. Группа людей глядела на нее через стекло. Лицо за лицом, лицо за лицом. Десятки парижан глазели, показывали пальцами, перешептывались. Они качали головами из сочувствия, отвращения и тайной радости, оттого что это не *они* были там, в охлажденной комнате, реквизитом в представлении, в котором убитые участвовали против своей воли.

Взгляд Натали переместился к другим плитам в первом ряду. Мирабель Грегуар и Шарлотт Бенуа – слева. Агнес – справа, по другую сторону от Одетт. Все лежали лицами к ней.

Затем они моргнули.

Все.

Одетт, безымянная девушка, Мирабель, Шарлотт, Агнес. Одна за другой.

Безымянная жертва попыталась заговорить. Ее язык, черный как смола, попытался сказать слово. Ничего не получилось.

Натали почувствовала, что на плите прибавилось воды. Она стала теплее, почти приятной, как вода в ванне. Она посмотрела вниз, на свои руки, и завизжала так громко, как только могла, но не было слышно ни звука.

На ней были белые перчатки.

И вода была не водой. То была кровь.

Она прыгнула с плиты и повернулась к заднему ряду.

Еще один беззвучный крик.

Там, на пяти плитах позади нее, было пять разных версий ее собственного раздутого, окровавленного, порезанного трупа. Агнес встала с плиты и натянула по простыне на каждое тело, одну за другой.

Натали побежала к двери так, как это обычно бывает в снах: едва сдвигаясь с места, слишком медленно, чтобы убежать от того, что тебя

преследует.

Наконец она достигла двери, с огромным усилием толкнула ее, открыла и выбежала через нее, но только чтобы обнаружить себя стоящей с лампой в руках в лабиринте катакомб. Было тихо, настолько, что она слышала только свое сердцебиение и больше ничего. Она поворачивала влево, вправо, шла прямо, но никуда не приходила; все выглядело одинаково.

Шаги позади нее.

Натали бросилась бежать, но это ничего не меняло, не могло изменить. Она не знала, как выйти оттуда. Когда она развернулась, то увидела лишь темноту. Звук шагов становился все ближе.

Она не видела ничего, кроме темноты.

И она остановилась.

Она вытянула правую руку в сторону. В тусклом свете разглядела аккуратный ряд костей: черепов, костей ног и рук, – которые тянулись на несколько метров. Она затушила лампу и свернулась калачиком рядом с расчлененными скелетами, положив голову на землю.

Шаги были все ближе и ближе. Она зажмурилась, но вскоре различила свет сквозь веки.

Она открыла глаза – и оказалось, что вокруг больше не катакомбы. И она снова лежала на спине, на этот раз перед глазами – небо. Она увидела маму и папу. Мама держала увядший букет желтых цветов, а папа сжимал в руке флакон с землей из катакомб в руке. Она села.

– Я не мертва! – закричала она. На этот раз звук было слышно.

Она проснулась в крике.

Глава 35

Аромат вишен на плите просочился в спальню Натали следующим утром, что стало воздушным противовесом кошмарам прошлой ночи.

Натали не спеша стала собираться, а потом решила еще кое-что сделать перед тем, как присоединиться к маме в кухне.

Земля из катакомб. Дурацкая, глупая, бесполезная земля, которая стоила человеку жизни и чуть было не обошлась ей ценой собственной жизни.

Натали не хотела больше ее носить с собой, но и выбрасывать не хотела тоже. Она вынула коробочку из сумки и положила на книжную полку, рядом с мышинным скелетиком. Пусть там и стоит.

Она взяла баночку с песком и ракушками, подаренную Агнес, и положила на прикроватный столик. Ее самое ценное сокровище заслуживало особого места.

Мама приготовила ей багет и тарелку свежих фруктов.

– У меня хорошие новости, – сказала она с робкой улыбкой. – Папа вернется домой раньше, чем мы думали! На этой неделе.

– Да? – Натали ухмыльнулась в тот день, когда она не ожидала от себя улыбки или смеха. – Это лучшие новости за все лето. Мне *необходимы* радостные новости. Как и тебе, – она поцеловала маму в щеку и села за еду.

Как бы мама ни старалась быть веселой, она не могла спрятать своего изнеможения. И Натали ее не винила. Мама была спокойнее, чем Натали ожидала, и прошлой ночью, и сейчас, когда они снова говорили об этом, но было очевидно, что она не выспалась. Натали тоже не выспалась.

– Я уже несколько дней не читала газет, – сказала Натали, убирая со стола после завтрака. – У нас еще есть старые?

Мама ложечкой переключивала варенье в банки.

– Ma bichette, ты уверена, что это хорошая идея? Месье Патинод сказал, что тебе не стоит беспокоиться по поводу написания репортажей из морга, пока не будешь готова вернуться. Если будешь готова.

– Я буду, через пару дней. – Тон Натали был мягким, покорным. – Я могу притворяться, что думаю о чем-то другом, но мы с тобой обе знаем, что это не сработает.

Мама запечатала банку, затем со вздохом ответила:

– Они на полке, рядом с папиным креслом.

Натали достала газеты и, устроившись за кухонным столом,

развернула выпуск с начала этой недели.

Тот, что об Агнес.

На первой странице разместилась иллюстрация – художник изобразил скорбящую мать Агнес с заголовком «Душераздирающая сцена в морге».

Ее собственное сердце разбилось, прежде чем она смогла прочитать еще хоть слово.

Рядом с иллюстрацией поместили письмо Темного художника.

Дорогой Париж,

я продолжаю совершенствоваться в своей работе, и толпы продолжают демонстрировать интерес к моим экспонатам. Мне так приятно.

Я верю, что это только начало.

Ваш

Темный художник

Его слова ползли по ее коже как насекомые.

Агнес, экспонат.

Нет, она была ее подругой.

«Э-э-э, привет?»

Было и хорошо, и плохо, что она забыла почти все, что случилось с Темным художником в катакомбах. Она помнила слова, которыми все это описывала, но они звенели пустотой в ее памяти, будто она повторяла чужую историю. А вдруг она что-то забыла упомянуть? Теперь ее воображение заполнит все пробелы.

«Он прикоснулся ко мне?»

Она прогнала незваный вопрос с дрожью. Ее пальцы поднялись к маленькой ранке на щеке. От острия лезвия Темного художника, как она говорила Кристофу. У нее бывали царапины похуже от заигравшегося Стэнли, когда тот еще был котенком. И все же она сбежала от убийцы, зарезавшего несколько девушек.

Зарезавшего Агнес.

Был ли это тот же нож?

Он порезал Агнес от щеки до ключицы. Но у Натали были лишь царапинка на щеке и дырка на сумке.

Несмотря на то что он желал ее крови.

Она громко выдохнула, что привлекло мамино обеспокоенное

внимание.

– Я читаю статью об Агнес, – сказала она, расправляя бумагу, и вернулась к чтению.

Конечно, это “шоу” было особо коротким, так как родители мадемуазель Жалбер опознали ее буквально спустя несколько часов после того, как тело было выставлено на обозрение.

Статья продолжалась описанием сцены, дополнялась цитатами посетителей морга, а также зрителя и Кристофа. Ее мысли перенеслись к восковой сцене в музее Гревен, которая изображала двух жертв. Продолжают ли они ее менять, добавляют ли трупы?

Будет ли там копия Агнес?

Она не хотела знать ответ.

Натали аккуратно сложила газету и перевернула, чтобы не видеть изображения матери Агнес. Оно было точным и очень похожим.

Она придвинула к себе сегодняшний выпуск *Le Petit Journal*. И снова заголовок ударил ее. «Полицейский убит в катакомбах».

Полицейский агент Себастьян Этье был убит неизвестным вчера на входе в катакомбы.

Его имя было Себастьян. А она и не знала, никогда не спрашивала Кристофа, как звали людей, которые ее защищали.

Ни Темного художника, ни Натали в статье не упоминали. Кристоф подготовил ее к этому, говоря, что полиция не хочет сеять панику. Для любого другого парижанина это будет выглядеть как акт насилия, не связанный с другими.

«Себастьян заслуживал лучшей участи. Он погиб из-за меня».

Она встала и подошла к окну гостиной, где свернулся Стэнли. Посмотрела через дорогу, где сидел полицейский, ее полицейский. «Ты будешь под защитой, пока мы его не поймем», – сказал ей Кристоф. Но она никогда не задумывалась об их защите и о том риске, которому они подвергаются из-за нее.

– Спроси, как его зовут, мама, когда пойдешь на улицу.

Мама нахмурилась.

– Его – это кого?

– Полицейского, который следит за нашей квартирой. – Она махнула рукой в сторону окна. – Хочу узнать, как его зовут. Мне нельзя с ним заговаривать, но тебе этого никто не запрещал.

– Поняла, ma bichette. Спрошу.

Сегодня вечером она помолится за Агнес, Себастьяна и того полицейского на улице поименно.

Позднее этим утром, когда Натали складывала одежду, в дверь постучала Симона.

– Если любишь профитроли, открывай скорее.

Натали подошла к двери и поприветствовала Симону. Та вплыла в квартиру с двумя наполненными кремом пирожными на тарелке.

– Я подумала, что моя очередь принести вам двоим угощение. Нам кто-то принес несколько, и я решила поделиться. – Она перевела взгляд с Натали на ее мать. – Я... я пришла не в лучший момент?

Мама покачала головой, тепло поблагодарила Симону и взяла профитроль. Натали закрыла дверь и взяла с тарелки второй.

– Спасибо. Я свой отложу на потом.

– Моя дражайшая подруга откладывает профитроль? – Симона нахмурилась. – Что-то действительно не так, да?

– Мне многое нужно тебе рассказать, – сказала Натали, показывая пальцем вверх. – Мама, мы будем в «салоне на крыше».

Мама вытерла пальцы о тряпочку и плотно закрутила крышку банки.

– Аккуратнее там.

– Хорошо, – сказала Натали.

– Почему она так сказала? – спросила Симона на выходе из квартиры.

Натали вздохнула.

– Из-за вчерашнего.

Через несколько минут, когда они уселись в тени около внутреннего края крыши, Натали рассказала Симоне обо всем, что произошло.

– Думаешь, он за тобой придет?

Натали обхватила колени.

– Кто знает? Я пока не хочу выходить из этого здания, это я тебе точно могу сказать. А прошлой ночью я спала, подперев дверную ручку стулом, – проговорив только эти слова, она уже поняла, что это не рабочий долгосрочный план. Но на сегодня он сгодится.

– Сначала склянка, потом его интересный комментарий насчет *твоей* крови. Интересно, то ли это самое, что им движет, такая зацикленность на крови.

– Он псих, – сказала Натали и дотронулась до царапины на щеке. – Вот что им движет.

– Знаю, но, может, есть связь между его деяниями и экспериментами Энара. – Симона прижалась спиной к кирпичам и подтянула стопы к себе в

тень.

– Я хотела бы задать ему еще десяток вопросов. Не то чтобы он ответил бы, но... – Натали не окончила предложение. – Я так устала.

Она положила голову Симоне на плечо. Они так сидели молча, пока муравей не заполз на ногу Натали. Она встала и стряхнула его.

– От солнца больше не спрятаться. Пойдем вниз?

Когда они вошли в квартиру, мама была не одна.

На диване сидел Кристоф и гладил Стэнли; он поприветствовал ее легкой улыбкой.

– Если это не слишком тебя затруднит, – начал он, – я хотел бы попросить тебя пойти со мной в морг, пожалуйста. Там новая жертва.

Глава 36

Натали вонзила ногти в ладони.

– Уже новая.

«Это могла быть и я».

Представив Кристофа и Симону друг другу, она прошла к папиному креслу, где мама сидела, водя рукой по шрамам. Натали встала рядом, положив руку на кожаную спинку.

Кристоф склонился вперед.

– Я знаю, что прошу о многом, учитывая все случившееся, но мы были бы весьма благодарны. И, мадам Боден, заверяю вас, что она будет под защитой все время.

Натали посмотрела на маму, которая закрыла глаза и кивнула.

– Конечно. Я сделаю все возможное, – сказала Натали, вжимая костяшки пальцев в кожаную обивку.

– Я пошла бы с тобой, – сказала Симона, – но моя мама уходит скоро на рынок, а мне надо присматривать за Селестой.

Мама подняла руку и покачала головой.

– Я присмотрю за ней, Симона.

– Правда? Спасибо, мадам Боден.

С того судьбоносного дня в музее восковых фигур они не ходили никуда вдвоем, и не было больше ни дня, чтобы Натали настолько хотела видеть Симону рядом с собой, как сегодня.

Вскоре они прибыли в морг. Очередь была длинная, и Кристоф провел их внутрь через выход. Коллега увел его, но прежде Кристоф пообещал с ними встретиться в Café Maxime после всего.

Во рту у Натали пересохло.

– В прошлый раз я делала это...

Это было для Агнес. Она не договорила. Симона сама поняла; произносить не было нужды.

– Хочешь пойти домой?

Натали покачала головой. «Я обещала Агнес».

Симона взяла Натали под руку, и они направились к толпе. Еще не видя трупы, они поняли, как всегда, по скоплению людей, где именно лежит жертва. Они подождали просвета и скользнули вперед, как только несколько человек отступило.

У убитой были оливковая кожа и спутанные волнистые волосы, которые змеились по плите. Лицо было изрезано так сильно, что черты невозможно было различить, а поперек живота зияла глубокая неровная рана. Натали притянула Симону ближе.

«Что он имел в виду, когда сказал, что Агнес просила ее убить?»

Она покачала головой. Она снова вовлекалась в его игры.

– Каждая следующая хуже предыдущей, – прошептала Симона.

Бисеринки пота появились на шее и лбу Натали.

– Я его видела вчера, Симона. Это неважно, что я мало что помню. Это случилось. *Вчера.*

Симона взяла ее за руку.

– Ты не обязана это делать, Натали.

– Почему я не помню? Может, это хуже того, что делаю, или того, что я тебе рассказывала, – Натали сделала шаг назад от витрины. – Я собираюсь посмотреть глазами того, кто видел меня, человека, который убил Агнес, преследовал меня, угрожал мне ножом, убил полицейского Себастьяна.

– Pardonnez-moi, – мягко сказал молодой женский голос позади, – но, может, вы дадите другим посмотреть, если сами уже не хотите?

– Мы хотим? – произнесла Симона, затем повернулась к Натали. – Кристоф поймет. Все поймут.

Натали глядела на шестую несчастную, на то, что было ее лицом, животом.

– Ты была права все это время. Этот дар мне дан неспроста, – прежде чем успела замешкаться, как перед прыжком в холодную воду, она потянулась к стеклу.

Жертва была уже мертва.

Рот ее был открыт в крике, кровь струилась изо рта, один глаз открыт, другой закрыт. Она была окровавленной, разломанной куклой.

Темный художник в алых от крови перчатках гладил жертву по щеке. Один-единственный, яростный порез шел от ее уха до горла.

– Слишком поздно, – сказал он.

Чернота спустилась, будто на птичью клетку накинули покрывало.

Но Натали не обнаружила себя снова в смотровой комнате рядом с Симоной. Вместо этого видение продолжилось.

Все было белым, во всех направлениях.

Туман.

Темный художник открыл заднюю дверь крытой повозки и вытащил тело девушки. Натали чувствовала вес, это было тяжелее, чем что-либо поднимаемое ею ранее.

Он протащил труп несколько шагов и положил на землю.

Река.

Темный художник опустился на колени, поцеловал мертвую девушку в лоб и аккуратно столкнул в воду, будто отец, крестящий ребенка.

Он уложил ее лицом вверх, сцепил руки и сильным толчком отправил плыть по Сене.

Как только поднялся, снял перчатки.

– Да хватит уже.

И он стал задыхаться.

Пальцы его взлетели к горлу: веревка, она затягивалась. Он ловил ртом воздух, тянул веревку. Ее ослабили немного, потом полностью.

Он повернулся и успел увидеть, как кованая железка летит ему в голову.

Снова чернота.

Натали все еще не вернулась в морг.

Она лежала под углом и видела перед собой огромную стеклянную витрину, плотную толпу за ней, Симону среди нее.

И саму Натали, рядом с Симоной.

В демонстрационной комнате морга.

Натали вынырнула из видения резко, рывком, с трясущимися руками. Глаза ее застыли на витрине.

Симона обняла ее крепко.

– Ты со мной. Ты в безопасности.

– Mon Dieu... – Натали пыталась остановить дрожь. Симона притянула ее еще ближе и жестом отогнала кого-то.

– Что случилось?

Слова было сложно складывать; она закашлялась на первой попытке заговорить. Когда смогла, то зашептала Симоне так тихо, что той пришлось склониться.

– Симона... Темный художник...

Натали высвободилась из объятия Симоны, стремясь вдохнуть поглубже, и показала на труп в стороне во втором ряду.

– Вон он.

Глава 37

Симона посмотрела на мужчину на плите, затем снова на Натали.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Она пересказала видение Симоне и не сводила глаз с Темного художника, его стройного тела, отвратительно знакомого. Сконцентрировалась на его руках, тех самых, что держали нож у ее щеки только вчера, которые убили Агнес и еще пять девушек.

Как странно совмещать этот жалкий труп с ужасным убийцей, который преследовал ее в катакомбах. Он теперь был ничем. Ничем.

Лиловая полоса тянулась по его шее. Висок был провален, оставив коричневатую-красную дыру на черепе. У него были сильные, четкие черты, будто он сам был из чего-то высечен. Короткие волосы, зачесанные на одну сторону. Аккуратная бородка. Даже вешенная за ним одежда была хорошо скроенной и модной.

Он был очень красивым мужчиной.

Натали хотела, чтобы он был уродливым.

Пока она глядела на его труп, медленное, неприятное понимание поглощало ее как лава.

– Я раньше видела это лицо. Не знаю, где, но видела. Не в видении.

– Он тебя преследовал; ты сказала, что он сознался в этом. Может, ты его тогда увидела?

– Я очень хорошо помню тот вечер, и это, кажется, не то, о чем я думаю. Мне кажется, это было ближе, – сказала Натали, потирая виски.

– Слякка с кровью? – предложила Симона.

– Это либо случилось, пока я спала в парке, либо воспоминание утеряно. Правда, непохоже на остальные провалы в памяти. Нет, тут что-то другое, – Натали помотала головой. Разве может она быть уверена? – Я не знаю. Какая, впрочем, разница? Он забрал у меня последнее воспоминание о себе.

Она переводила взгляд между шестой жертвой и Темным художником. Хотела остановить его до того, как он убьет еще кого-то. И не остановила. Эта девушка со своими мечтами, сожалениями, надеждами и печалью, как и Агнес, и Одетт, и Мирабель, и другие, уже умерла.

– Мне так жаль, – сказала она, проводя кончиками пальцев по стеклу.

– Ты не подвела ее, – голосом одновременно нежным и

непоколебимым проговорила Симона. – Они узнают, что тело вон на той плите – это их убийца. Благодаря тебе узнают. И его больше нет.

Вот так просто эта угроза, эта опасность перестала существовать. Как и его секреты. Ее пронизывало разочарование, когда она думала о катакомбах и о том, как он задавал вопросы, когда у нее самой их было так много. Спросила ли она у него хоть что-то, хоть немного способное прояснить его мотивы? Нет, она пересказала бы Кристофу. Темный художник манипулировал ею, запугал ее, обнаружил ее секреты, а свои защитил.

Она возненавидела его пуще прежнего.

Натали внезапно почувствовала себя зажатой в толпе. Она обернулась и увидела, что трое или четверо человек собралось вокруг них с Симоной; в момент, когда она встретила их взгляды, они отошли как по команде.

Ей хотелось крикнуть им: «Вон он, ваш убийца! Прямо там!».

– Если бы они только знали, – пробормотала она. – Вместо этого тарашатся на меня.

– Не обращай внимания на этих трупоглядов. Пойдем, – Симона взяла ее за руку и повела к выходу.

Натали остановилась у двери с Медузой, той, которая зашипела на нее в первый день в морге. Или так могло показаться ее сбитому с толку разуму.

– Мы должны ему рассказать.

– Увидим его через пару минут.

Она задержала взгляд на греческом божестве и ее извивающихся змеях.

– Не нужно было ему от нас уходить.

– Натали, – Симона тронула ее за плечо, – он делает то, что должен. Теперь пойдем, зайдем столик. Он к нам скоро присоединится.

Выходя из морга, Натали оглянулась. Мужчина с тростью показался, как только они перешли на набережную Турнель.

– Скоро он узнает, что Темный художник – просто труп, а не угроза.

– Разве это не замечательное утверждение? – сказала Симона, ткнув ее в ребра.

Они сели за уединенным уличным столиком в Café Maxime, и Кристоф присоединился как раз тогда, когда Джин принимала их заказ.

– Вам булочку с шоколадом, Натали?

– Non, – она не могла, еще рано, – эклер.

Кристоф попросил кофе и, когда Джин отошла, не успел сказать ничего, кроме приветствия, как Натали выпалила свое видение в

подробностях. Явно с трудом сдерживая слова, он взорвался ликованием, стоило ей договорить.

– Все сходится! Ты подтвердила мои подозрения. И что еще лучше – его уже опознали.

Симона помотала головой.

– Погодите. Что?

– Не как Темного художника, а как Дамиена Сальважа.

Кожу Натали стало покалывать. Обретя имя, он стал реальным человеком.

Пропала загадка, пропали бесчисленные личины, которые он мог иметь. Не нужно было больше *представлять*, кем он мог быть. Каким бы монстром и злодеем ни был, он при этом всего лишь человек.

Это делало его, с одной стороны, более, а с другой – менее устрашающим, даже после смерти.

– Это то, чем мне пришлось заняться, когда мы вернулись.

Натали покраснела, смущенная тем, что обиделась, когда он не мог находиться с ней рядом во время видения. Она чувствовала взгляд Симоны, но делала вид, что не замечает этого.

– Тело шестой жертвы всплыло в Сене. И это тоже, почти одновременно. Совпадение привлекло мое внимание. Я оставил сообщение своим коллегам, чтобы меня сразу же известили, если его кто-то опознает, – Кристоф побарабанил пальцами по столу, ударяя на каждом слове. – Богатый промышленник его узнал. Этот мужчина заказывал месье Сальважу изготовление платяного шкафа несколько месяцев назад. У него даже была с собой визитная карточка Сальважа.

– Представьте, каково иметь мебель, вырезанную Темным художником? – Натали состроила гримасу, но вдруг кое-что вспомнила. – Боже, тот резной деревянный столик в видении с Мирабель: изящная работа, довольно темное дерево, декоративные элементы на уголках. Получается, он... сам его сделал.

Она почувствовала вину за то, что тогда сочла это незначительной деталью.

– Практиковался, чтобы потом резать девушек, – сказала Симона, нахмурившись. – Но больше уже не будет.

Как приятно снова будет гулять по улицам, думала Натали, и не гадать, есть ли злой умысел в шагах поблизости или дурное намерение в сердце каждого прохожего мужчины.

Джин пришла с их «праздничным обедом», как нарекла его Симона. Натали отломил кусочек эклера и предложила Кристофу. Она попыталась

проигнорировать покаяние в конечностях, которое испытала, когда он его принял.

– То есть убивший его избавился от тела таким же способом. Нарочно. Кто? Почему?

– Он хочет признания своих заслуг, что наводит меня на мысль: он – убийца Темного художника – знал об убийствах или, по крайней мере, видел, как тот избавлялся от жертвы, и решил совершить правосудие самостоятельно. Веревку не так уж сложно найти у реки.

Натали потеряла шею.

– Хотела бы я рассмотреть больше. Дурацкий туман.

– Того, что ты увидела, достаточно, чтобы сложить картинку, – добрым голосом сказал Кристоф. – Кстати говоря, я сниму Матье с патруля, когда буду выходить. Натали, я очень рад сказать, что тебе больше не нужна защита.

– Матье, – начала Натали, изображая Кристофа, – вам больше не требуется сопровождать мадемуазель Боден. Она благодарит вас за службу, но я рад известить вас, что она в вас больше не нуждается. Потому что Темный художник мертв. Ох как мне нравится произносить *это* предложение.

Кристоф откусил кусочек сыра с плесенью.

– Как только вернусь, отправлю группу в дом Дамиена Сальважа, чтобы удостовериться. Париж должен узнать, кто такой Темный художник, как можно скорее.

– Завтра куплю несколько копий *Le Petit Journal*, – сказала Симона с озорной усмешкой. – Хочу скорее увидеть заголовки: «Темный художник найден и убит!» или «МЕРТВ: Темный художник, Дамиен Сальваж!».

– Ну... – сказал Кристоф, поднимая руку, – есть вероятность, что завтра этого еще в газетах не будет.

Натали уставилась на него.

– Ты позволишь людям думать, что Темный художник жив, даже когда убедишься, что это он?

– Это решение примет главный следователь, но возможно и такое. Он может захотеть скрыть это от публики, пока они расследуют, кто его убил. Не больше чем на пару дней, я уверен.

Натали перевела взгляд на Симону, чье выражение ужаса на лице, несомненно, отражало ее собственное.

Еще один день всеобщего страха, еще один день продажи газет, еще один день посетителей морга. И еще, и еще один, так долго, как полиция сочтет нужным.

– Это... неприятная правда профессии, – сказал Кристоф. Он допил свой кофе и извинился, оставив на столе деньги за всех троих. Тепло попрощался и ушел.

Натали посидела секунду, глядя на других парижан: в кафе, на улице, в проезжавшем омнибусе, на входе и выходе из магазинов. Когда она узнала об Озаренных, то подумала, что в мире два типа людей: те, кто обладает магическими способностями, и те, кто не обладает ими. Но на самом деле они делились по другому принципу: на тех, кто понимает, что на самом деле происходит, и тех, кто не понимает этого.

Кому из них повезло больше, она не могла решить.

Глава 38

Натали сделала подробную запись в дневнике тем вечером. Видение. Тела в морге. Разговоры с Симоной, Кристофом и матерью. Мама испытала такое облегчение от новостей про Темного художника, что долго продержала Натали в объятиях, плача.

Какой-то кусочек этого дня, а может, следующего, будет забыт. Это было как переворачивать карту Таро и думать, что же на ней, или пойти к гипнотизеру и гадать, что расскажешь. Какой-то элемент реальности будет извлечен, убран неуклюжим, невидимым хирургом. В конце концов некая часть этого, которую она записывала с такой ясной головой, будет казаться чужой.

И действительно, на следующее утро она обнаружила, какие абзацы кажутся написанным будто на китайском, русском или греческом.

Провал в памяти на этот раз пришелся на само видение.

Горечь обожгла ее, когда она осознала это. Почему она не могла забыть видение с Агнес? Нет, нет. То останется с ней. Фрагменты видения мелькали в ее голове, когда хотели, днем или ночью. А его она больше всего хотела забыть. Вместо этого она будет носить его в себе всю жизнь, как мешок с кирпичами, привязанный к душе.

И все же.

Натали провела пальцем по корешку дневника. Она была благодарна за то, что ее избавили хотя бы от одного ужасного воспоминания, даже если не того, которое ее ужасало больше всех.

Значило ли это что-то еще?

Забыть то самое, что дар дает... Был ли это знак, что ее дар заканчивается?

Несколько часов спустя она поделилась этими размышлениями с месье Патинодом. Она пришла рассказать ему, что в связи со смертью Темного художника готова возобновить работу над колонкой. (Она также хотела узнать, как Морис Кируак, который не знал, что видит Темного художника, описал его труп.) Он был рад ее новостям и сказал, что она может начать с завтрашнего дня.

– Я могу только судить по своему опыту и опыту моих знакомых, – начал он, складывая пальцы домиком, – но не думаю, что твой дар слабеет. Иногда наши способности меняются, пока мы приспособляемся к ним, как то, например, что твои видения больше не идут задом наперед.

– И то, что они стали длиннее. – Стоило ей это произнести, как кое-что еще пришло в голову. – Может, дело в... Агнес? Могла ли моя близость с ней это изменить?

Месье Патинод поправил очки, которые сейчас были тоньше, чем за долгое время.

– Не знаю.

– А может, моя встреча с самим Темным художником? Могло ли то, что я была рядом с ним, его даром, повлиять на мой? Раз мои способности связаны с ним?

– И снова – не знаю. Не должно, насколько я понимаю. Но кто может знать наверняка? Это и была одна из причин смешанного отношения к экспериментам Энара: результаты были не настолько предсказуемы, как все надеялись, – месье Патинод положил локти на стол. – Магия и наука вместе стали чем-то другим, что не было ни магией, ни наукой. Поэтому хочу дать тебе то, что углубит твои знания.

Он открыл ящик стола и достал что-то оттуда.

– Моя жена нашла это на дне коробки с книгами, – сказал он, передавая ей буклет. – Это с 1866 года. Я и забыл о его существовании, иначе рассказал бы тебе. Можешь оставить себе.

«Зачарованная наука или наука зачаровывания?», автор – доктор Пьер Энар.

Натали ахнула. Она почувствовала себя так, будто ей дали карту сокровищ.

– Merci beaucoup! – Она держала маленькую книжечку осторожно, будто если слишком сильно сдавить, то секреты ее выплеснутся и разольются по полу. В ней было нечто знакомое, причем настолько, что она могла поклясться, что уже видела ее где-то или, может, слышала, как кто-то упоминал это название.

– Текст немного суховат, – сказал месье Патинод, – но ты можешь там найти какие-то ответы. Интереснее всего для меня то, что, несмотря на всю спорность предмета, факты приведены правдивые, то есть правда в том виде, как он ее понимал во время написания. Это я могу утверждать благодаря своему дару.

Натали уложила книжицу в сумку и снова его поблагодарила. Затем на мгновение прижалась спиной к стулу, взгляд ее уплыл в окно, а потом вернулся к нему.

– Вы мне как-то сказали, что проявившиеся способности говорят нечто о самом человеке.

Месье Патинод открыл портсигар и щелкнул по нему, чтобы достать

сигарету.

– Неизменно, – ответил он, чиркая спичкой, и закурил. – И часто это довольно удивительно, по крайней мере, отличается от ожиданий.

– Кажется, я знаю, – начала она, – что мои видения говорят обо мне. У меня есть пристрастие ко всему страшному, как вы уже догадались, так что это наверняка часть картины, – она вдохнула и выпустила этот воздух с шумным выдохом. – Еще думаю, что я такой человек, который предпочитает видеть жизнь без прикрас. И смерть – тоже, неважно, насколько она жестока и уродлива.

– Все это делает тебя превосходным журналистом, должен отметить, – месье Патинод улыбнулся, затягиваясь.

– Спасибо, – сказала Натали. Она смотрела, как он выдыхает, замороженная эфемерностью дыма. Только что он был, и вот его уже нет – в мгновение ока.

– Еще, – добавил он, – проблески правды, особенно о себе и своей сущности, это праздник. Помни об этом.

Эти слова что-то разбудили в ее памяти, как нитка, приводящая в движение марионетку. То, что гипнотизер ей сказал на прощание: «Помните, кто вы такая, и тогда поймете, почему не можете забыть».

И тогда она вспомнила. Месье Лебо, гипнотизер. У него были бесконечные стопки книг, и она скользила взглядом по названиям. Вот где она видела книжку Энара. «Зачарованная наука или наука зачаровывания?» Буклет с названием, который ей напомнил загадку.

Когда она ходила к месье Лебо, то еще не знала своей сущности, так сказать. Даже после того как пришла к нему, чтобы понять свой дар, она еще не сознавала его полностью. Возможно, не понимала до сих пор. Но этого было уже вполне достаточно.

Этого и, конечно, собственных слов Энара.

Последнее, что Натали сделала перед сном этим вечером, – перечитала части текста книжицы, которые сама и подчеркнула в «Зачарованной науке или науке зачаровывания?». Она прочитала ее дважды за вечер. Первый раз – сама, второй раз – зачитывая фрагменты вслух маме, которая никогда ее не читала. Натали была рада этому; впервые с момента, когда она рассказала маме о видениях, они изучали Озаренных вместе.

В буклете была двадцать одна страница, некоторые места написаны научным языком, который Натали не показался интересным. Ей понравились более захватывающие части.

Идея таких экспериментов не пришла ко мне за час или за день. Напротив, это явилось, как мне кажется, результатом многих лет наблюдений (к этому я вернусь ниже) в сочетании с моей большой любовью к греческой мифологии и тому, что можно назвать магическими составляющими христианской веры. После эпохи, когда наши величайшие мыслители (Декарт, Вольтер, Локк) полагались исключительно на разум, назрела необходимость чего-то менее сурового, как я считаю. Дух человеческий нуждается в украшении.

Касательно того, что я счел достойным наблюдения, – это не было обыденным. Это было необычное, это были элементы нашего мира, которые являлись природными, но в то же время отличались от него, и они привлекали мое внимание больше всего. Те, кто обладал музыкальным, литературным, художественным гением, как и кошка с лишними пальцами на лапе; Чанг, китайский гигант двух метров ростом, который появлялся в Лондоне прошлым летом; тюльпан, выделяющийся своей яркостью на фоне остального сада. Я задумался, возможно ли обуздать наукой величайшие проявления человеческой природы и добавить их к сущности конкретного “Я”.

Затем он продолжил (и никак не переставал говорить, подумала Натали) о своих исследованиях, используя сложные термины и формулы, которые она просмотрела мельком. Он метался от подробности к расплывчатости в презентации своей работы («секретность необходима для большинства областей моих исследований») и говорил о науке и медицине, об алхимии и обрядах как древних, так и современных. Скукота.

Следующий фрагмент, который привлек ее внимание, был рассказом доктора Энара о его первых экспериментах.

На момент написания этих строк восьмерым людям были сделаны переливания. Протяженность времени, прошедшего с момента их переливаний, разнится от двух недель до трех месяцев. Семеро успешно проявили магические способности: 1) мужчина 19 лет, который слышит мысли последнего человека, к руке которого прикоснулся; 2) мужчина 41 года, способный идеально повторить любой услышанный голос; 3) женщина 46 лет, которая может исцелять взглядом; 4) мужчина 55 лет, кто во снах предсказывает болезни; 5) женщина 27 лет, которая может

различить финансовое положение человека по запаху; 6) мужчина 22 лет, способный передавать мысли другим людям, используя животных в качестве носителя; и 7) женщина 39 лет, которая читает прошлое людей, погладив их волосы.

Восьмой участник (возраста 33 лет) загадочен. Его переливание не смогло вызвать магические способности. Мое обследование его тела и разума до, во время и после не выявило возможной причины. Я пометил это как вопрос для дальнейших исследований.

Я встречался с участниками каждую неделю в первый месяц, затем – раз в месяц. Все, кроме «номера восемь», довольны результатами. Все, включая восьмого, чувствуют себя хорошо.

Отметим, что есть различия в силе магического дара. Четверо пациентов докладывают об усилении своих способностей по прошествии времени; у троих они остались на том же уровне после переливания. Одна пациентка забеременела и спросила, унаследует ли ребенок ее дар. Моя теория предполагает, что не унаследует, так же как ребенок не наследует перелом пальца, если он есть у родителя, или предпочтение к синему цвету, если родитель его проявляет.

Тем не менее человеческое тело – сложный механизм. Так же, как я не знаю, почему восьмой участник не приобрел магических способностей, я не могу утверждать, что не возникнут обстоятельства, при которых ребенок может обладать магическими способностями.

Это предложение Натали подчеркнула самой толстой линией. Ей пришлось перечитать его несколько раз, чтобы убедиться, что она правильно его поняла. Может, она была единственным ребенком Озаренного родителя, который проявил магические способности. А может, и не единственным, но остальные скрывались. То, что месье Патинод, и Кристоф, и ее мать не слышали о таких примерах, не значит, что их не существует. Сейчас это не имело значения, не так ли? Она была тут. Она была доказательством того, что невозможно доказать.

Она перелистала к концу книжечки, к финальному фрагменту, который пометила как важный.

Те, кто протестует против моей работы, утверждают, что я играю в Бога. Я не играю в Бога; я чту Его, молюсь Ему и

благодарю Его за дар Озарения, который воплотился в этих экспериментах.

Подозреваю, некоторые люди будут завидовать тем, кто получил переливания. Чем больше имеет человек, тем больше другие упрекают его за это. Человек завистлив и бывает мелочным созданием. Человек также является созданием с невероятными возможностями, некоторые из них освобождены, а некоторые – в ловушке собственного узкого и ограниченного мышления. Надеюсь, что это начало новой эпохи: такой, где институт разума сливается с магией и вместе они создают новый способ проявления человеческого духа через обретение озарения.

До прочтения работы Энара Натали считала, что он был обманщиком, высокомерным и равнодушным, человеком, которого не заботили его пациенты или последствия, от которых они в итоге страдали. Она поняла теперь, что в нем было что-то большее, во всяком случае, когда-то в нем это было.

Глава 39

Темный художник разлагался, а люди в это время покупали газеты в ожидании следующего письма или толпились в очереди перед моргом, думая, будут ли они первыми, кто увидит его новый «экспонат». Некоторые из них видели его труп за два дня, что он был в демонстрационной комнате морга. Еще больше людей прочитало о нем в репортаже из морга, который описал его как «похожего на скульптуру римского императора, сокрушенного ударом молотка в висок». Репортаж также отмечал, что «одежда его была высокого качества, за исключением одной детали – не хватало кусочка в его бордовом шелковом шейном платке».

Если бы они знали, что на самом деле им стоит задаваться другим вопросом: кто убил Темного художника?

Натали посмотрела на тела в демонстрационной комнате, включая шестую жертву и Темного художника, и прикоснулась к витрине. Она, конечно, не ожидала видения, но все равно решила положить руку на стекло, на всякий случай. Может, она узнает таким образом, кто убил Темного художника.

Она также наблюдала за людьми, стоявшими в морге рядом с ней: молодой парой с детьми, группой женщин, – и думала, каково их мнение о красивом молодом человеке на плите перед ними.

Кристоф был в демонстрационной комнате у зеленой занавеси. Когда они встретились глазами, он кивнул на дверь с Медузой. Не прошло и минуты, как она сидела через стол от него в унылом кабинете вниз по коридору.

– Почему его тело еще не убрали? – Натали подергала свою кепку за козырек.

– Его опознали – кстати, несколько раз, – но никто не забрал его тело для захоронения. – Кристоф переложил какие-то бумаги в стопку.

– А шестую жертву?

– Еще не опознали.

Грудь Натали сжала тоска. Она не хотела, чтобы последняя жертва осталась анонимной, чтобы ее бросили в ту же могилу, что и ее убийцу.

– Впрочем, у меня есть кое-какие новости, – сказал Кристоф с серьезным лицом. – Мы точно знаем, что Дамиен Сальваж и есть Темный художник. Его дом соответствует твоему описанию гостиной, включая ковер и столик. Более того, у него для работы была повозка, и в ней нашли

кедровый сундук с пятнами крови внутри. Предположительно, как раз его ты и видела в своем видении.

– Понемногу все проясняется. – В ее словах слышалось облегчение.

– В некотором роде, – сказал Кристоф. – Они только начали разбирать его вещи. Он жил рядом со своей мастерской, через переулок. Не в этих высоких, современных зданиях в стиле Османа. Он был сам своим соседом, так сказать. Очень уединенно.

Натали склонилась вперед, положив руки на его стол.

– Есть зацепки по поводу того, кто мог его убить? Тот, кто знал, чем он занимается, и взял дело в свои руки? Кто-то, ищущий мести?

– Полиция расследует все варианты – пока ничего. Мы получали анонимное сообщение о «красивом молодом человеке в витрине», – сказал он, – и это подтверждает твоё видение. Кто-то гулял по противоположному берегу и услышал внезапную борьбу между двумя мужчинами, за которой последовал звук удушения, а вскоре за этим – всплеск.

– И все?

Кристоф пожал плечами.

– Как тебе известно, туман был густой.

Туман, который защитил его, когда он прокрался в ночи, чтобы слиться с остальными парижанами, подумала Натали. Как делал и сам Темный художник.

– Оба они спрятались у всех на виду. Как похищенное письмо у По, – сказала она, вспоминая один из своих любимых рассказов.

– Это случается чаще, чем ты думаешь.

Через пару минут Кристоф извинился и вернулся в демонстрационную комнату. Натали написала статью, сидя в его кабинете: он сам предложил, и кто она такая, чтобы отказываться? (Она чувствовала себя ближе к нему, сидя в его кресле.) Оттуда она сразу отправилась в *Le Petit Journal*. А после зашла к Симоне, чтобы рассказать ей, что полиция установила.

Когда Натали наконец добралась до дома, она поймала Стэнли за обнюхиванием роскошного букета цветов, всех оттенков, в вазе на столе в столовой.

Из родительской спальни раздался голос:

– Это ты, *ma bichette*?

Радость охватила ее сердце, отпустив только, чтобы она успела ответить:

– Да, папа!

Остаток дня Натали провела, наслаждаясь временем с семьей. Они

говорили обо всем: хорошем (школьных оценках Натали, мамином варенье, папиной поездке в Бразилию), ужасном (убийстве Агнес, несчастном случае мамы, эпидемии желтой лихорадки на борту папиного корабля) и даже о некоторых обыденных вещах, составлявших их жизни с тех пор, как они расстались в апреле.

Обо всем, кроме магических способностей Натали.

Мама отвела ее в сторону и попросила подождать до ужина, чтобы рассказать об этом папе. Она хотела в последний раз поужинать всей семьей, как она сказала, «прежде чем все изменится».

Несмотря на то что все и так уже изменилось, хотела сказать Натали.

Тем не менее она знала, как важны были эти семейные моменты для мамы. Не говоря уже о том, как она была рада, что мама не рассказала ее секрет. Она сама хотела открыть его папе.

Она отвлекалась тем, что помогала маме с ужином. Пока они готовили рататуй (папино любимое блюдо), папа рассказывал истории о месяцах, проведенных в море, и Натали следила за мамиными руками, которые были ловчее, чем раньше. За ужином папины руки были непривычно неуклюжими, неловкими.

Он уже исцелил маму.

После ужина они играли в карты. Натали никак не могла расслабиться и все время ошибалась. Они раздавали снова и снова, и, когда мама подала баварский торт, живот Натали уже был так набит и едой, и ожиданиями, что она не могла больше есть. В какой-то момент разразилась гроза, которая навела Стэнли на мысль укрыться на ее коленях, пока родители наслаждались бутылкой вина, которую папа привез из Австралии.

Затем мама отодвинула свои карты в центр стола и допила вино в бокале.

– Думаю, вам двоим нужно кое-что обсудить, – сказала она, поднимаясь. Она погладила лохматые папины волосы и склонилась через его сильное плечо, целуя его в щеку. Подмигнув Натали, она ушла в спальню.

Собирая карты, Натали складывала их в аккуратную колоду, но продолжала поправлять ее долго.

– Я должна тебе кое-что рассказать, папа. Кое-что... хорошее, думаю. Мама знает об этом, она хотела, чтобы я тебе рассказала сама.

– Что ты самый лучший журналист, которого месье Патинод когда-либо нанимал? – спросил он с улыбкой, плясавшей в глазах.

– Такого он мне не говорил, – хихикнула она и отложила карты, глядя отцу в глаза. – У меня есть магические способности, папа, как у тебя, тети

Бриджит и других... Озаренных.

– Озаренных. Я не знал, что тебе о них известно... – Папино веселое настроение переплавилось в невероятное удивление. Он обернулся через плечо на закрытую дверь спальни. Может, он задумался, что по этому поводу считала мама и как она отреагировала, когда узнала, что сказала Натали. Несомненно, они это потом обсудят. – Какая именно магия?

– Видения. Убийств Темного художника, – начала она. Папа сжал челюсти и снова расслабил, а жилка, которая всегда выдавала его беспокойство, запульсировала на лбу. Она внезапно осознала, каким невероятным открытием это звучит для него.

Он жестом попросил ее продолжать, на лице его отражались одновременно и сочувствие, и тревога.

Натали сначала говорила осторожно, взвешивая слова, будто их у нее ограниченное количество. Когда она почувствовала, что папа действительно понимает ее и даже поддерживает, то слова полились водопадом.

Она поделилась с ним всем, что касалось видений, и как все развивалось в течение лета, в какой-то момент показала ему копию «Зачарованной науки или науки зачаровывания?» в ходе беседы об экспериментах Энара. Он слушал ее с полным вниманием, как папа умел, создавая ощущение, что ты – единственный человек не просто в этой комнате, а во всем мире.

Затем она задала ему вопрос, который могла задать и маме, но приберегла для него.

– Мама сказала, что захотела сделать переливание потому, что вы с тетей Бриджит его сделали. Кто первый пошел к Энару: ты или тетушка?

– Мы пошли вместе, – сказал папа, и Натали заметила, что его плечи чуть поникли. – Это была моя идея. Она... была в меланхолии, и я подумал, что это поможет ей.

Тишина повисла между ними на минуту, прежде чем Натали продолжила более тихим голосом.

– Ты жалеешь об этом: о переливаниях, магии, последствиях?..

«Обо мне, о моих способностях, моей уникальности».

Папа пригладил усы большим пальцем, вздохнул и откинулся на спинку, рассматривая ее, перед тем как ответить на вопрос.

– Я считаю сожаления маленькими скользкими существами. Если у тебя появилось одно такое, надо схватить его крепко; оно извивается и пытается вырваться, и удержать его непросто, – он сжал кулаки и поморщился. – Так что ты либо удержишь его крепко, либо выпускаешь, но

даже если выпустишь, оно оставит за собой след, пятно на твоей ладони.

Натали подождала продолжения, но он замолчал.

– Это ты здорово придумал, папа, но это все же не ответ.

– Потому что ответа не существует. – Он потянулся за ее рукой. – После всех этих лет я все еще не знаю, хорошо ли обладать магией или нет. Возможно, одновременно и правильно, и неправильно. Но в чем я уверен наверняка, так это в том, что все, что проделываешь со своей силой, ты должна делать ради себя самой. Не ради других людей, не ради мамы, меня, месье Ганьона или кого угодно еще. Когда другие люди говорят, как тебе распорядиться своим даром... – Он покачал головой, глаза расфокусировались. Натали предположила, что мысль или воспоминание унесли его далеко отсюда.

– ...никогда не принесет мне покоя. Ты это хотел сказать?

Папа еще раз посмотрел на нее, улыбаясь.

– Да, что-то вроде того.

Шестую жертву, Лизетт Беллами, опознали на следующий день. Ее сестра Либерте, которая жила с ней вместе, уезжала в Ирландию на отдых. И когда Либерте вернулась домой и обнаружила, что сестра пропала, она сразу отправилась в морг. Натали сморщилась, когда Кристоф ей об этом рассказал. Она всегда чувствовала что-то за тех, кто делал такое душераздирающее открытие; теперь это «что-то» имело трагический контекст, который она раньше не могла представить себе в самых черных кошмарах.

Темного художника убрали с виду через несколько часов после Лизетт. Никто из родственников не объявился, а в морге не хватало места. Темного художника, лежавшего на плите морга анонимно, бесцеремонно сбросили в общую могилу, потому что пора было выставлять другие трупы. Натали оценила иронию.

Она скорее хотела обсудить это с месье Патинодом и спросить, как скоро *Le Petit Journal* сможет опубликовать эту историю. Если они не нашли убийцу Дамиена Сальважа, то когда Париж узнает, что Темного художника больше нет?

Скорее, чем она думала.

Он был на собрании, когда она принесла свою статью, так что она оставила ее у Арианны. Натали хотелось бы сказать ей, что можно больше не беспокоиться об убийце, не беспокоиться, что нельзя ходить на работу и с работы без сопровождения. Она гадала, сказал ли ей уже месье Патинод, может, заставив поклясться, что сохранит секрет. Или же он позволил ей

дальше верить, как и остальному Парижу, что разрезающий горла убийца все еще ходит среди них.

У Натали было много причин ненавидеть Темного художника. Одна из них – страх, который заставлял женщин паниковать, озираться через плечо и подозревать каждого незнакомца, идущего рядом.

Она поблагодарила Арианну и уже собиралась уходить, как та вдруг понизила голос:

– Я не должна тебе говорить, но это все равно завтра опубликуют. – Она осмотрелась и продолжила: – Темный художник мертв.

Вина окутала плечи Натали.

– Я... знаю, – сказала она, не глядя Арианне в глаза. Иногда ей казалось, что проще признаться миру в том, что она Озаренная, чем хранить неудобные секреты. – Я в курсе расследования как... части моей колонки.

И снова Арианна обвела глазами комнату, чтобы удостовериться, что никто не смотрит.

– Нам – газете – прислали записку. Даже месье Патинод пока еще о ней не знает. – Она подтолкнула конверт к Натали, которая спешно вытащила листочек бумаги оттуда.

Темный художник мертв.

А я – нет.

Как писал Овидий: «Благо тому, кто живет в благодатном укрытии».

Натали сморщилась.

– Что это такое? – она перечитала написанное от руки послание несколько раз, трогая пальцами чернила, как будто протирая глаза после сна. – Я знаю, что Овидий был римским поэтом, а цитата – хвастовство насчет того, что он прячется у всех на виду, полагаю. – Цитировать римского поэта по поводу того, что ты спрятался у всех на виду... Зачем? В чем хвастовство?

– Я совершенно не понимаю. Смотри, смотри, что тут еще есть, – прошептала Арианна, показывая на конверт.

Натали заглянула в конверт и увидела что-то в уголке. Она перевернула конверт над своей ладонью. Выпал кусочек темно-бордовой ткани.

Бордовый. Имеет ли цвет значение? Символизирует ли он кровь?

– Я открыла этот конверт почти час назад и все никак не могу

перестать о нем думать. И не могу работать, – Арианна прикусила ноготь. – Как ты думаешь, что это значит?

Натали еще раз прочитала написанное, будто там могло появиться что-то новое, и вложила обратно в конверт. Она сжала в пальцах кусочек материи: шелк.

Шелк, прямо как...

– Ой, я знаю, что это! – произнесла Натали, стукнув костяшками по столу Арианны. – Это с его шейного платка. Там была дыра, будто кто-то отрезал кусок.

Единственный возможный «кто-то» был тем, кто его убил. Кто же еще?

Она уронила шелк на пол, склонилась, чтобы подобрать его, и скорее стала засовывать обратно в конверт. Была ли ткань сувениром, символом власти? А может, это просто чтобы запугивать Париж, как это делал Темный художник. Зачем идти по стопам человека, которого ты убил?

Арианна выпрямила спину и заправила лист бумаги в печатную машинку.

– Может, это просто розыгрыш, – сказала она неуверенно.

Натали хотела возразить, сказать Арианне, что это кажется очень даже настоящим, но потом заметила, что руки девушки дрожат над клавишами.

«Месье Патинод применит свой дар и узнает. И передаст Кристофу». Настоящий мальчишка-посыльный принесет материалы, сопровождаемые комментарием месье Патинода, в морг. Вот так ирония.

– Обманщик, что ж... это не нам решать. – Натали положила конверт обратно на стол, пока Арианна, поджав губы, печатала. – Нам не стоит беспокоиться. *Tout va s'arranger*^[23].

Натали не знала, все ли будет хорошо, и вообще не думала, что будет. Она знала, что будет крутить это в своей голове до конца дня, а может, еще и часть ночи. Но если она может хоть немного приободрить Арианну, это стоит сказать.

Уходя от стола Арианны, она помедлила. Мама поправилась и готовилась вскоре вернуться на работу, но Натали все равно останется в газете. Пора вести себя соответственно.

Она сняла свою кепку газетчика и распустила волосы. Выпрямившись в полный рост, повернулась к Арианне.

– Передай, пожалуйста, месье Патиноду, что теперь я буду приходить в своей обычной одежде.

– Я скажу ему, – сказала Арианна, послушно кивая. Она выглядела благодарной за смену темы. – Ты молодец.

Натали видела и слышала так много, как никто, и перенесла этим летом такое, о чем большинство даже подумать не может, не говоря уже о том, чтобы пережить. Если она могла помогать расследовать дело, то могла и появляться в *Le Petit Journal* в своем истинном виде.

Кто бы ни написал письмо с цитатой из Овидия, он не хотел, чтобы его заметили. Натали с этого момента не будет обращать никакого внимания на любопытные взгляды.

Глава 40

ПАРИЖСКИЙ КОШМАР ОКОНЧЕН

Темный художник убит, убийца на свободе

Заголовок *Le Petit Journal* на следующий день рассказал Парижу о текущем положении дел статьей на тему убийства Темного художника и его личности, дополненной фотографиями из морга, а также о поиске неизвестного, напавшего на него. Газета также опубликовала письмо с цитатой из Овидия и описала кусочек шелка как «совпадающий до нитки – хотя он не покрывает дыру в шейном платке полностью».

Натали хотелось бы, чтобы это был розыгрыш. Она хотела думать, что убийцу Темного художника мотивировали смелость или принципы, что он застал его за делом и действовал в соответствии со своими представлениями о справедливости. Свидетель через реку слышал борьбу; Натали представляла, как человек шел один в тумане, ужаснулся тому, на что натолкнулся, и избавился от убийцы в приступе ярости. Или Темный художник напал на него, и тот убил его, защищаясь. Или человек был связан с одной из жертв, выследил Темного художника и атаковал.

Но не это. Не убийца, который присылает письма и кусочки шейного платка. Кто теперь играл в игры и с какой целью?

К вечеру вышел специальный выпуск газеты, посвященный Темному художнику. Она разложила его на диване, чтобы прочитать, и предоставила краткую версию папе, который не мог найти свои очки для чтения. Мама меняла шторы в спальне.

– Полиция задержала человека, которого видели неподалеку от предполагаемого места убийства.

– На каком основании?

– Предположительное время, которое тело провело в Сене, в сравнении с временем, за которое оно... доплыло до места, где его обнаружили, – Натали склонилась вперед, ведя пальцами по колонке. – Также у них есть свидетельство женщины, личность ее не раскрывается, которая поговорила с репортером около морга. Она сказала, что знала Дамиена Сальважа по опиумному притону, куда они оба часто заходили.

Она впервые встретила его в феврале, вскоре после тройного убийства Пранзини, и сказала, что Дамиен высказывал «что-то вроде уважения в отношении убийцы».

– И вот поглядите-ка, – сказал папа, – сам он мертв еще до того, как гильотина опустилась на шею Пранзини. И на его совести еще больше крови.

– И честно, и нечестно одновременно, – сказала Натали. Они с Симоной и папой собирались пойти на казнь чуть менее чем через две недели. Жаль, что это не был смертный приговор Темному художнику. – В газете также написано, что женщина не обратила на это внимания: «Кто хоть с каплей здравого смысла, даже в парах опиума, обратил бы?». Это прямая цитата.

– Августин, – позвала мама из спальни, – не мог бы ты мне помочь дотянуться до верха этой шторы?

Папа неохотно встал с кресла, которое тут же занял Стэнли (у них было непрекращающееся соперничество за то, кому принадлежит этот предмет мебели). Натали перешла к другой статье, перечислявшей преступления Темного художника, совершенные за это лето, в воодушевленной, подробной манере и рассказывавшей о каждой из его жертв. Статья переходила на другую страницу, и, открыв ее, Натали ахнула.

Фотография Агнес.

Скорбь кольнула ее сердце.

Даже в газетной статье о ее зверской смерти, даже на нечеткой от воспроизведения фотографии Агнес выглядела неизменно полной жизни.

Если у Парижа будет одно последнее визуальное напоминание об Агнес, прежде чем все станут жить дальше и забудут имена и лица убитых, Натали была рада, что им станет именно эта фотография.

Она потянулась за маминой швейной коробкой на боковом столике и нашла в ней ножницы. Аккуратно, будто любая ошибка принесет Агнес боль, Натали вырезала фотографию, затем отнесла ее в спальню, приставила к банке с песком с пляжа и ракушками и помолилась за свою подругу.

Следующим вечером мама, папа и Натали отправились в гости к семье Симоны. Мама принесла ужин, и Симона с Натали разложили все в кухне, а папа опустился на колени около дивана, на котором лежала Селеста. Месье Маршан рассказывал ему о ее состоянии, пока мама Симоны меняла одеяло девочки.

Только Симона знала, что папа будет делать.

Семья Маршан не знала, что папа был Озаренным, и родители Натали хотели сохранить это в тайне.

Натали и Симона накрывали на стол.

– Ты читала сегодняшнюю газету? – спросила Натали.

Симона кивнула.

– Быстро они отпустили мужчину, которого привели на допрос, да? Поиск продолжается.

Мама покашляла в гостиной. Девушки замолчали и посмотрели на нее, а мама показывала глазами, чтобы они смотрели на папу.

Селеста слабо улыбалась ему в ответ на рассказ об обезьянке-безбилетнице на его корабле. Натали подошла поближе. Папа поморщился едва заметно, когда сжал кулак (чтобы показать, как сильно капитан рассердился на обезьяну).

Натали перевела взгляд на маму, которая смотрела на папу, гордая и довольная.

Папа ласково взял маленькие ладошки Селесты в свои на пару секунд. Он вздрогнул так быстро и незаметно, что те, кто не знал о его способностях, не обратили бы внимания, поцеловал Селесту в лоб и встал, глянув при этом на Натали.

И тогда она ощутила это глубже и сильнее, чем когда-либо. Быть Озаренным – это не источник стыда, смущения или тревоги. Наблюдение за тем, как ее сильный и крепкий папа применял свой дар с такой нежностью, просветило ее. Обладать такой магией – это честь.

Семьи вскоре уже наслаждались совместным ужином. В какой-то момент Симона стала рассуждать об убийце Темного художника и письме в газету; строгий взгляд ее матери оборвал это немедленно, посреди предложения. («Не перед Селестой», – пошевелил губами месье Маршан, пока малышка отвернулась.) После ужина Натали с Симоной извинились и ушли гулять по кварталу. Они едва на пару шагов отошли от дома, как Симона обняла Натали за талию.

– Меня просто разрывало, как я тебе хотела сказать это весь вечер! – сказала она радостно. – Луи попросил меня передать тебе приглашение.

– О! – Тон Натали был аккуратно вежливым. Если это для какого-нибудь поэтического вечера или чего-то в этом духе, то ей придется найти повод с благодарностью отклонить приглашение. – Куда?

– На спиритический сеанс!

Это куда лучше поэтического вечера.

– Правда?

– Правда. Пойдешь?

– Еще бы! – Натали раньше считала спиритические сеансы ерундой, но пару месяцев назад она бы и видение сцены убийства назвала ерундой. И гипноз. И магию Озаренных. – Как это происходит? Мы... выбираем кого-то, с кем связаться, или просто смотрим, что произойдет?

– Ну, Луи думал кое о ком.

Сердце Натали дрогнуло.

– Агнес?

– Если она... захочет, да. – Симона прикусила губу. – Но, думаю, ради тебя и их самих других жертв не стоит трогать.

Натали обрадовалась идее поговорить с Агнес, попросить у нее прощения, сказать ей, что она ее любит и скучает по ней.

– Но не других, как ты и сказала. Земля им пухом.

Они пошли дальше по тротуару.

– Правда, мы хотим еще кое-кого побеспокоить, – сказала Симона. Она дьявольски усмехнулась. – Темного художника.

Натали схватила Симону за руку.

– Мы могли бы спросить, кто его убил!

– Точно. Кто знает, какие он еще откроет секреты?

Мысль о власти над Темным художником со стороны мира живых ей нравилась. Но она все же сомневалась, не возникнет ли проблем с воскрешением духа, который преследовал ее и при жизни, не вызовет ли это у нее кошмары или видения, не повлияет ли каким-то образом на ее дар или, что еще хуже, не вызовет ли потерю памяти, связанную с ним.

Тем не менее Натали не могла устоять перед возможностью показать свое превосходство над ним в последний раз.

– Кто бы ни убил его, он собой доволен, если судить по цитате Овидия. Как думаешь, кто за этим стоит?

– Моя догадка в том, что это кто-то, связанный с той, кого он убил или чуть не убил, – сказала Симона, заправляя свои светлые кудряшки за уши. – Подумай об этом. Может, кто-то сбежал и ее муж или отец выследил его.

Натали об этом не задумывалась. Получилось ли у кого-то сбежать от Темного художника? Это, конечно, было бы в газете. Но ее собственная встреча с ним в катакомбах скрыта от публики. Были ли другие, о которых, может, не знали даже Кристоф и месье Патинод?

Они завернули за угол и увернулись от любопытной белки.

– Я тоже думала, что это могло быть мстью, но теперь не знаю. Письмо и кусок шелка? Выглядит так, будто кто-то хочет себе такой же славы и гордится своей победой над великим Темным художником.

Симона взяла Натали под руку.

– Если нам повезет, то завтра вечером узнаем.

Симона и Луи прибыли нарядными: на ней были белая кружевная блузка и ярко-красная юбка, на нем – темно-серый костюм с клетчатым аскотским галстуком более светлого серого цвета. Мама впервые увидела Луи и не смогла устоять перед его чарами (он сегодня был особенно искрометен). Она ответила кокетливой усмешкой на его восхищение ее творениями из ткани, которые висели неоконченными в гостиной. Папе, который провел почти весь день в постели с температурой и головной болью, он сердечно пожал руку. Втроем они светски беседовали, пока Симона помогала Натали закончить прическу.

Натали не сказала, что они идут на спиритический сеанс, только упомянула встречу друзей. Мама и сама собиралась уходить на всенощную в соборе Парижской Богородицы, помолиться, как она сказала, за папино благополучное возвращение домой, его быстрое выздоровление после излечения ее и Селесты и благословение его дара целителя.

Попрощавшись с родителями, Натали вышла в коридор, искрясь предвкушением.

– Куда? – спросила она.

Они прошли по коридору.

– Мы идем домой к некоей мадам Зои Клампер, – провозгласил Луи, будто конференсье, объявляющий номер. – Не сомневаюсь, что она поразит и изумит.

– Если она сможет вызвать духи Агнес и Дамиена Сальважа, – сказала Натали, – я буду воспевать ее до самого Лондона и обратно. Где она живет?

– В районе Луи, – сказала Симона, примерно показывая направление рукой, – около университета.

Симона с позволения Натали рассказала Луи о видениях после их примирения, последовавшего за гибелью Агнес. Он поклялся хранить это в тайне, конечно, но издали был очень заинтересован. Сейчас у него впервые с тех пор была возможность поговорить с Натали.

– Каково это? – спросил Луи. – Тот самый момент. Это как сон? Или будто ты закрыл глаза и очутился в другой комнате?

– И так и этак, – ответила она, впечатленная тем, как хорошо он понимал. Он засыпал ее другими вопросами; чем больше она говорила, тем спокойнее делилась своими впечатлениями. Некая гордость струилась в ее венах, как кровь, наполненная фамильной магией.

– А что было в день нахождения склянки с кровью в сумке?

Она нахмурилась. То был ужасный день, сразу после ссоры с

Симоной, и она жалела, что вылила кровь. Она хотела бы прожить этот день заново.

– Я... так и не разобралась. Даже сейчас, запуская руку в сумку, каждый раз думаю, найду ли там еще одну.

Симона толкнула локтем Луи.

– Ты спросил достаточно. Оставь ее в покое.

Вскоре они прибыли к дому, где находилась квартира мадам Клампер. Серовато-белое, с цветочными ящиками у каждого балкона, оно выглядело слишком ярким и современным для спиритического сеанса. Натали почему-то всегда представляла, что они происходят в грязных готических зданиях, укрытых в тени разросшихся деревьев.

Когда они зашли внутрь, Луи повел их на второй этаж. Было необычайно тихо, и когда они подошли к двери мадам Клампер, то, кроме собственных шагов, не слышали ни звука. Натали ожидала, что изнутри будет доноситься полдюжины голосов, веселый шум вечеринки. Может, они пришли первыми.

Вместо того чтобы постучать в дверь, Луи вынул ключ, отпер дверь и жестом пригласил Натали и Симону войти. Он последовал за ними и запер за собой дверь.

И тут все стало очевидным.

Никого в квартире больше не было.

Глядя на то, как Луи невозмутимо прячет ключ в карман, она ощутила волну тошнотворного осознания.

Не было никакого спиритического сеанса и не будет.

Это все ловушка.

Глава 41

Комната, в которой они оказались, напоминала одновременно и гостиную, и лабораторию.

Полосатые обои, диван и кресло с гобеленовой обивкой, керосиновые лампы, выцветший на солнце коврик, книжная полка. Никаких ваз, украшений или цветов. Только канделябр на книжной полке в другом конце комнаты.

И сотни банок.

Полка за полкой, они тянулись вдоль стен и, наполненные жидкостью, все были расставлены по цветам: черные, коричневые, красные, бордовые.

Кровь. По крайней мере, в некоторых. Натали в этом была уверена.

Ее легкие были опустошены, будто в живот ей влетело медленное пушечное ядро. Она исподтишка глянула на Симону, которая выглядела такой же потрясенной.

– Луи, – начала Симона, в голосе звенела тревога, – что это? Где мы?

– Квартира мадам Клампер, как я и говорил. – Он запер комнату изнутри и положил ключик в карман.

Ловушка.

Натали пристально рассматривала его лицо, его поведение. Царственные, даже нарочитые манеры, жизнерадостность, искренние выражения лица... Все это скрывало его темную сторону?

«Он начитанный и модный. Овидий и шелковый шейный платок».

Она отбросила эту мысль. Нет, это не он. Не кавалер Симоны. Он не поэтом их сюда привел. Мама и папа знали бы, будь это он.

И все же, когда он пошевелился, она вздрогнула. Ее глаза нашли канделябр на полке: на всякий случай.

– Почему квартира пуста? Зачем мы здесь? – Натали показала на бутылки. – Вопросы о склянке с кровью у меня в сумке по дороге сюда. Вот так совпадение.

– Она права. Я не люблю такие шутки, Луи. – Симона скрестила руки на груди. – Так зачем мы здесь?

Луи глазел на них, как довольный кот – на своих зрителей.

– Потому что, – начал он, стреляя глазами по комнате, – нам нужно кое-что расследовать. Подозреваю, что мы стоим в комнате любовницы Темного художника.

– Любовницы? – Последующие слова застряли на мгновение в горле у

Натали, прежде чем она смогла их выплюнуть. – Ты что, сумасшедший?

– Мадемуазель Боден, думаете, вы первая, кто задает мне этот вопрос? – сказал Луи, поправляя галстук и ухмыляясь. Натали и Симона смотрели на него, сложив руки на груди, и он раскрыл ладони. – Я не псих, и я не вру и не пытаюсь вас напугать. Доверьтесь мне.

– Мы доверимся тебе, когда перестанешь говорить загадками, – процедила Симона сквозь зубы. Она схватила его за локоть и притянула ближе. – Объяснись прямо сейчас.

– Можно начать, – сказала Натали, – с рассказа о том, откуда взялся ключ от этой квартиры.

– У нас с мадам Клампер один и тот же домовладелец. Он пьяница и изменяет жене. Однажды я видел его в Le Chat Noir с другой женщиной, – Луи прокашлялся, – и напомнил ему об этом, и мы... достигли понимания.

Челюсть Натали расслабилась.

– Шантаж за ключ.

– Да. И – мои извинения, Симона, но прошу, пойми – я сказал ему, что мадам Клампер – моя любовница.

Симона отпустила его и насупилась.

– Мило.

– Это просто уловка, mon chou^[24]. Я сказал, что хочу сделать ей сюрприз. – Луи поцеловал Симону в щеку.

– Меньше поцелуев, больше объяснений, – сказала Симона.

Его взгляд блуждал по комнате, пока он говорил.

– Женщина, которая здесь живет, Зои Клампер, иногда заходит в The Quill. Она спрашивала книгу по Таро однажды, три месяца назад.

Таро. Влюбленные, карта Таро, которую прислал в газету Темный художник.

– Учитывая мой интерес к предсказанию будущего, – продолжил Луи, – я запомнил ее. Когда бы она ни зашла, даже просто посмотреть, мы перекидывались парой слов. Однажды мы обнаружили, что почти соседи, и как-то я даже доставлял ей несколько научных книг – тогда я и увидел банки.

Натали подошла к ближайшей полке. Она посмотрела на банку с коричневой жидкостью и прочитала вслух ярлык:

– Плацента крысы плюс железо.

Симона подошла к ней, чтобы тоже посмотреть.

– Руда плюс чернила, – сказала она, беря банку с черной жидкостью.

– Странные смеси? Эксперименты? – Натали покачала головой, не веря своим глазам. – И при этом никакого измерительного оборудования,

ни капельниц, ни химикатов. Только стеклянные бутылки.

Симона уронила банку. Она ударилась о пол и разлетелась на кусочки. Озеро черноты растекалось в стороны, будто стремилось убежать от осколков.

– О Mon Dieu! – Бледное лицо Симоны стало совсем молочным. – Что теперь?

– Мы это уберем, – сказал Луи, вытаскивая льняной платок с вышитыми инициалами, – и поищем доказательства. Здесь наверняка что-то есть.

– Я все еще не понимаю скачка, – сказала Натали. – В тот момент невозможно было определить, что внутри банок.

Луи закончил вытирать растекшееся, сделав кровавый сверток, наполненный осколками.

– Нет, но это была запоминающаяся деталь, мягко говоря. – Он встал. – Она сказала, что это настойки: она раньше работала в аптеке. Я тут провел немного времени и, поверив ей на слово, ничего особенного не подумал. Пока не увидел в морге Темного художника.

Симона, теперь рассматривавшая банки на другой полке, повернулась к нему.

– Ты его узнал?

– Тогда нет, не совсем. – Он мерил шагами комнату, осматривая каждую горизонтальную поверхность и все, кроме банок. – Но он показался очень знакомым. Много дней я не мог понять почему, и думал, что виделся с ним в клубе или в книжной лавке. А потом, на днях, прочитал описание в газете и вспомнил, что видел недавно его фотографию.

– Когда приходил сюда, – догадалась Натали.

Луи кивнул.

– Да. Мадам Клампер просила меня положить книги на столик, – сказал он, показывая рукой на деревянный предмет изящной работы. – Но в тот раз на нем была рамка с их совместной фотографией, прямо там. Они стояли у фонтана Медичи в Люксембургском саду – мы даже обменялись парой фраз об этом.

Мраморно-бронзовая скульптура Акида и Галатеи, влюбленных, застигнутых врасплох великаном Полифемом. Снова влюбленные. Кажется, это их любимый мотив.

Натали внезапно почувствовала головокружение. Это не может происходить на самом деле. Невозможно, чтобы она стояла в квартире спутницы Темного художника. Вообще-то, и не стоит этого делать. Здесь должна быть полиция, а не они.

– Не надо было ничего расследовать, – сказала Натали. – Нужно было сразу пойти в полицию, даже если это оказалось бы неправдой. У них постоянно бывают ложные следы.

Луи упер руки в боки.

– Не беспокойтесь. Если мой сегодняшний план провалится, то утром я пойду в полицию. Но я подумал, что какие-нибудь доказательства помогли бы поддержать мою теорию.

Натали была одновременно и рассержена, и впечатлена тем, как он продумал эту схему. Он был намного умнее, чем ей казалось. Она сочла его поэтом с интересом к оккультизму. Под всей этой броскостью скрывался острый, наблюдательный ум.

Она повернулась к Симоне, но та не слушала. Она не отрываясь смотрела на банки.

– Вот оно, доказательство ее причастности. Смотрите, смотрите на банки. Девушка номер два. Девушка номер три. Девушки номер один не хватает, но все остальные соответствуют. Все датированы этим летом. Что еще это может быть?

Кровь Агнес там, в банке, как научный эксперимент или экспонат музея естественной истории.

Палец Натали дрожал, когда она прикоснулась к банке с ярлыком «Девушка номер пять».

– Агнес была Агнес, а не девушкой номер пять.

– Мне жаль, – сказала Симона, глядя Натали по спине. – Сочувствую, что тебе пришлось это увидеть и вспомнить.

Несколько минут они продолжали поиски молча. Натали присоединилась к Луи у книжной полки, и он показал на научные книги, которые ей приносил. Но Натали его не слушала, а искала Овидия.

– Что если она работает с тем, кто прислал письмо? Или сама его отправила?

– Зачем же? – спросила Симона. – Она могла просто исчезнуть, и никто никогда не узнал бы, что она собирала кровь вместе с Темным художником.

– Никто и не знает. – Луи вытянул книгу и пролистал, – пока.

Книги в основном были научными, несколько философских, пара романов, «Энеида» Вергилия, том работ Цицерона, и больше никаких древнеримских книг.

Глаза Натали метались по комнате. Она подошла к деревянному бюро и открыла его изогнутую крышку. Слева стояла *carte de visite*^[25] в рамке, маленькая фотография с потрепанным уголком. Красивая молодая женщина

с темными волосами сидела на стуле; стройный мужчина постарше, похожий на нее, стоял позади. Зои и ее отец, наверное, или дядя. Натали взяла ее, чтобы показать Луи.

– Это она?

Он подошел сзади и посмотрел на снимок.

– Лицо у нее сейчас худее, и волосы она носит собранными, но да, это она.

Симона подошла посмотреть.

– Красивая, – сказала она, проводя пальцем по силуэту. – Интересно, ее папа, или кто там с ней, предупредил ее не водиться с убийцами?

– Думал ли он, что она вырастет и станет собирать бутылки с кровью? – Натали покачала головой, возвращая *carte de visite* на место, с чувствами, мечущимися от неверия до отвращения. Она не могла примирить этот образ Зои с мрачными особенностями квартиры. Девушка на фото могла быть ее одноклассницей, подружкой ее и Агнес. Вместо этого она была непостижимой, явно ненормальной женщиной, предпочитавшей фигуркам из лиможского фарфора бутылки с кровью убитых.

Натали обыскивала бюро. Конверты, чеки, обрывки бумаги, финансовые документы, два блокнота – все в аккуратных стопочках – занимали все место. Она стала пролистывать блокнот, когда Луи подошел к одной из уставленных банками полок.

– Итак, мы знаем, что она была сообщницей, – сказал он и снял с полки бутылочку с надписью «моя +1, с опиумной настойкой» и сунул в карман невзначай, будто вломиться в чужую квартиру и взять с полки сосуд с кровью было абсолютно нормальным делом. – И мы знаем, что она каким-то образом экспериментирует с кровью. Но не знаем, как и почему.

Во внешнем коридоре слышались шаги. Натали затаила дыхание.

– Это не она, – махнул рукой Луи. – Она не вернется еще несколько часов, так как на спиритическом сеансе.

Симона сузила глаза.

– А ты откуда знаешь?

– Потому что сегодня и правда есть сеанс – один мой знакомый его организует, и я договорился, чтобы он использовал заднюю комнату *The Quill*. Я видел несколько дней назад список гостей и ее в нем. – Он побарабанил пальцами. – Она вернется позже.

Натали выдохнула и вернулась к блокнотам. В первом, кажется, были банковские дела: суммы в долларах и расчеты. Во втором, с поблекшими чернилами и пожелтевшими страницами, – символы, которых она никогда

раньше не видела, и подробные записи. Почерк менялся: то вытянутый, летящий, то четкий, сжатый – должно быть, писали два человека.

– Кто эта женщина?

– Мадам Резня, – ответила Симона не сразу. – Я буду так ее называть. Забудь Клампер.

– Отлично, – сказала Натали, жалея, что не сама до этого додумалась.

Они направились к спальне, когда Натали заметила столик, накрытый кружевом и красным шелком, около обеденного стола. В центре его, окруженная тремя длинными незажженными свечами, стояла статуэтка римского центуриона с копьем в одной руке и распятием – в другой. На краю столика лежал молитвенник.

Молитвы. Мама сейчас была на всенощной, молясь за папу и, может, за Натали тоже.

Она открыла книжечку, которая напомнила ей мамину, и из нее выпала красно-золотая карточка с молитвой. На одной стороне был изображен римский солдат с пикой и надписью «Святой Лонгин». Этого святого она не узнавала. Натали перевернула карточку и прочитала на другой стороне молитву:

*О благословенный святой Лонгин,
Ты, пронзивший копьем распятого Христа,
Ты, чью слепоту исцелила Его Божественная кровь,
Защити нас.
Облегчи наши страдания, укрепи нашу веру.
Удержи нас на тропе истины,
Дабы мы не сверзлись в темноту.
Заступничеством Твоим и Божьей милостью,
Отец всемогущий,
аминь.*

Натали испытала отвращение, когда представила, как молится мадам Резня, и надеялась, что ни один святой не услышал ее молитв вовсе. Она начала сминать карточку с молитвой, но передумала.

Коробок спичек лежал у одной из высоких свечей. Она зажгла одну и поднесла к ней карточку, глядя, как та распадается, когда она бросила последний кусочек в огонь. Натали прошептала короткое извинение перед святым, надеясь на его понимание.

– Что-то горит? – Голова Симоны показалась из-за угла. Натали начала объяснять, но тут Луи объявил из спальни:

– Дамы, вы не поверите, что я нашел.

Натали и Симона поспешили к нему и увидели его склонившимся над выдвинутым ящиком. Спальня была самая обычная: картины уличных художников на стенах, латунная лампа, стеганое покрывало, туалетный столик с флакончиками духов.

Луи достал что-то из ящика и поднял.

Пара белых перчаток, покрытая узнаваемыми коричневыми пятнами: высохшей крови.

Симона пискнула и хлопнула себя рукой по рту. Натали одеревенела.

– Посмотрите-ка, – сказал он, прислоняясь к ореховому бюро. Когда они присоединились, он указал еще на пять пар перчаток.

– Трофей с каждого убийства, – заключила Натали, желудок ее делал сальто с каждым словом.

– Отнесем это в полицию, – сказал Луи и стал совать их в карманы.

– погоди, – сказала Симона, взяв его за запястье, – одной хватит. Вдруг она заметит? И так, можно сказать, плохо, что мы взяли две банки.

– Из сотен. – Луи выложил окровавленные перчатки обратно и оставил в кармане лишь одну пару. Натали задумалась о том, чья кровь была на ней: Одетт, Мирабель, Лизетт, безымянной жертвы? Она надеялась, что не Агнес.

Натали отвернулась, и ее взгляд упал на туалетный столик. Она заметила кое-что среди флакончиков и теперь рассматривала это.

Она положила руку на шею и с трудом сглотнула, на языке был кисловатый привкус. Осознание пришло в один момент и всего сразу: этого безумия, этого ужаса, этой реальности.

– Заканчивайте тут. А я постою у двери в гостиной, – сказала Натали, пятясь.

Симона шагнула к ней.

– Как хочешь.

Натали отошла на шаг и врезалась в комод. Пытаясь удержаться на ногах, она снова посмотрела на туалетный столик, настолько ошеломленная, что не могла вымолвить ни слова. Трясущейся рукой она взяла позолоченный шприц, выложенный эмалью.

– А это... то, чем она вытягивала кровь?

Она положила его обратно и отвернулась, не желая услышать ответ. Она знала, что это так. Они все знали.

– Не знаю, почему я не потребовала, чтобы ты открыл дверь, и не убежала сразу, как только мы увидели банки. – Она с трудом выговаривала слова дрожащими губами. – Это безумие. Ты сумасшедший, раз привел нас

сюда, Луи. Боже мой, кровь моей прекрасной подруги в банке! Перчатки, в которых был псих, когда убивал ее! Я хочу уйти.

И Симона, и Луи осторожно к ней приблизились, но на этот раз она не отступила, а разрешила себя обнять, пока всхлипывала на пороге спальни мадам Резни.

Прошло мгновение, и они отодвинулись. Луи, который стоял лицом к окну гостиной, напрягся.

– О нет.

Натали не была уверена, произнес ли он «она тут» или она догадалась инстинктивно.

Они побежали к двери, и Луи вытащил из кармана ключ, роняя перчатки. Он остановился, чтобы их поднять.

В подъезде заскрипели ступени.

– Окно спальни! – зашипел он.

Они бросились прочь из гостиной. Симона открыла задвижку и распахнула окно. Она вышла на балкон, за ней – Натали.

Дверь в квартиру открылась, затем последовал скрип половиц. Луи замер, его ошеломленное лицо выражало то, что не могли сделать слова.

Времени не было.

– Ганьон, – прошептал Луи, облизывая губы. Он бросил им окровавленные перчатки и положил руку на оконную задвижку. – Я догоню.

И он закрыл окно.

Глава 42

Натали и Симона стояли по обе стороны от окна, прижавшись спинами к каменной стене.

– Мадам Клампер! – Голос Луи становился выше, как в музыкальных гаммах. – Месье Жене сказал мне, что у вас проблема с... оконной задвижкой.

Натали отодвинулась от окна, боясь, что под определенным углом ее можно увидеть. Она смотрела на Симону, напряженную и неподвижную.

– Вовсе нет. Вы работаете в книжной лавке. Откуда вам известно имя моего домовладельца? – Ее приглушенный голос, подозрительный, но контролируемый, приближался с каждым словом.

– У нас один и тот же домовладелец, – сказал Луи. Натали представила, как он сопровождает свои слова очаровательной улыбкой. – Время от времени я выполняю его мелкие поручения.

Молчание, та его разновидность, которая отсылает воображение в десятки направлений в течение двух мгновений.

– Вы, наверное, перепутали квартиры, – сказала мадам Резня.

Был ли это страх или память, что заставило Натали подумать: этот голос она слышала раньше.

Луи захихикал.

– Должен сказать, он был нетрезв, когда давал мне ключ, – его голос удалялся.

Ответ мадам Резни был сильно приглушенным, и его было не разобрать. Луи ответил, но и этого не было слышно.

Натали похлопала по стене здания, чтобы привлечь внимание Симоны.

– Пойдем, – сказала она одними губами.

– Я не могу его оставить, – прошептала Симона. Она посмотрела на Натали, а потом обратно в сторону окна, будто Луи мог выйти и присоединиться к ним на балкончике. Ее руки были сжаты в кулаки.

Разговор внутри продолжался: отдаленный, неразличимый, в обычном тоне. Никаких криков или воплей, ничего, свидетельствующего о пререканиях. Почему он до сих пор там?

Натали проговорила уверенным шепотом:

– Мы идем к Кристофу, а затем я пойду в собор Парижской Богородицы. Моя мать, возможно, еще там. А ты подождешь Луи в морге.

Симона прижалась плечами к стене.

– Я чувствую себя кошкой, которую загнали на дерево, – тихо сказала она, потягивая себя за рукава. – Он там, с этой сумасшедшей. Я не знаю, что делать.

– Доверься ему и мне. Нам нужно идти, – сказала Натали, изо всех сил сохраняя голос спокойным. – Сейчас.

Симона поймала взгляд Натали и кивнула.

Они перелезли через ограду балкончика и прыгнули на тот, что опоясывал здание этажом ниже. Пробежали по нему до ветки дерева, схватившись за нее для баланса, когда скатывались по навесу. Натали была намного выше ростом, так что первой прыгнула на тротуар и помогла Симоне мягко приземлиться.

– Готова? – Натали ободряюще сжала руку Симоны.

– Готова.

Они бросились бежать так быстро, как только могли.

Кристоф выслушал их историю со своей привычной смесью проникательности и беспокойства, затем спешно отвел девушек в ближайшее отделение полиции. Если отбросить хитрые методы получения ключа Луи, то полиция оценила доказательства. Натали и Симону допросили отдельно, затем поблагодарили и отпустили. Луи был в комнате ожидания.

– Ганьон отправил меня прямо сюда, – сказал он, поднимаясь. Симона чуть не прыгнула в его объятия.

– Я так переживала! – сказала Симона, зарываясь лицом в его плечо. – И готова была стоять на том балконе, пока не уверюсь, что ты в безопасности.

Луи взял ее руки в свои и поцеловал их.

– Все в порядке. Я с ней вежливо побеседовал, пошел наверх, притворившись, что проверяю другую квартиру, и через несколько минут ушел.

Симона снова обняла его.

– Луи Карр, пройдемте к инспектору.

– Я тебя подожду, – сказала Симона, усаживаясь на скамейку.

– Спасибо, Луи, – сказала Натали. – Поверить не могу, что благодарю за это дикое приключение, но все же.

– Детективное агентство Луи Карра к вашим услугам. – Он подмигнул и последовал за офицером в дверь.

Натали повернулась к Симоне, успевшей уже успокоиться.

– Я собираюсь в собор Парижской Богоматери. Спасибо и тебе за то,

что ты – настоящая подруга.

Симона послала ей воздушный поцелуй и ухмыльнулась, и Натали ушла.

Собор был в пяти минутах пути, а быстрый шаг Натали привел ее ко входу еще быстрее. Она зашла внутрь через центральную дверь, портал Страшного суда.

Свет лился сквозь витражные окна на деревянные скамьи и колоссальные каменные колонны. Южное окно-роза, через которое пока еще проникали последние лучи вечернего солнца, переливалось всеми цветами радуги. Священника, совершающего богослужение, не было, как не было и толпы прихожан с молитвенниками. Служба уже закончилась. Мама ушла.

Готические арки выстроились в нефе церкви по обе стороны от алтаря, где репетировал маленький хор. Она слышала голоса: мужские и женские, молодые и старые.

Был ли это тот хор, в котором пела Агнес?

Ее душа сжалась от этой мысли.

Натали решила задержаться здесь. Она не так часто приходила в собор, на службу или помолиться, как следовало бы, но сегодня ее тянуло к размышлениям, успокоению, мыслям и заботе о своем духе.

Она зажгла свечу в одной из ниш, у часовни святого Шарля, потому что ее всегда завораживал грозный образ святого Павла, ослепляющего ложного пророка. Задувая спичку, она увидела, как по проходу в ее сторону неторопливо движется невысокий лысый священник.

– Abbé^[26], – обратилась она к нему, – у меня есть вопрос об одном святом.

– Oui, mademoiselle?^[27] – Он поднял на нее взгляд с вежливым кивком.

– Святой Лон... – Натали пыталась вспомнить имя: что-то необычное и точно не французское. – Лонгин. Как-то так. С мечом.

– А, да! Римский солдат. – Его тонкие губы растянулись в улыбке. – Он пронзил копьем бок Иисуса Христа на кресте, чтобы проверить, мертв ли он. Из раны полились кровь и вода; кровь брызнула в него и исцелила его глазную болезнь. Он обратился в христианство и, как вы знаете, почитается как святой.

«Кровь».

Она вздрогнула.

– Понятно. Спасибо, abbé.

Натали прошла мимо него и дальше по проходу. Она скользнула на

скамейку на полпути к алтарю и встала на колени.

Спрятала лицо в ладонях и стала молиться за убитых Темным художником и их близких, ведь у каждой они были в какой-то момент, даже если умерли они одинокими или, как вторая жертва, неопознанными. Она молилась за Себастьяна и всех полицейских, кто ее охранял. Она молилась за Селесту, за своих родителей и тетю Бриджит, за Симону, за того мужчину, которого она ошибочно приняла за Темного художника, а потом увидела плачущим по дочери на Пер-Лашез. За Кристофа и месье Патинода, и за Луи, и за гипнотизера с женой, и за монахиню, которая хотела ей помочь. Она молилась за всех, кто коснулся ее жизни за последние несколько месяцев.

Она молилась за Агнес, чей мелодичный голос больше никогда не услышит. Она вспоминала, как они хихикали в классе и делились секретами на школьном дворе. Натали сохранит эти письма навсегда как драгоценность, но не станет перечитывать: это будет очень больно и через год, и через пятьдесят. Но она всегда будет держать их при себе.

Проведя какое-то время глубоко в молитве, она подняла голову. Положив подбородок на сложенные руки, она склонилась вперед на скамейке. Хор допевал псалом, когда Натали услышала шорох позади себя. Она обернулась и увидела женщину с молитвенником в руках, в траурной одежде: черной шляпе с вуалью, черном платье со старомодной траурной брошью; она опустилась на колени.

Натали снова спрятала лицо в ладонях. Она задумалась, кого оплакивает эта женщина, чей локон спрятан внутри этой броши. Она помолилась и за эту женщину, и за душу усопшего, которого она оплакивала.

Хор начал следующий псалом, тихо и в миноре. Было так умиротворяюще находиться в задумчивости здесь, в обители покоя. Натали подумала, что нужно было прийти сюда за утешением еще несколько недель назад. Почему пришлось дойти до такой боли, чтобы начать искать облегчение?

Через несколько минут она села обратно на скамейку.

И поняла, что сидит на чем-то. Она пощупала рукой, и пальцы ее нашли что-то маленькое, твердое и угловатое.

Коробочка.

Ее там раньше не было.

Или была?

Придя, она сразу опустилась на колени, так что не могла бы сказать с уверенностью.

Нет, она была уверена: коробочка появилась потом.

Она посмотрела за спину. Вдова уже ушла.

Натали взяла ее в руки – деревянную, резную – и подняла крышечку. Внутри было две бутылочки. Она их узнала: точно такие же видела всего час назад.

В обеих внутри были записки. В одной, кроме записки, ничего не было, вторая же была наполнена кровью.

Она осмотрелась во всех направлениях. Женщины не видать. Все как обычно.

Неуклюжими, дрожащими пальцами она открыла крышку баночки с кровью и вытянула записку. Положила баночку и развернула записку, раскрывая большим пальцем испачканную в крови часть. Слово пронзило ее:

«Агнес».

Натали подавила вскрик и свернула записку обратно; ее пальцы тряслись так сильно, что она боялась выронить бутылочку. Она положила записку обратно и закрыла крышку, измазав руку в крови, пока закручивала ее.

Затем взяла вторую бутылочку и вытянула записку. И снова – лишь одно слово:

«Ты».

Глава 43

Будто в трансе Натали бросила записку обратно и поставила бутылочку на скамейку. Она звякнула, испугав ее. Кровь стучала в ушах.

Она не слышала ничего вокруг.

Не думала.

Инстинкт – вот и все, что у нее оставалось.

Диким взглядом она стала осматриваться в поисках той женщины.

Она увидела какое-то движение в задней части церкви. Повернулась. Фигура, частично скрытая тенями, спешила между колонн.

Вдова. Зои Клампер. Мадам Резня. Зловещая троица.

Натали вскочила со скамьи. Мадам Резня выбежала в дверь, прежде чем Натали успела догнать ее по проходу.

– ПОМОГИТЕ! – закричала она, пробегая мимо группы входивших людей. – Держите ее! Она... она на меня напала!

Они переговаривались между собой по-немецки, уставившись на нее.

Она выбежала наружу, успев заметить, как женщина бежала по мосту слева. Натали погналась за ней, но споткнулась на шатавшемся камне; она упала и поднялась практически одним движением. Мадам Резня, виляя в толпе, увеличила разрыв.

– Она сумасшедшая! – кричала Натали, показывая на нее. – Женщина в черном! Она на меня напала!

Снова, снова и снова.

И никто не помог, ни один человек.

Все либо делали вид, что не замечают Натали, либо оглядывали ее с опаской.

Будто было неправильно кричать о помощи.

– Чего она там кричит? – спросил кто-то.

– Бежит за вдовой!

– Наверное, она из приюта для падших женщин.

Слова поразили Натали как пули, пока она продолжала погоню. Она остановилась, упав духом, когда мадам Резня вскочила в паровой трамвай. Только завернув за угол, Натали наконец нашла полицейского.

Но было, конечно, уже слишком поздно.

Натали крикнула полицейскому:

– Женщина в этом трамвае. Она напала на меня в соборе Парижской

Богоматери! – Хватая ртом воздух, она оглянулась через плечо, будто паровой трамвай мог сойти с рельсов и вернуть женщину сюда.

Полицейский выглядел ненамного старше Натали.

– Напала? Как именно?

Натали помедлила. Она говорила «напала», чтобы привлечь всеобщее внимание.

– Не напала. Она *угрожала* мне. Я молилась и когда села обратно на скамью, то нашла коробку с двумя баночками, одну – с кровью, а другую – без, и в обеих лежали бумажки, и...

Ее желудок перевернулся. Она внезапно потеряла равновесие и схватилась за плечо полицейского.

– Где эти... баночки?

Натали отступила от него, хмурясь.

– В соборе! Вы же не думаете, что я их аккуратненько сложила в карман, прежде чем броситься в погоню?

Бровь полицейского изогнулась.

– Мы можем их потом забрать. – Натали встала, уперев руки в боки. – Та женщина в черном платье. Нам нужно ее догнать! СКОРЕЕ.

– Мадемуазель, вам нужно успокоиться. – Он поднял руку. – Вы видели, как она подкладывала вам эту коробку?

– Non. Но больше некому было.

– Она прикасалась к вам или заговаривала с вами?

– Non. Послушайте, она была любовницей Темного художника... И соучастницей!

Полицейский склонил голову.

– А это вы откуда знаете?

– Знаю, и все. Неважно, откуда. – Она показала рукой на трамвай. – Мы теряем время!

– Мадемуазель, она сейчас уже может быть где угодно, и я предлагаю вам написать заявление. У нас не хватает людей, и...

Пламя обьяло лицо Натали.

– Идиот!

Она убежала от него и отправилась обратно в собор, войдя через одну из боковых дверей. Пожилой мужчина в форменной одежде стоял у скамьи с той коробочкой в руках и осматривал место. Привратник, подумала она.

– Pardonnez-moi, monsieur.

Он обернулся к ней с широко распахнутыми глазами, будто она была призраком, а не живой девушкой.

– Я был в передней части церкви, когда вы за кем-то побежали. Что

произошло? Что... что это такое? – Он поднял крышку и показал на баночки.

Она объяснила, что случилось, как бы абсурдно это ни звучало. Его лицо не выражало никаких эмоций, но под этой маской она чувствовала пульсирующее беспокойство. Он передал ей коробочку с видимым облегчением и предложил проводить ее до морга. Она не чувствовала себя в безопасности одна – интересно, пройдет ли это когда-нибудь? – и приняла предложение.

Они поспешили выйти из собора, когда колокола начали звонить, и мужчина сопровождал ее до дверей морга. Она поблагодарила его, разозлила нескольких людей, легонько растолкав их, чтобы пройти внутрь, и стала энергично махать Кристофу.

Несколько минут спустя они сидели в его кабинете, и во второй раз за последние два часа она рассказывала, что случилось.

– Вот... коробка с бутылочками. – Она вынула ее из сумки и положила в центр его стола.

Он открыл ее, осмотрел содержимое, включая обе записки.

– Зачем она это сделала и почему мне? Из-за моей крови? – произнесла Натали срывающимся от беспокойства голосом.

– Думаю, что да. Но не могу знать, конечно. – Кристоф потер глаза. – Это все бессмысленно, включая то, что она знала, где ты окажешься.

– Я подумала, что она последовала за нами с Симоной, а потом только за мной.

Он помотал головой.

– К моменту прибытия полиции она вынесла вещи из квартиры: блокноты, перчатки, некоторые банки, одежду, даже фотографию, о которой ты говорила. Она не могла сделать все это и проследить за тобой. Мы установили слежку за квартирой на случай, если она вернется, конечно, но это объясняет отсутствие химического оборудования. Наверняка у нее есть второе жилье или она живет у кого-то.

– У кого?

– У родственника, друга, да хоть у убийцы Темного художника. – Он вздохнул. – Мы пока недостаточно о ней знаем.

Только то, что она сумасшедшая, ужасная и помешана на крови.

– Натали, я уже это говорил раньше – много раз за это лето, к сожалению, – но мне жаль, что ты пережила такое. – Он отодвинул коробку с баночками в сторону и похлопал ее по руке. – Хотел бы я забрать у тебя эти ужасные события.

Спокойный, рассудительный Кристоф, с которым она всегда

чувствовала себя в безопасности. Где бы она была, если бы не он? Она поблагодарила его и похлопала его руку в ответ. Он был ярким побегом посреди черных, зазубренных камней этого лета.

Он убрал руку и улыбнулся.

– Наверняка уже стемнело. Проводить тебя домой?

– Это... это не просто прогулка. Нужно ехать на omnibusе или трамвае, – она назвала ему район, в котором жила. – А ты где живешь?

– Тоже в одиннадцатом округе, – ответил он.

– Я... поверить не могу, что наши пути не пересеклись раньше.

– Я там, э-э-э, недавно.

– О? – Как только это вырвалось у нее, она пожалела о слишком любопытном «о».

– Девушка, на которой я собираюсь жениться. Ее семья живет в том районе. Это сюрприз к их возвращению из Америки в следующем месяце.

Натали уставилась в пол.

– Благодарю за предложение, но думаю, что смогу и сама добраться до дома. Я... возьму извозчика.

Он отступил на два шага и посмотрел на нее:

– Ты... ревнуешь?

Она надеялась, что он не заметит, как жар поднялся по ее шее и залил лицо.

– О, Натали, – сказал он, беря ее за руку, – мне... так жаль, что ты чувствуешь это.

Она не смогла заставить себя посмотреть ему в глаза и прилагала все усилия, чтобы не убежать, как ребенок.

– Это неважно, месье Ганьон, – она выпрямилась в полный рост, все еще не поднимая взгляда. – Я желаю вам всего наилучшего в браке.

– Благодарю, – сказал он, поцеловал ее руку и бережно отпустил. – Думаю, что в другое время и в других обстоятельствах я хотел бы узнать вас получше и по-другому.

Натали посмотрела ему в глаза впервые с момента, как разговор свернул на эту тему.

– Ты... хотел бы или узнал бы?

Он кивнул, и серьезное выражение его лица растаяло в улыбке. Его кривоватый зуб, который редко можно было увидеть, только когда он широко улыбался, блеснул ей.

– Спасибо, Кристоф. – Она тоже улыбнулась. – Я ценю это. И... все-таки предпочла бы сама добраться до дома, впрочем. На моих руках и так слишком много крови, и я больше не хочу защиты. А если между нами

будет что-то большее, чем сейчас... думаю, это только разобьет мое сердце потом, когда ты уйдешь.

Он понял или, по крайней мере, сказал, что понял, но тень разочарования промелькнула на его лице.

– Могу я хотя бы заплатить за тебя извозчику?

Она собиралась отказаться, но его несколько обиженное выражение тронуло ее. Она приняла предложение с вежливой улыбкой, грустя, что он не будет ее, но окрыленная тем, что чувство было взаимным.

Он нашел ей извозчика, заплатил ему и поцеловал ее руку перед тем, как помочь ей сесть в экипаж. Всю дорогу домой она прижимала к щеке свою ладонь, на которой все еще горел его поцелуй.

Глава 44

Дробный стук в дверь следующим утром был быстрым и размеренным, и он означал, что кто-то явился по серьезному вопросу. Натали, будучи еще в ночной рубашке, выглянула из своей комнаты.

– Кто мог прийти так рано? – спросила мама, опуская чайник.

Папа медленно встал со своего места. Его температура снизилась прошлой ночью и руки болели меньше; он сказал, что разбитость еще сохранится несколько дней. – Может, сборщики благотворительности, – сказал он по пути к двери.

– Подожди! – крикнула Натали. – Что если... – Она сглотнула и почувствовала себя глупо, пытаясь облечь это в слова. «Мадам Резня». Она рассказала родителям все; они засиделись допоздна за разговором и объятиями, а также за увещеваниями и обещаниями (не предпринимать опасных действий, которыми «должен заниматься префект полиции»). По ободряющему взгляду папы она поняла, что он прочитал ее мысль. Она кашлянула и крикнула:

– Кто это?

– Курьер из лечебницы Св. Матурина.

Папа приоткрыл дверь, а затем распахнул ее.

– Прошу, входите.

Худой парень в очках переступил через порог.

– Приношу извинения за то, что беспокою в столь ранний час. Боюсь, у меня неприятные известия касательно несчастного случая, в котором замешана Бриджит Боден.

– О боже... – Мама поднесла ко рту скомканный платочек.

– Бриджит пыталась этим утром свести счеты с жизнью. – Курьер держал руки по швам. – Она жива, но в тяжелом состоянии. Думаю, это вся информация, которую лечебница поручила мне передать.

Мамино лицо стало таким же белым, как ее чепчик.

– Mon Dieu!

Папа поблагодарил курьера и проводил его к выходу. Его рука задержалась на дверной ручке. Помедлив, он помотал головой.

– Она... она выглядела нормально, когда я заходил к ней вчера.

– Я думала, она уже не вернется к этой фазе, – сказала мама глухо, садясь на диван.

– Не вернется? То есть это не первый раз? – Натали вошла в

гостиную. – Вы мне никогда не рассказывали.

Мама разочарованно посмотрела на нее.

– Думаешь, суицид – подходящая тема для разговора с ребенком?

Натали вспыхнула.

– Non.

– Это случилось вскоре после того, как она отправилась в Св. Матурина, – сказал папа, присоединяясь к маме на диване. Он обнял ее. – Она связала вместе тринадцать четок в подобие веревки, и... к счастью, кто-то услышал, как она отшвырнула ногой стул. И ее вовремя обнаружили.

Мама спрятала лицо в ладонях.

– Бедная страдальца, чувствительная, непредсказуемая Бриджит.

Натали помедлила, тщательно подбирая слова, и заговорила:

– Понимаю, почему вы скрывали от меня некоторые вещи. О нашей семье, о том, каково это – быть Озаренным, пытаться быть Озаренным, и что все это значит.

Она посмотрела на них, своих трудолюбивых родителей, которые дали ей дом, полный любви и счастливых воспоминаний, в то время как она знала, что многим девочкам не так повезло. Эксперименты Энара изменили их жизни, а также ее жизнь навсегда, и все же они не согнулись под тяжестью своих воспоминаний. Они были утомленными и искренними, обремененными и добрыми. Она была горда, очень-очень горда, что они были ее родителями.

Как только они вошли в дверь на этаж тети Бриджит, запахи розмарина и можжевельника заполнили их ноздри.

– Для очистки воздуха, – объясняла ей когда-то мама. Работники лечебницы время от времени использовали их для сокрытия происшествий – как в тот раз, когда пациента стошнило в коридоре, или в день, когда одна из соседок тети Бриджит швыряла содержимое каждого ночного горшка, до которого могла дотянуться, пока медсестры ее не связали. Так что редко когда это был просто запах розмарина и можжевельника. Скорее всего, это, были розмарин, можжевельник, а также какой-нибудь ужасный запах, который не удалось полностью замаскировать.

Сегодня отвратительного запаха не было. Воздух был не сказать, что чистый, но, по крайней мере, свежий. Ароматы розмарина и можжевельника разносились по коридору.

Натали подумала, не прикрывали ли они запах едва не случившейся смерти.

Медсестра Пеллетье с плотно сжатыми губами стремительными

шагами подошла к папе. Они перекинулись парой слов, затем медсестра так же быстро ушла.

– Они поместили тетю Бриджит в другую палату, одну, – сказал папа, показывая на дверь дальше по коридору, чем привычная тетушкина комната. – Она проснулась, крича от кошмара. Медсестра Пеллетье успокоила ее, а когда вернулась проверить, то тетушка была вся в крови и грызла собственное запястье.

Мама ахнула, а Натали поморщилась. Может, это ее воображение, а может, видение, но она увидела ужасную сцену будто воочию.

– И еще, – продолжил папа, – она заявила, что к ней пришла во сне собака-демон, напала на нее и оставила истекать кровью. Такую историю рассказывает тетя Бриджит, и... они не хотят, чтобы мы признавали это попыткой самоубийства.

– То есть мы должны притворяться, что пришли к ней просто так? – мамина рука взлетела к шее.

Папа пожал плечами.

– Доктор считает, что так сейчас будет лучше всего. Я встречу с ним, перед уходом.

Они зашли в новую комнату тети Бриджит, где обнаружили ее свернувшейся калачиком под одеялами. Она выглядела маленькой, просто крошечной на этой кровати. Каждый раз, когда Натали видела ее, тетушка казалась все меньше, будто настанет день, когда она вовсе потеряется в этой постели.

Тетя Бриджит подняла свое забинтованное запястье.

– Одна из адских гончих меня поймала ночью.

А затем добавила шепотом:

– Здесь от них не спрячешься.

Они медленно подошли к кровати и поприветствовали ее. Тетя Бриджит поблагодарила их, что пришли, как она делала всегда.

– Прошлой ночью мне приснилось, что я шла по здешним коридорам и все были мертвы, задраны каким-то невидимым существом. Я опустилась на колени, чтобы помолиться, и тут выскочила красноглазая собака-демон. «Твои молитвы ничего не стоят», – сказала она, затем бросилась на мои сложенные руки. Я проснулась и... – Она вытянула свое запястье, а потом уронила его обратно на постель.

Повисла тишина, и через какое-то время мама кашлянула.

– Так как Августин скромный, полагаю, он тебе не сказал: он вылечил не только меня, но и соседскую девочку. У нее была какая-то неизвестная болезнь, из-за которой она провела почти все лето в лихорадке.

Лицо тети Бриджит просияло, когда она посмотрела на брата.

Натали наблюдала за мамой, впечатленная тем, как она умело помогала тетушке переменить настроение. Папа похлопал маму по ладони; он, наверное, думал о том же.

Тетя Бриджит принялась рассказывать историю о том, как папа пытался научить ее пускать блинчики по воде, но у нее так и не получилось.

– Конечно, сейчас уже слишком поздно, – жалела она. Выражение ее лица внезапно сменилось на тревожное. – Августин, заberi коробку домой. Собака-демон – это знак, что коробка больше не должна тут находиться.

– Какая коробка? – спросила мама. Она стала осматриваться в небольших тетушкиных владениях. Деревянные четки, где не хватало распятия. Затертый молитвенник. Игрушечная мягкая кошка, похожая на Стэнли, которую Натали подарила ей на Рождество много лет назад, когда тетя Бриджит еще жила у мадам Плуфф. – Здесь ничего нет.

– Спросите медсестру Пеллетье, – прошептала тетя Бриджит. – Она положила ее в хранилище много лет назад.

– Туда, где они держат вещи пациентов? – мама бросила взгляд на папу. Он отвел свой.

– И бог знает что еще, – сказала тетя Бриджит, взмахивая рукой. – Я здесь никому не доверяю.

– Я схожу за ней, – сказала Натали. Прежде чем кто-то успел возразить, она вышла из палаты и нашла медсестру Пеллетье: та кормила кого-то в палате дальше по коридору. Закончив, она выслушала вопрос Натали. Пробормотав себе несколько раз под нос: «Где же этот ключ?», она исчезла.

Натали смотрела на пожилую женщину, которую медсестра только что кормила. Она гладила грязную тряпичную куклу будто ребенка. Другая пациентка, шаркая, приблизилась к Натали по коридору, что-то бормоча. Она остановилась около Натали, которая притворилась, что не замечает ее, и встала на цыпочки. Женщина склонилась к Натали, будто хотела поведать секрет, и прошептала:

– Где же ключ?

Женщина побрела прочь. Натали смотрела ей вслед, внезапно узнав ее, и задумалась о степени безумия.

– Вот ты где, – медсестра Пеллетье, вернувшись скорее, чем ожидала Натали, передала ей коробку. – Один из твоих родителей должен расписаться в получении. Попроси их зайти к медсестрам в тот кабинет. – Она показала на комнату в конце коридора и исчезла в другой палате,

чтобы покормить следующую пациентку.

Натали направилась обратно в палату тетушки и сняла с коробки крышку, чтобы посмотреть, что внутри.

Те бумаги.

Бумаги, которые Натали разыскивала, те, что были разбросаны по всей комнате тети Бриджит у мадам Плуфф в тот день которые папа так отчаянно сберегал и которые, по словам мамы, были сожжены.

«МОЯ ИСТОРИЯ» – было написано вверху пожелтевшего листа. Натали принялась читать.

Меня зовут Бриджит Катрин Боден, и я одна из Озаренных. Меня благословили, меня прокляли, и я – доказательство реальности магии, ее красоты и разрушительной силы.

Глава 45

Пальцы Натали крепче сжали коробку. «Вот оно. Наконец». Ответы, которые никто не мог или не соглашался дать, на вопросы, не возникавшие у нее до этого лета и о существовании которых она не подозревала.

Она услышала за спиной шаги и инстинктивно закрыла коробку. Белобородый доктор в очках кивнул ей, проходя мимо; медсестра с бинтами в руках следовала за ним. Они завернули в палату тети Бриджит.

Она прислонилась к бетонной стене коридора и вернулась к чтению.

В возрасте 26 лет мне сделали переливание, и магия преобразила меня, заставила полюбить жизнь, Париж и самого Бога сильнее, чем когда-либо. Прожив 25 лет, я наконец ОЖИЛА. Дар, доставшийся мне, – ясновидение через сны. Это было каждодневным сюрпризом: какой из своих снов я на следующий день увижу в настоящей жизни? Иногда это была сценка в парке, порой вкусная еда или разговор с незнакомцем. Каждый день какая-то часть моих снов становилась реальностью.

Я родила мертвого ребенка в 20 лет. Его крошечное тельце являлось мне во сне целых пять лет. Получив магию, я перестала видеть эти кошмары.

Нет, просто кошмары стали другими.

Когда люди шептались о ПОСЛЕДСТВИЯХ, я жалела тех, у кого они были, в том числе Августина. Он исцеляет людей и забирает часть их недугов себе на время. Я считала, что мне повезло. Я не страдала ни от каких побочных эффектов.

Пока не начала.

Кажется, это началось постепенно. Я понимаю сейчас, когда пишу эти слова эти слова эти СЛОВА, что безумие подкрадывается незаметно, как тать в ночи (Первое послание к фессалоникийцам, 5: 2). Не это ли святой Павел говорил, или имел в виду, или писал?

Мои сны стали реальностью, а реальность – сном, и насилие приходило ко мне во снах, а я совершала насилие, когда просыпалась. НО Я ДОЛЖНА БЫЛА, ПОТОМУ ЧТО ДОЛЖНА БЫЛА. Я знаю, что видела:

младенцев, невинных, убитых, убиваемых, убийц, убивающих невинных. И я пыталась и пыталась и пыталась спасти их и я пыталась делала спасала их.

Никто не верит. Никто не верит. Никто никто никто никто никто никто никто никто никто никто никто никто никто

Затем слова становились еще менее осмысленными – они были случайными, неправильно сложенными, будто кто-то не говорящий на французском взял список фраз из учебника и бездумно их скопировал. Это продолжалось еще на паре страниц, а потом почерк тоже становился неразборчивым. Затем и буквы стали бессмысленными петлями, линиями и закорючками. К четвертой странице это уже была абсолютная тарабарщина.

Далее шло еще около двадцати страниц таких каракулей. Затем, на последней странице, тетя Бриджит подписала свое имя большими, четкими буквами.

Натали подняла взгляд от бумаг. Тетушка родила мертвого ребеночка? Она вдруг осознала, что не знала ничего о тете Бриджит, кроме того, что видела во время визитов в лечебницу, и того, что помнила с детства. Натали даже не станет делать вид, что полностью понимает тетушкино безумие. Эти слова давали хотя бы крохи понимания, на которые Натали могла опереться, что-то настоящее, в чем могло укорениться ее сочувствие.

Она раскрыла страницы веером, зажав между большим и указательным пальцами, дивясь и ужасаясь их содержимому.

– Это, возможно, последнее, что она написала, – сказал папа, появившись в дверном проходе. Голос его был грустным и полным ностальгии.

– Мама сказала, что ты их сжег.

– Я собирался, – сказал он, понизив голос, – потому что это было непростое время для Озаренных, и я не хотел держать в доме никаких записей об экспериментах Энара. Когда время пришло, я не смог это сделать: из уважения.

Натали закрыла коробку крышкой.

– Ты мне говорил, что повел тетушку к доктору Энару потому, что она страдала меланхолией. Это... поэтому? – спросила она, прижав к себе коробку.

Папа кивнул.

– Она стыдилась, что ребенок родился не в браке, и была убеждена,

что его смерть в утробе – это наказание. Мужчина, от которого был ребенок, оставил ее. А скорбь осталась с ней, – он посмотрел через плечо с печальным лицом. – Магия Энара должна была дать ей... нам... новую дорогу в жизни. Я хотел, чтобы она снова почувствовала себя живой.

– Она и почувствовала. – Натали видела вину в его глазах. – Она так и написала, папа: что будто ожила.

– Ненадолго, – сказал он с горькой улыбкой.

Она посмотрела в комнату на свою тетю, не по годам увядшую.

«Вот так будет и со мной? И с папой? И с месье Патинодом? Мы все станем как ты, тетушка?»

Или тебе просто не повезло?

Если магия и наука никогда не встретились бы в лаборатории Энара, кем ты стала бы?»

– Августин! – позвала мама из комнаты.

Они вернулись в палату. Тетя Бриджит закрыла глаза, пока медсестра собирала снятые бинты. Папа заговорил с доктором, который обратился к нему сухо и вывел его в коридор.

– Мама, медсестра Пеллетье сказала, что нужно подписать документы за это, – сказала Натали, поднимая коробку. – Я потом покажу тебе, что там.

– Вы можете пройти со мной, чтобы это сделать, – сказала медсестра. Она скатала в рулон последний бинт и показала маме жестом, чтобы та следовала за ней.

Мама только успела переступить порог, как тетя Бриджит села.

– Это было о тебе, Натали. Она искала *тебя*.

Сердце Натали подпрыгнуло.

– Кто? Где?

– В моем сне. Ты спала под деревом в парке. Женщина в черном держала в одной руке окровавленный нож, а в другой – маленькую стеклянную бутылочку.

– Женщина в черном? – в груди у Натали все натянулось, будто тетива. Это снова безумие? Или это каким-то образом... настоящее?

Тетя Бриджит подозвала ее приблизиться.

– Ее руки были все в занозах, нож держать было больно. Она на пути к тебе зарезала мужчину, примерно возраста Августина, он лежал на сером полосатом покрывале лицом вниз, так что я его не рассмотрела. И отсюда досюда, – сказала тетя Бриджит, проводя рукой от локтей до кончиков пальцев, – она была в крови.

Она вздрогнула. Она никогда не видела тетю Бриджит такой осознанной, такой ясноглазой, не буйной, не злой.

Настоящей.

– Эта женщина, – начала Натали, борясь с ужасом, подступавшим к горлу, – как... как она выглядела?

– Красивое лицо, темные косы, высоко уложенные на голове. У нее был необычный головной убор, красно-золотой, в форме веера. Ростом с тебя.

Комната закружилась вокруг Натали как карусель.

Почему она раньше не сообразила? Все было на виду. Все.

Занозы.

Красно-золотой веер.

Красно-золотая карточка с молитвой. Святому, чья история обращения была связана с кровью. Конечно, кровь. Всегда кровь.

Она видела мадам Резню не раз и не два, а три раза.

И однажды она была при этом с Темным художником.

Натали опустила на пол. Ее не заботило, что пол был грязным или пах содержимым ночных горшков. Ноги ее не держали. Она обняла свои колени, размышляя обо всем этом.

Женщина, которая говорила с ней в морге о занозах в тот день, когда она упала в обморок. *«Мой кавалер постоянно сажает себе занозы»*.

Пара на кладбище Пер-Лашез в тот день, когда она преследовала месье Перчаткина. Те, кто спросил ее, не потерялась ли она. Красивый, гладко выбритый мужчина, который лежал с бородой на плите в морге. Вот почему он показался знакомым: она его видела, говорила с ним о статуе влюбленных на кладбище.

Влюбленные как на карте Таро, как на фотографии у фонтана Медичи, которую видел Луи.

Но один влюбленный убил другого. Она сама и убила Темного художника. Тот мужчина во сне, лежавший на сером покрывале, обозначал Темного художника.

Где-то на окраине сознания Натали слышала, как тетушка звала ее по имени, но не могла ответить.

Глава 46

Натали, дрожа, поднялась на ноги, держась за стену для опоры.

– Почему ты так села на пол? – спросила тетя Бриджит. – Вот же стул в углу.

– Просто... мне нужно было присесть на секундочку. – Натали выглянула в коридор, проверяя, не возвращаются ли родители. – Тетушка, эта женщина убила меня?

– Не знаю. Я побежала к ней и схватила за запястье, но моя рука соскользнула из-за крови, – сказала тетя Бриджит, изображая слабую хватку. – Ты успела проснуться и увидеть, что она приближается к тебе. А потом ты сделала нечто странное.

Она протянула руку для пожатия. Натали неуверенно подала свою в ответ.

– После того как ты пожала ее руку, я проснулась. – Тетя Бриджит вздохнула, осторожно выпуская руку Натали.

Натали устала на собственную ладонь, будто та могла ей рассказать конец этой истории.

– Что насчет этой... собаки-демона? Как она появилась в этом сне?

– Не появилась, – сказала тетя Бриджит тихо. – То был давний сон. Просто повод. Я прокусила себе запястье, чтобы прекратить *этот* сон, чтобы они все прекратились, навсегда. – Она закрыла глаза. – Я тут никому не доверяю. Они никогда не понимают, никто, кроме твоего отца. Где он, кстати?

– С доктором, помнишь? Он скоро вернется. – Натали глянула через плечо. «Сделать это или нет?»

«Я должна и обязана сделать это сейчас. Давно нужно было».

– Тетушка. Я должна тебе кое-что сказать, быстро, – сказала она тихо. – Каким-то образом я... Я родилась с магией доктора Энара. У меня тоже видения.

Глаза тети Бриджит резко распахнулись. Она посмотрела на Натали будто в ужасе, закричала – это был мощный рев для такого маленького костлявого тела – и потянула себя за косу.

– Нет, нет. НЕТ! Только не ты. НЕ ТЫ!

И пару мгновений спустя в палату уже поспешила медсестра, мама с папой – за ней. Медсестра спросила тетю Бриджит, что случилось.

– Защитите ее. Защитите это прекрасное дитя. Позаботьтесь о ней,

Августин.

– Обязательно, – ответил папа. Он аккуратно подоткнул одеяло сестры. – Прошу тебя, не беспокойся, Бриджит.

– Она в безопасности, – добавила мама, приглаживая непослушные волосы тети Бриджит, и вопросительно глянула на Натали.

– Нет, не в безопасности. – Тетушка мотала головой из стороны в сторону, как ребенок, который отказывается есть. – Та женщина хочет ее смерти.

Натали зазнобило, хотя в комнате было тепло.

– Я... я в порядке, тетушка, правда, – сказала она, хотя это не было правдой. Она шепнула родителям, что объяснит позже.

Медсестра стала втирать лавандовое масло в виски и шею тети Бриджит, затем вышла из комнаты. Мама сидела на кровати и держала тетушку за руки, а та закрыла со вздохом глаза.

Натали скрестила руки на груди, чтобы ее перестало колотить. Как долго они еще тут пробудут? Ей нужно рассказать Кристофу. Может, он даже захочет сам прийти и поговорить с тетей Бриджит.

Ее стало трясти еще сильнее, и она крепче обхватила себя руками.

– Боюсь, вынужден попросить вас удалиться, – сказал доктор, кивнув папе. – Бриджит нужен отдых.

Мама поцеловала тетю Бриджит в лоб и попрощалась; Натали и папа сделали то же самое.

Когда они выходили, в комнату вернулась медсестра, держа в руках смирительную рубашку и шприц.

Через час по пути в морг вместе с папой, который был непривычно молчалив, Натали прокручивала в голове все видения, снова и снова, все быстрее с каждым разом, как повторяющийся напев, для успокоения нервов.

Благодаря своим подробным записям она все запомнила наизусть, даже те эпизоды, что были стерты из ее памяти. Две вещи казались ей бессмысленными ранее, но сон тети Бриджит помог соединить кусочки мозаики.

Дважды Темный художник произносил слова, казавшиеся неуместными. Первое: «Да, конечно!» – после того как Агнес умоляла: «Нет». А видения ведь не позволяли Натали слышать никого, кроме самого Темного художника. Зачем добавлять «конечно»? А непосредственно перед своей смертью он сказал: «Да хватит уже».

Кому?

Мадам Резне. Второе – уже точно, а может, и первое, с Агнес, – тоже.

– Я подожду здесь, – сказал папа устало, останавливаясь у ресторана рядом с моргом. Он настоял на том, чтобы пойти с ней. После того как Натали пересказала сон тети Бриджит, родители решили, что она никуда не пойдет – ни в морг, ни в редакцию – в одиночку. («Спину верблюда переломила соломинка», – сказал папа, используя свою любимую присказку.)

Натали не возражала. Она испытала облегчение. Часть ее снова чувствовала себя маленькой девочкой, которая шла за папой, как тогда, в катакомбах, правда, в этот раз вела она, шагая стремительно, уверенно. Другая ее часть знала, что это единственный способ оставаться в безопасности, кроме того что запереться в квартире.

Она поспешила к боковому входу в морг и увидела снаружи Кристофа, оживленно беседовавшего с двумя полицейскими. Он взволнованно размахивал руками – таким она его раньше не видела – и внимательно кивал, когда они говорили. Он выглядел так, будто испытывал те же эмоции, что и она.

Трое мужчин закончили разговор, пока она подходила. Когда Кристоф увидел ее, то побежал к ней с ухмылкой.

– У меня новости! – сказал он.

– У меня – тоже! – Ее сердце чуть не выскакивало из груди.

– Ты первая.

Ее дыхание так участилось, что она с первого раза не смогла ничего выговорить. Она медленно вдохнула и попробовала снова:

– Тетя Бриджит пыталась совершить самоубийство ночью, так что мы пришли сюда прямо из лечебницы. Папа вон там, – сказала она, махнув рукой в сторону ресторана. – У тетушки был сон, ужасный кошмар, в котором Зои Клампер пыталась меня убить.

– Об этом можешь не беспокоиться, – сказал Кристоф, энергично помотав головой.

– Нет, я беспокоюсь! – она пересказала сон и явную догадку, которая осенила ее после этого, жестом остановив его, когда он хотел ее перебить. – Кристоф, она не просто была сообщницей, которая собирала кровь. Она сама – убийца. Я уверена, что мужчина, которого она зарезала во сне, – это Темный художник. Должно быть так. Кто же еще?

– Натали, новость, которую я хотел тебе рассказать...

– Единственное, что не имеет смысла, – это рукопожатие, – продолжала она, потеряв висок. – Зачем мне пожимать ее руку? Если только это не символизирует тот день, когда я упала в обморок в морге, а

она протянула руку, чтобы помочь мне подняться...

– Мы думаем, что поймали человека, убившего Темного художника. А Зои Клампер, возможно, мертва.

Кровь. Вся кровь. Каждая капля в теле Натали будто вытекла из тела прочь, на тротуар, на улицы Парижа.

– Что... что насчет тетиного сна? Знаю, что она из-за этого как раз в лечебнице, но она права; я чувствую это всей душой. Она ничего не знала о Темном художнике или Зои Клампер. Она полностью отрезана от мира.

– Я не знаю. – Кристоф сел на скамейку и жестом пригласил ее сесть рядом. – Мужчина, который взял на себя ответственность, Раймон Бланшар, сегодня сдался. Он сознался в написании письма, в приложении фрагмента шелкового шейного платка, во всем. Он убил Темного художника не из чувства справедливости, а, скорее, из-за неразделенной любви к Зои Клампер.

– Он любил ее?

– Видимо, – сказал Кристоф и стал активно жестикулировать. – Бланшар увидел его повозку и последовал за ним к Сене той ночью; пока он его догнал пешком, тело уже было брошено в реку. По крайней мере, так он заявляет. Стычка была из-за Зои; они боролись, и... Ты знаешь, чем закончилось.

– Знаю и не знаю. Я не понимаю, чему верить. – Натали зажмурилась, а потом снова открыла глаза: – Что он сказал об убийстве мадам Резни?

– Что он застрелил ее и закопал в неглубокой могиле. Он рассказал нам, где найти тело – на кладбище. Полиция сейчас на пути туда, – Кристоф поднял палец. – Чуть не забыл: он сказал, что Зои Клампер – не настоящее ее имя, но больше он ничего не знает.

Натали, поверженная, прижалась к спинке скамейки. Ей стоило бы радоваться, впитать изначальный энтузиазм Кристофа. Так почему она не может?

Потому что, несмотря на все сказанное Кристофом, она хочет верить сну тети Бриджит и чтобы он верил тоже.

– Думаешь, этот сон моей тети не вещий?

Кристоф надолго задержал на ней взгляд, прежде чем ответить.

– Некоторые детали потрясающе точны, но подозреваемый у нас прямо под носом. Полиции известно о твоих способностях, и я им доверяю. Я... я не думаю, что они так же смогут доверять тете Бриджит. Даже несмотря на то что она Озаренная...

– Она при этом не в себе, – закончила Натали. Она подумала о написанном тетей Бриджит и как связный текст перешел в чепуху. –

Поэтому она и там. Мы не знаем, где безумие, а где нет.

– Вместо разочарования я хотел бы, чтобы ты могла почувствовать радость, облегчение. Счастье, что это все, кажется, скоро закончится. – Кристоф прикусил губу. – Не думаю, что у тебя получалось по-настоящему расслабиться или порадоваться, с тех пор как мы познакомились, и я желаю тебе... спокойствия.

Натали не смогла сдержать улыбку. Спокойствие? Она забыла, каково это – жить относительно мирной жизнью и беспокоиться об обыденных вещах.

– Кажется, пришло время побыть репортером, – сказала она, вставая со скамейки.

Кристоф прошел с ней ко входу в морг и, уверив ее, что все практически подошло к концу, попрощался.

Потом Натали присоединилась к папе в ресторане и за обедом написала свой репортаж. (Когда все это закончится, она попросит месье Патинода дать ей место и печатную машинку в редакции.) Оттуда они отправились в *Le Petit Journal*. Папа никогда раньше не бывал в редакции газеты и был поражен шумом и насыщенностью движения в ней.

– Месье Патинод, – позвала она, стуча в полуоткрытую дверь. Шурша стопкой газет, он пригласил ее войти.

Папа вошел первым.

– У меня есть для тебя ценная информация о хорошем ресторане, но он в Марокко.

Месье Патинод настолько не ожидал увидеть папу, что даже через толстые линзы очков было видно, как расширились его глаза.

– Я бы определенно не отказался от долгого обеда, – сказал он, со смешком отклоняясь на спинку стула.

Натали положила свою статью на стол месье Патинода и устроилась на стуле. Они с папой пересказали ему события прошедшего дня, и он сидел с нахмуренными бровями, в глубокой задумчивости. Он знал о подозреваемом – у него была уже назначена встреча с полицией для интервью с Бланшаром, – но заинтересовался сном тети Бриджит намного сильнее, чем Кристоф.

Недоверие Кристофа тете Бриджит ее до сих пор беспокоило. Она его понимала и на его месте, пожалуй, думала бы так же. Но это все же не отменяло разочарования от его скепсиса.

– У Бриджит давно уже не было вещих снов, не так ли?

– Во всяком случае, нам о них неизвестно, – сказал папа. – Уж точно

давно не было таких детальных.

– Одно это заставляет меня верить. И это не имеет ничего общего с моим собственным даром. Безумие затуманило ее способности, да, но...

Дверь резко распахнулась и ударилась о стену. Они обернулись и увидели мужчину с блокнотом в руках, с ярким румянцем.

– Месье Патинод, прошу прощения. Это срочно.

Мужчина, кажется, был художником, составлявшим портреты преступников; он поднял брови, глядя на месье Патинода. Папа кивком поблагодарил месье Патинода, и они с Натали вышли. Дверь закрылась за ними, но Натали помедлила.

Столько, чтобы успеть услышать.

– Убийство, – сказал художник. – Перерезано горло. Наш человек на месте преступления упомянул странную деталь – что-то насчет бутылочки с кровью, найденной рядом с телом.

Глава 47

Натали умоляла месье Патинода отпустить ее на место преступления вместе с художником, но он твердо отказал. Как и папа.

– Но ты можешь подождать здесь, – сказал месье Патинод, открывая портсигар. – Будешь одной из первых, кто узнает, что случилось. Мы сегодня вечером отправим номер в печать.

Она с благодарностью приняла предложение, затем стала мерить шагами его кабинет в клубах табачного дыма, пока папа беседовал с месье Патинодом. Они пробовали разговорить ее, чтобы отвлечь от переживаний. И себя. Они говорили о чем угодно, кроме убийства, и что оно может означать, и Темном художнике, и всем значимом.

Вопросы метались в ее голове, будто кто-то спугнул их, как стаю птиц.

Тот человек, который сдался, Бланшар. Он убил кого-то еще, а потом отправился в полицию?

Нет, Бланшар был объят ревностью, а не занят бутылочками с кровью. Это не подходило.

Только мадам Резня вписывалась в эту историю.

Убил ли ее Бланшар? Или солгал, что убил? А может, убил после того, как она убила кого-то?

Или она работала с кем-то еще? Что если у нее был другой Темный художник, другой сообщник?

Вопросы крутились быстрее и быстрее.

«Я думала, что они теперь будут охотиться за мной».

А затем вопрос, который возвращался вновь и вновь, как надоедливая мошка.

«Почему?»

Месье Патинод успел выкурить несколько сигарет (две, а может, и три), когда вошел измотанный репортер и положил отпечатанные на машинке листы на его стол. – Вот все, что нам известно на данный момент. Еще нужно выяснить множество деталей.

Наконец-то.

Репортер поспешил уйти, ответив взмахом руки на слова благодарности месье Патинода.

Натали наблюдала, как ее начальник читает. Это тянулось бесконечно. Разве он не торопится? Она никогда еще не видела, чтобы кто-то читал настолько медленно, не говоря уже о месье Патиноде, который...

– Жертва – мужчина, живший один, инвалид, который не вставал с кровати.

«Мужчина, завернутый в покрывало».

Натали села на краешек стула.

– То есть мужчина во сне все-таки не был Темным художником.

Папа что-то пробормотал, соглашаясь.

Месье Патинод продолжил:

– Баночка, наполненная кровью, была найдена рядом с телом, как нам известно. Внутри не было записки, но она была найдена на теле: «И он мной убит». А также... кусочек бордовой материи.

– Это не фальшивка и не какой-то загадочный человек. Это мадам Резня, – сказала Натали. – Это все она.

Месье Патинод отложил статью в сторону и сложил руки на груди.

– Я согласен. По многим причинам, но прежде всего по двум, – он вздохнул. – Во-первых, свидетель видел, как высокая темноволосая женщина вчера вечером выходила из здания примерно в то же время, когда было совершено убийство. Во-вторых, жертвой был Озаренный.

Натали сидела на кровати со статьей и делала заметки. Чернила едва успели высохнуть на специальном выпуске, в котором вышла более длинная версия статьи, дополненная цветным рисунком места преступления: окровавленное тело убитого, Уго Пинчона, было накрыто серо-белым полосатым покрывалом.

Не то чтобы Натали требовалась еще одна причина верить сну тети Бриджит.

Префект полиции намеревался «собрать больше доказательств перед тем, как назвать имя подозреваемого, но его личность вскоре будет оглашена». Предположительно, это Зои Клампер. А что же насчет Бланшара?

– Я открою, – крикнула мама. Видимо, кто-то постучал в дверь; Натали даже не услышала. Стэнли соскочил с кровати, чтобы посмотреть, что там происходит.

– Натали! – снова мамин голос. – К тебе гость.

Не Симона, иначе она назвала бы ее по имени. Луи, может, или кто-то из редакции?

Натали вышла из комнаты и залилась румянцем. Кристоф с маленьким тканевым свертком в руках поприветствовал ее. Он передал ей гостинец, как только она подошла.

– Кое-что в поддержку моего извинения.

Она взяла сверток и развернула.

Булочка с шоколадом.

Натали улыбнулась.

– Очень мило. Спасибо. Но... почему?

Мама извинилась и ушла, сказав, что ей нужно разложить ткани в спальне. Она скоро собиралась возобновить работу в ателье и хотела как следует подготовиться. Натали села на диван и предложила Кристофу сесть рядом.

– Бланшар был обманкой, – сказал Кристоф, присаживаясь. – Его история развалилась при подробном допросе, частично благодаря месье Патиноду. Оказалось, что Бланшар не убивал Зои Клампер, но был в нее влюблен.

Натали поморщилась.

– Ему известно, кто она такая? Что она *совершила*?

– Что совершила – неизвестно. Но он знает, кто она. – Он понизил голос. – То место, которое он указал как место ее захоронения. Это была могила ее отца.

– Что? – Натали нахмурилась. – Это жестоко.

– Да, – медленно начал Кристоф, – но это оказалось полезным. Ее отца звали доктор Паскаль Фоше – и ее фамилия тоже Фоше. Мы не знаем, почему она называет себя Клампер: не удалось найти записи о ее браке, да и вообще ничего после университета. У нас есть ее фотография со студенческих времен. А потом она словно исчезла на последние пятнадцать лет.

Натали подумала о фотографии в квартире.

– Вот кого я наверняка и видела на фотокарточке.

– Она пропала к моменту прибытия полиции, так что возможно, – сказал Кристоф. – Я только сегодня узнал, что доктор Фоше был ученым, который экспериментировал с кровью и магией, как Энар. У него не было такого же прорыва, но он шел по тому же пути.

Натали едва могла выговорить слова:

– Еще один... еще Энар?

Кристоф кивнул, а Стэнли запрыгнул на диван между ними.

Это и меняло все, и не меняло ничего. Если не поймать мадам Резню, то у них останутся разложенные, но не сплетенные нити.

– Также, – начал Кристоф, отводя взгляд, – мне нужно было придать значение сну тети Бриджит и, что важнее, твоей вере в него. Я так хотел, чтобы это все скорее закончилось, что как только появился подходящий подозреваемый, я перестал видеть другие пути. Приношу извинения за

ложные надежды и переживания, которые я вызвал.

Натали хотела на него обидеться, хотя бы немножко. Но потом она взглянула на его кривоватый зуб, в эти голубые глаза, послушала его добрый и ободряющий голос, пропустила все сказанное им через голову и сердце. Нет, она не могла на него разозлиться.

– Я тебя прощаю, – сказала она. – В остальном мы составляем... хорошую команду.

Осторожная улыбка тронула его губы.

– И я принес тебе булочку с шоколадом.

– И ты принес мне булочку с шоколадом?

Натали отломил кусочек и предложила ему с ухмылкой. Они еще поговорили, и, после того как он ушел, остался его древесно-лемонграссовый запах. Хотела бы она этот запах закрыть в бутылочку и поставить на полку рядом с другими памятными вещицами.

Глава 48

На следующий день *Le Petit Journal* назвал Зою Клампер главной подозреваемой в убийствах Дамиена Сальважа и Уго Пинчона.

Больше стало известно о жертве: Пинчон, возраста 40 лет, не имел родственников и жил с матерью до ее смерти в 1884 году. С того момента его единственной компанией были сиделки, заходившие раз в день, – одна из них и обнаружила тело.

«Дверь была не заперта, когда я пришла, – сказала медсестра Пинчона (имя ее скрыто из соображений безопасности). – Я хотела достать ключ с притолоки. Но его там не оказалось. И месье Пинчон всегда кричал мне приветствие, как только я заходила, если только не спал. Затем я обычно шла прямо к нему, и он брал меня за руку и благодарил за визит. В этот раз он не поздоровался и не храпел. Я... мне было страшно смотреть».

На этих словах медсестра расплакалась и попросила минутку на то, чтобы успокоиться. «Я осторожно вошла в его спальню и не поняла, на что смотрю. Его шея, грудь, руки были залиты кровью, будто его в ней искупали. Когда я приблизилась, то увидела одну глубокую рану здесь, – она показала на основание горла, – закричала побежала вниз, к домовладельцу, и стала стучать в его дверь».

Медсестра сказала, что Пинчон принадлежал к Озаренным, по его собственному признанию. Он никогда не раскрывал ей природы своего дара, говоря, что «это уже не имеет значения».

Еще как имеет, подумала Натали, читая, иначе мадам Резня не стала бы его убивать. Она хотела – нуждалась – в его крови по какой-то причине. Выбрала ли она его из-за дара или из-за неспособности сопротивляться, а возможно, по какой-то другой причине?

Статья назвала Зою Клампер, также известную как Зою Фоше, главной подозреваемой.

Фоше. Читая статью, она вспомнила еще кое о чем: о блокнотах. Более старый из них, со странными записями, выглядевший так, будто его вели двое. Работа отца мадам? Она опиралась на нее? Пыталась создать следующее поколение Озаренных?

Впрочем, добавились убийства. А Энар не был убийцей.

Лицо мадам Резни – с классическими чертами, привлекательное – было детально изображено художником и смотрело на сотни тысяч парижан с первой страницы *Le Petit Journal*. Натали и Луи давали описания, как и фальшивый убийца Бланшар, несомненно, и тот свидетель, что видел ее выходящей из дома Пинчона. Портрет был выполнен мастерски.

Убери заголовок – и будто глядишь на мать, на театральную актрису или на любимую учительницу. Это не было лицо убийцы.

Прошло четыре дня.

Никто не заявлял, что видел ее: ни один житель, домовладелец, лавочник или кондуктор. Несколько ошибочных наводок было расследовано и отброшено; в остальном она будто исчезла, как ночь на восходе.

Люди судачили, что она уехала из Парижа. Плакаты с именем и изображением Зои были расклеены по всему городу.

Натали оборачивалась каждые несколько шагов и не ходила по улицам одна. На всякий случай, если все ошиблись насчет исчезновения убийцы и если она все еще желала крови Натали.

Пока бесплодные поиски мадам Резни чахли, внимание Парижа переключилось на другого убийцу: Анри Пранзини. До того как Темный художник и Зои Клампер заняли все заголовки, Пранзини, зарезавший двух женщин и двенадцатилетнюю девочку, заставшую его на месте преступления, был тем убийцей, о котором говорили все: в кафе, паровых трамваях и омнибусах. Теперь, когда его казнь назначили на последний день августа, на него снова тратились чернила.

Натали свои потратит тоже: месье Патинод попросил ее написать репортаж с его казни. Он дал такое задание еще нескольким журналистам, каждому со своими акцентами. Ее задачей было описать чувства того, кто впервые видел казнь своими глазами.

И это было странно. Сначала Натали предвкушала этот день, когда смертный приговор был объявлен в июле. Тогда ей было любопытно, и она ожидала испытать удовлетворение оттого, что увидит убийцу обезглавленным. Это было событие, которое любопытно наблюдать, интересно быть его частью, пережить этот опыт, как посещение морга или музея восковых фигур.

Впрочем, ныне смерть обрела иное значение. Она была так погружена в темные, душераздирающие, пугающие реалии смерти, что это зрелище стало менее привлекательным. Пошла бы она смотреть на смерть

Пранзини, если бы не задание от месье Патинода? Ее ответ на этот вопрос постоянно менялся.

За день до казни Натали вытирала пыль с полок и подвинула бутылочку с песком от Агнес в сторону. Бутылки и банки, банки и бутылки. Кто бы мог подумать, что сосуды могут иметь не только содержимое, но и содержание?

Темному художнику так и не воздали по справедливости, подумала она. Ему не пришлось ответить за свои преступления, принять ответственность за убийство Агнес и еще пяти девушек. Она вспоминала, как с нетерпением ждала его поимки и казни. Чувство, которое, казалось, она испытывала так давно, и в то же время оно было совсем недавним.

По крайней мере, он был мертв. А мадам Резня – жива. Как она красноречиво напомнила всем своим письмом с кусочком шелка.

Эта женщина была где-то, и ее преступления были с ней. Ей не избавиться от правды.

Натали подвинула бутылку с песком на место, задержав руку на ней.

Бутылки и банки. Банки и бутылки.

Ее неуверенность относительно посещения казни ради развлечения не распространялась на Зою Клампер ни сейчас, ни когда-либо. Даже если Натали будет пятьдесят лет, когда мадам Резню поймут, она будет там и своими глазами увидит, как опустится нож гильотины.

За день до казни, ближе к вечеру, худощавый мужчина с тонкими усами, одетый в форму, явился к ней домой.

– Я курьер с пневматической почты. Вы мадемуазель Боден?

Натали кивнула. Она никогда не получала писем по пневматической почте; послать капсулу по подземной системе трубок под давлением было дорого. Только срочные, важные сообщения отправляли этим способом.

Курьер передал ей *carte télégramme*^[28] и стоял, сложив руки за спиной, пока она читала.

Мне нужна твоя помощь – твой дар. У меня есть идея, которая, надеюсь, приблизит нас к поимке ЗК. Если пожелаешь, встретимся на набережной Гербье после казни. Оттуда пойдем в морг.

С уважением,

К.

Он нуждался в ее видении? Почему в это время? Она и так туда собиралась, как обычно. Может, случилось еще одно убийство, еще одного Озаренного и Зои Клампер подозревали в нем?

Курьер передал ей карандаш и карточку для ответа.

Конечно. Уверяю, помочь будет для меня честью. До завтра.

С наилучшими пожеланиями, ваша

Н.

Глава 49

– Поверить не могу, что у нас пропуска в ближний ряд, – сказала Симона. – Луи расстроился, что у тебя не получилось достать для него тоже, но он будет смотреть со своими «гильотинными парнями», как он их называет, на своем обычном месте. Я сказала ему, что мы встретимся с ними после.

Было четыре часа утра: по обычаю казни проводились до рассвета – и они направлялись пешком к тюрьме Ла-Рокетт. Это было около Бастилии и Пер-Лашез, неподалеку от дома. Отец их сопровождал, следуя в паре шагов.

Натали и Симона не замолкали, обсуждая казнь, последующую встречу с Кристофом. Они были увлечены составлением планов на вечер, когда папа их прервал.

– Я пойду туда, – сказал он, показывая на боковую улицу. – Ma bichette, ты точно хочешь идти в морг? Ты можешь отказаться.

– Я уверена, что хочу это сделать.

Отец поцеловал ее в щеку, пожав плечами и пообещав встретить ее на берегу, в случае если она передумает.

Толпа у тюрьмы Ла-Рокетт напитывалась предвкушением и мрачным возбуждением. Газовые фонари высились над ними как часовые. Большую часть толпы оттеснили в боковые улицы, но Натали и Симона показали бумаги, и их пропустили в секцию с хорошим видом.

Они слились с массой людей, ища лучшую наблюдательную позицию, и наконец обосновались в одной точке. Было не так близко, как они надеялись (насколько рано *эти* люди сюда явились?), но достаточно недалеко, чтобы хорошо видеть гильотину. Язычки пламени в керосиновых лампах в толпе танцевали по всей площади, как дурно воспитанные, нервные гости.

Они прождали час, который тянулся как два. Затем появился палач: широкоплечий и высокий – каким Натали и ожидала его увидеть. Она стала размышлять: что он за человек, почему избрал такую профессию, нравится ли она ему, хорошо ли ему спится по ночам?

Палач потянул подъемный блок и этим поднял скошенное металлическое лезвие, а затем закрепил его наверху. Зловещая и ужасная гильотина стояла там, готовая опустить нож.

Толпа затихла, когда скрипнули, открываясь, ворота. Некоторые

приподняли шляпы, другие перекрестились. Один человек осенил крестным знаменем нож гильотины.

Жандармы подняли мечи, и показался Пранзини. Руки его были связаны за спиной, на лодыжках звенели оковы.

Симона толкнула Натали локтем.

– Он что, *улыбается*?

– Выглядит так, как сделали бы Темный художник или мадам Резня. – Натали прищурилась. – И правда *улыбается*! Как вызывающе.

Священник, шедший спиной вперед с распятием в вытянутой руке, подвел Пранзини к эшафоту. Убийца поцеловал распятие.

Натали сложила руки на груди.

– Удивительно, что распятие не загорелось.

– Еще успеет загореться, – ответила Симона.

Палач уложил Пранзини в позу для казни.

– ПОЗОР! – крикнул кто-то из толпы. Другие голоса присоединились, и волна свиста и шипения прошла по толпе.

Лезвие упало вниз, и голова Пранзини покатилась в лоток.

Симона стиснула руку Натали.

Натали стояла с разинутым ртом. Она сжала ладонь Симоны в своей, не отводя глаз от происходящего.

– Я ожидала, что это будет быстро, но чтобы так...

– Жизнь. А потом... – Симона сняла руку с нее и щелкнула пальцами. – Смерть.

Надзиратель достал голову Пранзини и бросил в корзину. С опилками, если Натали правильно помнила. В одну минуту он еще дышит, а в следующую – уже в корзине с опилками, которая стоит рядом с остальным телом.

– Боже мой, мы были так близко, что слышали звук падения! Луи обзавидуется, когда я ему расскажу. – Симона взяла Натали под руку. – Что ты обо всем этом думаешь?

Натали перевела взгляд с эшафота на Симону.

– Это отвратительно.

– Он или гильотина?

– И то, и другое, – сказала Натали. – Несмотря на мои претензии, это зрелище и правда принесло удовлетворение.

Толпа двигалась как вода, люди медленно расходились в разные стороны. Натали и Симона застряли в плотном потоке и продвигались маленькими шажками, и взгляд Натали стал блуждать. Проблеск восхода залил все тенями и оранжево-серыми оттенками. Она наблюдала за

приземистым мужчиной, который шел так, будто двигал мебель, за согбенной нищенкой в коричневом одеянии, затем увидела, как бродяга стал горячо спорить сам с собой.

– Вон там Луи, – сказала Симона, толкая Натали локтем. – Увидимся с тобой вечером. Не забудь принести подушку. Удачи в морге.

Натали поблагодарила ее, помахала Луи и свернула на улицу Гербье. Она заметила Кристофа за пару десятков метров, прислонившегося к газовому фонарю, пока мимо тянулся поток парижан. Папы еще не было.

Мужчина, который спорил сам с собой, побрел обратно в ее сторону, идя против движения толпы. Кто-то его оттолкнул с дороги, и Натали отступила, чтобы дать ему пройти. К ней приблизилась нищенка, потряхивая своей кружкой. Натали была ошеломлена неприятным запахом, сделала вид, что не заметила ее, и пошла дальше. Женщина была настойчивой. Папа всегда говорил не вступать в беседу с попрошайками, потому что они его дважды грабили. Но иногда нищий увяжется за тобой, и единственный способ от него избавиться – что-то дать.

Натали достала из кармана пару сантимов. Она бросила их в кружку, и женщина схватила ее руку, чтобы поблагодарить. Натали отняла руку и впервые посмотрела нищенке в глаза. Ее лицо было покрыто сажей и грязью, но глаза...

Она их видела раньше.

Глаза, которые поглядывали на нее из-за веера на Пер-Лашез, глаза, которые смотрели на нее каждый день со страниц *Le Petit Journal*.

«А потом ты сделала нечто странное». Тетя Бриджит протянула руку, чтобы показать Натали, что произошло в ее сне.

Время застыло и перестало существовать или превратилось в воду и просочилось в недра земли. Времени больше не было в этот момент.

Мадам Резня сузила глаза с презрительной усмешкой.

Вызов.

Натали схватила ее за запястье. Женщина вырвалась из ее хватки с неожиданной легкостью. «Она сильная».

Мадам Резня толкнула ее и убежала.

Натали бросилась за ней; старуха преградила ей путь.

– Стыдно должно быть. Что за человек гоняется за нищими?

– Это Зои Клампер! – она высвободилась и побежала в тусклом свете.

Все было покрыто тенями, и вокруг были полуосвещенные лица, тонкие лучи света. Затем она увидела, как Зои пробежала под газовым фонарем. Натали виляла в толпе, сокращая расстояние между ними.

Несколько людей посмотрели на бегущую Натали озадаченно. Зои

пересекла улицу, и Натали сошла с тротуара всего в нескольких метрах.

– Помогите! Зои Клампер, убийца!

Около дюжины молодых мужчин преградили ей дорогу, смеясь, выкрикивая что-то в парах алкоголя. Один из мужчин взял ее под руку.

– Пранзини мертв! Пойдем с нами отмечать.

Натали отстранилась и споткнулась, а они засмеялись. Она осмотрела улицу и увидела, как мелькает знакомое одеяние, исчезая в переулке. Натали устремилась за ней.

Зои остановилась, стоя к ней спиной. Затем, помедлив мгновение, повернулась к Натали лицом, держа между ними пузырек с прозрачной жидкостью:

– Соляная кислота. Проест дыру в чем угодно, чего коснется, включая кожу.

Натали сделала шаг назад.

– Ты хочешь закричать, – она покачала пузырек в руке. – Я и правда знаю, о чем ты думаешь. Одно прикосновение к руке – и я могу читать мысли. Благодаря этому инвалиду, которого я избавила от страданий на днях, и освежающему вливанию его крови.

Голос Натали засох в горле. «Думай».

– Нет, не думай. Я в твоей голове, помнишь? – Зои стянула капюшон с головы. – Я провела последнюю пару дней в голове месье Ганьона – ты ему очень нравишься, кстати, – и как же это оказалось полезно. Это, а еще то, что нищие – невидимки для большинства людей. Иначе я не узнала бы о плане Кристофа.

– Ты блефуешь.

– Нет, – сказала Зои, положив руку на сердце. – Инвалида еще не похоронили. Тело пока в холодильнике. Кристоф выложил его на плиту в витрине, чтобы устроить тебе частный просмотр сегодня утром, чтобы посмотреть, будет ли у тебя одно из твоих видений. Не знаю, что именно ты видишь, но не могу позволить, чтобы ты узнала что-либо обо мне.

Натали нахмурила лоб. «Я тебя ненавижу».

– Ну, ты мне тоже не особо нравишься. Полезный дар, не правда ли? Думаю, я могла бы воспроизвести его в лаборатории, – она показала на голову Натали. – И планирую оставаться там несколько дней, перед тем как убью тебя. Мне нужна информация для экспериментов с кровью, которые необходимо провести над редким видом *Природного Озаренного*.

– Натали, – голос Симоны послышался за ее спиной. Она повернулась и увидела ее и Луи на входе в узкий переулок, всего лишь силуэты в тусклом свете.

– Один шаг в ее сторону, – прошипела Зои, – и я брошу это к ее ногам.
Натали кашлянула.

– Делай... делай то, что она скажет. Там кислота.

Луи убежал.

«Трус».

– Он и правда трус, – сказала Зои. – Как и большинство мужчин, стоит только посмотреть повнимательнее.

Натали снова повернулась к Зои.

– Ты могла меня убить и в соборе.

– И собирать там твою кровь? – Она помотала головой. – Нет, то было просто предупреждением. Меня расстроила история с квартирой – съезжать было неудобно. Но ты мне рассказала, куда направишься. Ну, ты сказала вот той своей подруге.

Натали еще складывала в голове вопрос, когда Зои на него уже ответила.

– Сверхъестественный слух, – сказала она, потянув себя за мочку уха. – Дар Дамиена. Или, как ты его называешь, Темного художника.

– Вот, – Натали засучила рукав, оголив запястье, – возьми мою кровь прямо сейчас. Тебе... не нужно меня убивать.

Зои подняла пузырек.

– Мне нужно наполнить около тридцати таких сосудов для того, что хочу сделать.

– Стоп, – раздался другой голос сзади.

Страх пробежал по лицу Зои. Корабль попал в бурю.

Натали обернулась и увидела полицейского с поднятым пистолетом. Кристоф и Луи стояли за его спиной.

Вот почему Луи убежал: позвать на помощь.

– Не такой уж и трус, мадам Резня, – сказала Симона.

Зои бросилась к другому концу переулка, разбив по дороге пузырек. Они понеслись за ней, перепрыгивая через мусор и кучи одежды, быстро сокращая разрыв. Зои резко свернула вправо, в толпу. Натали прыгнула за ней и схватила за полу одежды, чтобы задержать ее. Полицейский добежал до них и взял Зои за плечо.

Мужчина с керосиновой лампой остановился рядом и осветил на них.

– Боже мой! Это Зои Клампер?

– Что такое? – сказал другой. – Зои Клампер?

– Расступитесь, – сказал Кристоф, поднимая руку. – Альбер, веревку.

Кристоф держал ее запястья за спиной, а Альбер вынимал наручники. Имя Зои Клампер разнеслось по толпе. Она вырывалась и пиналась, пока

Альбер пытался ее связать. Толпа вокруг сгустилась, окружая их.

– Excusez-vous^[29], – Кристоф повысил голос.

Альбер заговорил еще громче:

– Освободите место.

Но толпа все сжималась.

Натали обжигала паника, она беспокоилась, что люди помешают и каким-то образом Зои убежит, скроется от них в темноте, будет и дальше терзать ее и Париж, и...

– Убийца! – закричал кто-то.

Какой-то парень бросился на Зою, по бокам его – две женщины, и они сбили ее с ног. Еще несколько человек присоединились к драке и оттеснили Зою от Кристофа и полицейского.

Зою извивалась, как рыба. Свет газовых фонарей высвечивал немного, но ее выражение лица Натали рассмотрела.

Чистый ужас.

«Хорошо».

Она сделала шаг ближе, чтобы рассмотреть еще лучше. Их взгляды встретились на мгновение, когда Зою позвала на помощь. Пощады? «Как она смеет?»

Натали бросилась, чтобы присоединиться к атаке, но ее дернули назад за обе руки.

– Нет, – сказала Симона, притягивая Натали к себе.

Луи ухватил ее покрепче.

– Ты вряд ли хочешь быть частью этого.

Кто-то из кучи людей потерял равновесие, упал к их ногам, подскочил и снова присоединился к беспорядку. Кристофу в подбородок ударил чей-то локоть, когда он пытался кого-то оттащить. Натали поморщилась.

Зою было не видно; так много людей окружило ее, что Натали только слышала ее крики.

– Моя работа изменит мир! Не убивайте... – толпа облепила ее, как голодные муравьи. Прохожие шли мимо, видели, что происходит, и присоединялись тоже.

Зою съежилась на земле, а вокруг бушевали насилие и ярость. Натали слышала искаженное, бесплодное повторение фразы «моя работа!», пока убийцу не заставили замолчать ударом по голове.

Толпа поглотила ее, наступая на нее. В нее плевали, ее шлепали, пинали, щипали, били, проклинали.

Когда подошло полицейское подкрепление и прервало драку, Зою Клампер была побита, окровавлена, неподвижна.

И мертва.

Глава 50

Натали смотрела на труп не отрываясь.

Она глядела на трупы и изучала мертвые тела все лето. У нее были видения и кошмары о них.

И все же в какое-то мгновение она не была уверена, что кучка плоти, конечностей и крови, бывшая Зои Клампер, являлась трупом. Когда тело перестает быть трупом?

Кристоф положил руку ей на спину и спросил, как она себя чувствует. Пораженная, она в ответ лишь пожала плечами. Как она себя чувствовала? Она не знала. И не узнает, пока не пройдет достаточно времени, чтобы ей перестали задавать этот вопрос.

– Я рада, что она мертва. Как... как ты нас нашел?

– По рыжей голове Луи, – он дотронулся до ранки на подбородке. – Я увидел, что в толпе что-то происходит, и двинулся в эту сторону. А потом увидел, как Луи ведет Альбера, и последовал за ними. Луи сказал мне, что ты там с ней, в переулке.

Он помотал головой, разбитый, будто это каким-то образом была его вина.

– Я была так близко, что *видела* тебя, когда она подошла ко мне. – Она чувствовала себя так, будто пересказывает странный сон. Неужели это и правда произошло? – Сначала я не поняла, что происходит, а потом настал этот ужасный момент прояснения. Все... все, о чем я могла думать, – это преследовать ее.

– Прояснение?

Натали отвела его в сторону, где было меньше людей, и все объяснила. Зои была права, как она узнала, насчет тела Уго Пинчона в морге. Кристоф подтвердил, смущенный, что не помнил встречи с попрошайкой, потому что они были повсюду.

Пока Натали говорила, он утешал ее словами поддержки, напоминая, какой она была смелой всегда. Когда она договорилась, он сочувственно сжал ее плечи. – Все закончилось, Натали, наконец-то.

Закончилось и в то же время нет. Закончится ли это когда-то в ее голове? Она повернулась к трупам.

– Я смотрю на ее тело и все равно никак не могу поверить.

Симона и Луи подошли к ним.

– Я могу, – заявила Симона. – Покажи им свою стопу, Луи.

Он поморщился, показывая им подошву своего ботинка. В ней зияла дыра, через которую виднелась нежная розовая плоть.

– Наступил в кислоту.

– Может, папа сможет исцелить тебя, – сказала Натали. Папа. Он, наверное, волнуется, что она с ним не встретилась до сих пор. Сколько там уже времени прошло? – Мне пора возвращаться к нему.

Кристоф попрощался с ней и присоединился к остальным полицейским; Луи и Симона сказали, что пройдутся вместе с ней до папы.

Натали остановилась, когда они проходили мимо тела Зои. Ее левая рука, сломанная и перекошенная, оказалась около лодыжки Натали; на мгновение Натали показалось, что та сейчас схватит ее и повалит на землю.

Коричневое одеяние Зои было разорвано, обнажая сгиб локтя, где виднелось место прокола, будто от укуса пчелы. Туда она вкалывала себе кровь.

Она взяла кровь Темного художника и Уго Пинчона. Кого еще? Других Озаренных?

Агнес. Жертва номер пять. Струилась ли ее кровь по этим венам? А кровь остальных жертв?

Никаких больше переливаний, никаких больше экспериментов, никаких больше смертей. Натали коснулась ранки и накрыла эту точку пальцами.

В то же мгновение она перенеслась в другое место. Она была кого-то, с силой нанося удары. Вокруг были люди. Она увидела тело, которое колотила.

Зои Клампер.

Здесь. Только что.

Натали вернулась в настоящий момент и поднялась на ноги. Симона смотрела на нее в замешательстве.

– Я коснулась ее, и пришло видение того, что сейчас случилось. С точки зрения одного из тех, кто ее забил.

Дело было не в морге.

И не в стекле.

Ее магия была связана напрямую с убийствами и телами.

Глава 51

На следующий день *Le Petit Journal* опубликовал письмо Зои Клампер Парижу.

Я пишу это, понимая, что меня могут поймать в любой день, и до тех пор я буду держать это при себе. Я буду добавлять на эту страницу имена Озаренных, которых лишаю жизни.

Дамиен Сальваж – сверхъестественный слух; следствие чрезмерного использования – временный звон в ушах (и я испытывала его).

Уго Пинчон – способность читать мысли последнего человека, чьей руки коснулся; следствие чрезмерного использования (то есть без пауз) – временная невозможность понимать написанное (испытывала в некоторой степени, быстро исправила).

Дамиен был верой, искусством и воображением. Я была разумом, наукой и фактами.

То, что началось как заигрывание в опиумном притоне, стало великолепным партнерством.

Я – женщина с большими возможностями благодаря моему отцу, блестящему ученому и исследователю в Университете Франции. Мой отец, глухой и немой, но гениальный, с пером в руке. Мой отец, у которого обманом выманил научные открытия этот мошенник Энар, который не обращал внимания на предостережения моего отца, что работа над магией крови не окончена, не опробована. Мой отец, который расстался с земной жизнью с помощью аконита и бокала бордо.

Я не убивала Энара. Но я заплатила кое-кому – незнакомцу, наемнику, – чтобы он лишил его жизни или убил по идейным мотивам. Насколько важным должен быть деятель, чтобы убийство его считалось идейным? Я заплатила этому человеку, чтобы он его отравил и зарезал стеклом, которое тот использовал в своих переливаниях, чтобы он разгромил его лабораторию. Нанятый мной остолоп должен был взять образцы, но ему показалось, что он кого-то услышал, и он сбежал.

О какая ирония! Дамиена не могли поймать потому, что он

всегда слышал чье угодно приближение. Дважды он слышал, как кто-то подходил прямо перед тем, как он собирался похитить девушку, и он оставлял попытку.

Мало кто был настолько очарователен, как Дамиен. Последив за людьми на значительном расстоянии день-другой, он мог стать каким угодно, чтобы завоевать их доверие – чтобы заставить кого-то войти в дверь или зайти в комнату, или принять его помощь, садясь в экипаж. А так он уже делал то, что нужно для обмана, иногда с моей помощью, иногда – без. Спрашивал, как куда-то пройти. Имитировал недуг. Просил о помощи. Показывал свою мастерскую любопытной девушке. Ночь и туман были нашими самыми ценными союзниками.

Мне стоило бы ненавидеть Дамиена за принадлежность к Озаренным, но это было не так. Я его любила. Глубокий и замкнутый, злой и страстный, он был очаровательно не в себе. Его надломило еще сильнее то, что его магия стала ускользать. Ужасный звон в ушах, который он описывал как грозу внутри головы, был оборотной стороной его дара. По прошествии времени он появлялся все чаще, полнее, явственнее.

Он становился более резким. Его магия угасала и оставляла за собой пустоту, которую нечем было заполнить. Еда, напитки, я, опиум, работа по дереву, – ничто не помогало.

Я не присутствовала при убийстве первой. Мы поссорились, и я не заходила к нему почти неделю. А когда наконец зашла, он рассказал мне, что сделал с той девушкой за день до нашей встречи. «У меня было просветление в опиумном притоне, – сказал он. – И я нашел то, что дает мне почувствовать себя сверхчеловеком еще сильнее, чем слух».

Я не догадывалась, что он говорит об убийстве. «Кто хоть с каплей здравого смысла, даже в парах опиума, обратил бы внимание?» (Проницательные следователи могут узнать эти слова: я говорила их репортеру на условиях анонимности после смерти Дамиена.)

Его глаза были полны чего-то: озорства, удовлетворения, ненасытности. Он был вне себя от восторга, гордый тем, что видел ее в витрине морга.

Я разозлилась на него. Не за убийство девчонки – в Париже полно бессмысленных жизней, – а за то, что не взял ее кровь. Он лишил меня образца, избавившись так скоро от тела.

Я изучала работу отца годами и теперь обитаю в тщательно спрятанной лаборатории, которую он основал много лет назад [адрес вырезан]. Я стремлюсь усовершенствовать магию таким образом, чтобы никто не страдал так, как страдал Дамиен. Регулярные инъекции, думаю, лучше разового переливания.

Мне необходимы образцы для исследований. Дамиен предоставлял девушек, а я совершала опыты над собой с применением крови жертв. Мы сочетали его тягу к убийствам с моим желанием обрести магию. Мы выбирали тех, кого выбирали, потому, что они обладали каким-нибудь качеством, которым я хотела обладать.

В один день я становилась сильнее, в другой – умнее, красивее, ловчее. Тонкости уже не было, но я получала что-то от каждой из этих девушек, пусть даже на день-другой. Я продолжала делать открытия и усовершенствования; достигнув уверенности, я попробовала кровь Дамиена. Она была такой мощной, что звон в ушах приковал меня к постели на несколько дней. Впрочем, эта неудача усилила мое стремление, и я наконец разобралась, как улучшить это для себя. Довела практически до совершенства.

Та девчонка, странная, которую Дамиен назвал «природной», была бы жемчужиной коллекции. Вместо этого Дамиен убил ее подругу, поддавшись порыву, от разочарования, что не смог поймать ту, природную. Хотя она подарила мне чудесный голос на пару дней.

Наши интересы стали расходиться. Он хотел выбирать красивых девушек, а я – Озаренных; он хотел выбирать их по привлекательности, а я дошла до того, что мне было все равно, молодая девушка ли это или старик, – я хотела только Озаренных.

Мы не могли договориться. Так что я взяла все в свои руки.

Это я отправила анонимную информацию о том, что якобы видела драку двух мужчин.

Это я прислала цитату из Овидия, потому что жить у всех на виду щекотало нервы. Я присылала фрагменты шейного платка Дамиена, чтобы мне поверили.

Я не закончила экспериментировать; с толикой удачи список на другой странице будет достаточно длинным к моменту, как вы его прочтете.

Я записала все это потому, что тщеславна. И хочу, чтобы все

знали, кто я такая и чего достигла.

Глава 52

Натали проснулась в темноте на полу. Что-то зашевелилось около нее.
Тело.

Она вскочила, ступни ее запутались в простынях, и она закричала.

Тело ожило.

Натали узнала знакомые очертания и стала успокаиваться.

– Что такое? – спросила Симона. Она встала, прислонилась к чему-то и подкрутила керосиновую лампу.

Они были в квартире Симоны.

– Почему... почему я здесь? – спросила Натали.

Симона взяла лампу в руки и подошла к ней. Она подняла лампу к лицу Натали, отчего на ее собственное лицо упали зловещие тени.

– Ты вспотела. Натали, что случилось? Тебе приснился кошмар?

– Нет... нет. Почему я у тебя дома?

Симона сглотнула.

– Ты... осталась ночевать у меня.

– О, – сказала Натали. И тут ее осенило. Ну конечно. – Сколько времени? Мы же не проспали?

– Проспали что?

Проспали что? Они ведь собирались встать среди ночи, чтобы пойти на казнь Пранзини. Если Симона этого не знала, то что-то было не так.

Натали задумалась.

Нет, не сходилось.

Она заметила что-то на комодке.

– Можно мне лампу?

Симона передала ей лампу. Она осветила на газету.

«КЛАМПЕР УБИТА ТОЛПОЙ ПОСЛЕ КАЗНИ
ПРАНЗИНИ».

Натали кашлянула.

– Э-э-э, какое сегодня число?

– Пятница, второе сентября.

Осознание взорвалось, как в Помпеях, сровняв ее с землей.

Она не помнила последние три дня.

---

notes

Примечания

1

Пожалуйста (*фр.*).

2

Целую (фр.).

3

Простите? (*фр.*).

4

Олененок (*фр.*).

5

О боже (фр.).

6

Очень приятно (фр.).

Извините (фр.).

Простите (*фр.*).

Буквально «у меня нос» – фр. выражение, в переносном смысле означающее «я проныцателен, у меня хорошая идея».

10

Не лезьте не в свое дело (*фр.*).

11

Нет (*φρ.*).

Отец-Рождество, французский аналог Деда Мороза.

Рождественский персонаж, не дарящий подарков, а шлепающий детей, которые плохо себя вели.

Кохинхина – французское колониальное владение, существовавшее в Индокитае в XIX–XX веках.

15

Спокойной ночи (*фр.*).

Извините (*фр.*).

Большое спасибо (*фр.*).

Простите, что? (фр.).

Да? (фр.).

Идеально (фр.).

Стой! Здесь владения Смерти.

Это я (фр.).

Все будет хорошо (*фр.*).

Дорогуша (фр.).

Популярный в конце XIX века формат альбуминовых фотографий размером с визитную карточку.

Аббат, священнослужитель (фр.).

Да, мадемуазель? (фр.).

Карточка с телеграммой (фр.).

Позвольте (фр.).